

ЕГО ВОЛЯ. ЕЁ ЗАКОН. ЕГО КЛЕЙМО. ЕЁ СУДЬБА.

КЛЕЙМО СОЗВЕЗДИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— С.О.Н —
Juliet Black

18+

Сводь Осколков Неба

Juliet Black

Клеймо созвездия

«Автор»

2026

Black J.

Клеймо созвездия / J. Black — «Автор», 2026 — (Своды
Осколков Неба)

В Серой Гнили не бывает спокойной жизни. Здесь каждый день приходится бороться за еду, тепло и право встретить новый рассвет. Мы давно привыкли жить по этим правилам. Прятаться. Молчать. Делать всё, чтобы никто не узнал нашу тайну. Но однажды всё изменилось. В один день я лишилась дома, семьи и той жизни, которую знала. А потом оказалась втянута в чужую игру, правил которой мне никто не объяснил. И пока я пытаюсь найти путь к свободе, кто-то уже двигает фигуры по шахматной доске, на которой мне отвели роль простой пешки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	76
Глава 14	83
Глава 15	88
Глава 16	96
Глава 17	101
Глава 18	106
Глава 19	113
Глава 20	120
Дорогой читатель!	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Juliet Black

Клеймо созвездия

Глава 1

От автора

Наконец-то я её закончила.

Если честно, сама книга была написана больше полугода назад, но всё это время продолжалась моя борьба с самой собой. Мне постоянно что-то не нравилось. Я переписывала сцены, меняла детали, возвращалась к главам, перечитывала их снова и снова, находила новые моменты для правок и никак не могла отпустить эту историю.

Но теперь я наконец поставила точку.

Книга будет доступна бесплатно в формате черновика, пока я вношу последние мелкие правки и провожу финальную вычитку.

Сырой туман Серой Гнили пробирался в дом через щели в старых стенах. Наша кухня на окраине трущоб выглядела жалко: крыша в углу давно прогнила, и оттуда на каменный пол постоянно капала грязная вода. Наша мебель разваливалась от старости — обычный деревянный стул был грубо замотан старыми кожаными ремнями. Из еды у нас почти ничего не осталось: на столе лежала кучка подгнившей фасоли, а в банке на полке перекатывалась последняя горсть муки. Мы жили в полной бедности, просто пытаюсь выжить.

За окном, которое было обтянуто мутным бычьим пузырем вместо стекла, каждые полчаса менялась погода. В Серой Гнили никогда не было нормального климата, потому что наши трущобы зажало прямо между тремя великими землями Иверийцев. Час назад нас заливало ледяным дождем со стороны Звездопада, а сейчас в окна давил душливый, тяжелый жар со стороны Зенита. От этих резких перепадов одежда липла к телу.

— Надолго этого не хватит, Амира, — сказала Митея, опустив деревянную ложку в пустую миску. Она сидела у плиты, её лицо было испачкано в саже. — Если растянем фасоль, то дня на два. Потом мы начнем голодать.

— Мы что-нибудь придумаем, Митея, — ответила я и вытерла мокрые руки о юбку, хотя сама дико боялась голода. — Контрабандисты на рынке обещали продать зерно подешевле.

— Ага, если они до этого нас не пришибут за старые долги, — хмуро отозвалась Талия.

Талия сидела у окна и перебирала фасоль, выкидывая гнилую. От сильного солнечного зноя её тонкая белая майка промокла и просвечивала. Я случайно посмотрела на её спину, и у меня внутри всё сжалось от страха.

Прямо от поясицы, по лопаткам, рукам до локтей и выше к шее у неё шел магический рисунок. Это была как выпуклая печать на коже, похожая на древние символы. У нас у всех троих были такие метки Излома. Из-за них любой ивериец схватил бы нас и превратил в рабынь до конца жизни.

— Надень другую майку, Талия! Быстро, — испуганно прошептала я.

Талия упрямо дернула плечом, даже не обернувшись.

— Мы дома! — огрызнулась она. — Амира, хотя бы здесь можно не прятаться? Я задыхаюсь в этих шмотках.

— Амира права, — жестко перебила её Митея. — А если кто-то зайдет? Ищейки проверяют эти трущобы каждый день. Если они увидят печать на твоём теле...

— Да кто в такую глушь пойдет? — Талия со злостью бросила фасоль на стол. — Мы на самом отшибе Гнили.

— И все же не надо рисковать, — сказала я и сделала шаг к ней. — Талия, надень...

Я не успела договорить. В голову будто со всей дури вогнали раскаленный железный штырь.

Этот прорыв Излома был настолько огромным и мощным, что мой разум просто разорвало на части. Звуки кухни пропали. Мой собственный магический рисунок на спине, скрытый под одеждой, дико зажгло.

— Разрыв... — задыхаясь, прохрипела я.

Ноги сразу стали ватными. Я упала прямо на колени на грязный пол, сильно сжав голову руками. Зубы скрипели от боли, а из глаз брызнули слезы. Пространство перед глазами поплыло и пошло трещинами.

— Амира! Держись! Митея, держи её! — в панике закричала Талия.

Девчонки тут же бросились ко мне. Митея крепко схватила меня за плечи, а Талия прижала мою голову к себе, пытаясь удержать моё тело, которое сильно трясло. Мою спину пекло так, словно туда плеснули кипятком.

И тут включилось видение. Я четко, будто своими глазами, увидела место катастрофы. Прямо на границе, где сталкивались территории Зенита и Звездопада, ткань мира с грохотом порвалась. Из этой черной пространственной дыры — Излома — уже лезли Энтропы. Они выглядели как жуткая, шевелящаяся масса из застывшего дыма, битых зеркал и оголенных костей. Они двигались со страшным хрустом, ломая свои суставы. У них не было глаз, но они ползли вперед.

— На границе Зенита и Звездопада... — выдавила я сквозь сцепленные зубы, утыкаясь лицом в плечо подруги. — Они столкнутся на Стыке... Совсем рядом.

Митея и Талия изо всех сил сжимали меня в объятиях, пытаясь успокоить, пока мой рисунок на спине продолжал бешено гореть от магии, выдавая наш самый главный секрет.

Приступ начал медленно отпускать. Невыносимый жар на спине угас, сменившись ноющей болью, а безумное видение перед глазами наконец-то растворилось, вернув меня обратно на грязный пол нашей кухни.

Я подняла глаза на испуганных подруг. Зрение еще слегка двоилось, а на щеках застыли соленые дорожки — от дикой боли слезы брызнули сами собой, и я не удержалась, шмыгнув носом.

— До этого места всего несколько часов пути, — хрипло выдохнула я, утирая лицо рукавом. — Излом откроется прямо на границе Зенита и Звездопада. Скоро там начнется бой.

Митея резко отстранилась, её лицо побелело от ужаса.

— Амира, нет! Это слишком опасно, даже не думай, — её голос дрожал. — Ты же знаешь, что там будет. Иверийцы прилетят туда выжигать тварей.

— У нас нет других вариантов, Митея, — я упрямо качнула головой, опираясь о край стола, чтобы подняться с колен. Ноги всё еще слегка подкашивались.

Мы все прекрасно знали, что происходит после таких крупных разрывов. Когда Иверийцы заканчивают битву и Излом закрывается, они сразу покидают это место. Энтропы утаскивают с собой в черные дыры кучу бессмертных воинов, чтобы высасывать из них ценную неоновую кровь. После таких побоищ на опустевшей границе всегда остается куча брошенного добра. Местные гнильщики — обычные люди из трущоб — часто тайно бегали туда, рискуя жизнями. Им строжайше запрещалось пересекать рубежи, но голод заставлял людей идти на этот риск. На поле боя можно было найти обломки дорогого оружия, куски редкого металла Иверийцев или какие-то вещи, которые выпали во время драки. Всё это на черном рынке Серой Гнили стоило огромных денег.

— Мы сможем найти там хоть что-то, — продолжила я, глядя в глаза Митеи. — Какую-нибудь сломанную деталь, кусок брони. Мы обменяем это на еду и ячмень, и нам не придется подыхать с голоду через два дня.

Талия, до этого молча стоявшая рядом, вдруг решительно шагнула вперед.

— Я согласна с Амирой, — твердо сказала она, сжав кулаки. — Наша фасоль сгнила. Терять нам уже практически нечего, а тут такой мощный разрыв. Там сто процентов останется куча ценного хлама. Мы обязаны пойти.

Митея испуганно переводила взгляд с меня на Талию, хватаясь руками за голову.

— Вы с ума сошли? Вы же знаете правила! Если нас поймают на чужой земле без клейма раба — нас убьют на месте без всяких разговоров!

Она была права. Границы между нашими трущобами и великими землями Иверийцев не были обычными заборами. Это были пространственные рубежи, которые пульсировали цветным маревом, предупреждая смертных об опасности. Сделать туда шаг без рабского клейма означало подписать себе смертный приговор — патрули Высших ловили чужаков в первую же минуту, а законы Сводов карали за такое нарушение немедленной казнью.

— Мы не будем заходить далеко, Митея, — я мягко перехватила её за дрожащие плечи, пытаясь успокоить. — Буквально шаг-два за эту светящуюся линию. Просто осмотримся у самого края, проверим, не валяется ли что-то прямо у границы, и сразу назад. Иверийцы даже не успеют заметить.

Митея тяжело вздохнула, переводя взгляд на дырявый потолок, откуда продолжала капать вода. Она понимала, что выбора действительно нет. Голодная смерть в этих трущобах была такой же реальной, как и ищейки.

— Ладно, — наконец сдалась она, поджимая губы. — Но если я замечу хотя бы один фиолетовый или золотой отблеск в небе — мы бежим назад так, что пятки будут сверкать.

— Договорились, — слабо улыбнулась я. — Нам нужно успеть добраться туда до того, как туман рассеется.

Мы вышли из дома, поплотнее закутавшись в дырявые серые плащи, чтобы хоть как-то защититься от сырости. Идти до границы нужно было несколько часов сквозь самые нищие кварталы Серой Гнили, и с каждым шагом туман вокруг нас становился только плотнее и грязнее.

Я шла чуть впереди, глядя на улицы, в которых мы были вынуждены выживать. Человеческие трущобы выглядели отвратительно. Вдоль узких, затопленных гнилой водой переулков лепились друг к другу покосившиеся бараки, сколоченные из обломков досок, ржавого железа и кусков старой кожи. Вокруг стоял запах тухлой рыбы, нечистот и сырой земли. Из разбитых окон выглядывали бледные, истощенные лица людей. Дети в лохмотьях сидели прямо в грязи, ковыряясь в кучах отходов в надежде найти хоть какую-то корку хлеба. Здесь люди не жили — они медленно гнили заживо, страдая от вечного холода, голода и болезней.

Талия, шедшая рядом со мной, внезапно остановилась и посмотрела на бледную женщину, которая безуспешно пыталась укачать плачущего, больного ребенка на пороге одной из лачуг. В глазах подруги вспыхнула такая злость, что она до хруста сжала кулаки.

— Как же это несправедливо, — тихо, но с бешеной ненавистью процедила Талия, переводя взгляд на меня. — Эти Иверийцы там, в своих дворцах, живут в полной роскоши. Жрут на золоте, купаются в тепле, летают над миром, а мы тут все просто сдыхаем как собаки в грязи. Господи, как я их ненавижу.

— Им плевать, Лия, — отозвалась я, поправляя тяжелую сумку на плече. — Эти бессмертные твари никогда в жизни куском хлеба с нами не поделятся. Мы для них — просто мусор. Гнилой, никчемный скот, который даже не достоин их взгляда.

— Мы для них рабы, которых они скупают на аукционе, как породистых лошадей, — подала голос Митея. Она шла с другой стороны, испуганно озираясь по сторонам и сильнее

натягивая капюшон на лоб. — Самое страшное, что многих из тех, кого увозят, через пару лет просто выкидывают обратно. Едва живых. С пустыми глазами и сломанными телами.

— Ну конечно, — зло усмехнулась Талия, перешагивая через глубокую лужу с мазутной пленкой. — Зачем им во дворцах потрепанные и искалеченные игрушки? Им нужны только здоровые, сильные рабы, которые могут пахать на износ. А те, кто уже не выдерживает тяжелой работы, им больше не нужны. Вот они и возвращают их обратно, умирать в это убогое место.

— Самое паршивое, — я остановилась на развилке дорог, оборачиваясь к девчонкам и чувствуя, как под одеждой от быстрой ходьбы заныл рисунок на поясице. — Самое паршивое, что если разобраться в нашей крови течет то же самое. Мы ведь в чем-то точно такие же, как они. Те же символы на коже.

Митея резко затормозила, её глаза испуганно расширились, а голос упал до едва различимого шепота:

— Не говори так, Амира. Никогда так не говори. Неизвестно, что с нами сделают, если кто-то из Высших услышит эти слова и узнает правду о нас.

— Не напоминай мне про Иверийцев, — процедила Талия, перешагивая через глубокую лужу с мазутной пленкой. Её пальцы в дырявых перчатках сжались на рукояти старого ножа. — Они — Высшие. А мы — просто мусор, застрявший посередине между ними и обычными людьми.

— Лия, — Митея испуганно дернула её за рукав плаща. — Мы не просто мусор. Мы чертов парадокс. Обычные люди в Гнили сдыхают от сырости в сорок лет, а мы Ты же помнишь, что случилось на границе два года назад?

Талия резко замолчала, и на её щеке неестественно натянулись жилы.

Два года назад Излом открылся, и из него вывалилась мелкая, голодная тварь. Обычный человек превратился бы в фарш за секунду, но Талия тогда в панике просто выставила ладони вперед. И Энтроп застыл. Тварь из битых зеркал и дыма хрустнула костями и послушно развернулась назад, в черную пустоту, запечатав за собой дыру. Именно в ту ночь мы поняли, что дикая вспышка трех Лордов во время Великой Войны сделала с нами нечто страшное. Излом расколот ту древнюю силу, намертво вплавив в каждую из нас её осколок.

Но был и другой случай, окончательно превративший нашу жизнь в кошмар. Спустя несколько месяцев после того разлома мы отправились к границе прочесывать каменистые насыпи в поисках уцелевшего металла. Иверийцы незадолго до этого устроили там очередную кровавую междоусобную драку, и вся территория была усыпана обломками доспехов. Пробираясь через густые неоновые заросли, мы случайно наткнулись на кусты, в которых лежал раненый иверийский солдат. Он едва дышал, истекая синеватой кровью.

Митея тогда поддалась глупой человеческой жалости. Визжа от страха внутри себя, она опустилась перед ним на колени и коснулась его разорванной груди. В ту же секунду Тея сама не поняла, как это произошло. Её скрытая магия вспыхнула прямо в руке ярким, чистым светом, и на наших глазах смертельная рана воина затянулась за секунду. Кожа восстановилась, а его рваное дыхание выровнялось. Мы застыли в полном шоке, парализованные увиденным чудом. Времени на размышления не было — мы испуганно сорвались с места и быстро бежали с этого стыка, скрываясь в тумане Гнили, пока спасенный солдат не проснулся и не обнаружил нас.

— Помню, — ответила Талия. — Я укрощаю этих чудовищ, силой мысли заталкивая их обратно под замок Излома. Амира видит их приближение в своих чертовых кошмарах за несколько часов до того, как они разнесут форты. А ты, Тея ты единственная, кто может вылечить смертельно раненых бессмертных. Мы три разные части одного проклятого Выброса. Но это не делает нас Иверийцами. У нас есть сердце, а у них — куски обсидиана в груди.

— Вот поэтому мы заберем этот металл, выживем и продолжим скрываться, — жестко оборвала я их спор, указывая вперед, туда, где грязный туман окрашивался в едва заметный

призрачный свет. Если Иверийцы узнают, какие силы скрываются в трех человеческих девчонках из трущоб, нас не просто купят на аукционе. Нас закуют в цепи до конца жизни и заставят служить своим хозяевам до последнего вздоха. Граница близко. Больше ни слова об этом.

Трущобы наконец остались позади, уступая место пустырю, заросшему высокой, жесткой и сухой травой. Она шуршала по нашим плащам, когда мы пробирались сквозь её густые заросли, пока впереди не открылась широкая каменистая поляна.

Прямо посреди неё высился рубеж. Это была уходящая высоко в небо прозрачная стена из чистой магии. Она непрерывно и слабо пульсировала в темноте, отделяя грязную Серую Гниль от великих земель Иверийцев.

Дойдя до края зарослей, мы присели в высокую траву, стараясь не высовываться. Я прищурилась, вглядываясь в каменистую поляну, и мое сердце пропустило удар.

У самой стены кто-то был. Несколько человеческих силуэтов в таких же оборванных плащах, как у нас, суетливо металась по земле, выискивая что-то в камнях.

— Черт, — сквозь зубы выругалась Талия, дернув меня за край капюшона. — Мы опоздали. Это же мародеры из нижних кварталов. Гнильщики уже там.

— Ничего, — тихо ответила я, сжимая ладонями холодную землю. — Мы просто подождем в траве, пока они уйдут. Главное — не высовываться раньше времени.

— Да они же всё заберут! — Талия зло уставилась на прыгающие в темноте силуэты. Её голос дрожал от досады. — Там ни черта ценного не останется, Амира! Они выгребут весь металл до последней крошки, а нам опять жрать тухлую фасоль?

Митея ничего не ответила. Она молча сидела на корточках рядом со мной, обхватив колени руками. Её взгляд был прикован не к мародерам, а к тому, что находилось прямо за светящейся стеной. К той стороне рубежа. К Солярису.

Там, за прозрачным магическим куполом, не было наших серых сумерек. Там круглые сутки царил ослепительный, яростный Зенит. Слепящее солнце застыло в наивысшей точке неба, заливая белые мраморные башни и каньоны Иверийцев безумным, жарким золотым светом. Даже сквозь преграду до нас долетали отголоски этого невыносимого, чужого тепла.

— Наверное, там, у них в Солярисе, есть вообще всё, — произнесла Митея, не отрывая глаз от слепящего света. — Еда, чистая вода, тепло. У них есть всё, что они захотят. А мы тут просто сдыхаем с голода в грязи.

Мы с Талией тоже повернули головы, послушно уставившись туда, за светящуюся черту. Жаркое золото чужого солнца отражалось в наших зрачках, ослепляя и напоминая о том, насколько несправедливо устроен этот сломанный мир Этера.

Я подняла голову, глядя на то, как рубеж уходил высоко вверх, превращаясь в плотный купол Соляриса. Это была не просто стена. Эти великие Своды намертво накрывали каждый регион Этера, изолируя их друг от друга и нависая над нами, как вечные стеклянные крыши. Купол Зенита слепил, выжигая туман на нашей стороне Стыка, и от этого зрелища у меня внутри всё болезненно сжималось.

Талия вдруг тихо и злобно рассмеялась, вырывая меня из мыслей. Её смех прозвучал сухо, как треск ломающихся веток.

— Думаешь, у них там всё так сладко? — она подалась вперед, не отрывая взгляда от сияющих каньонов за стеклом Сводов. В её голосе бурлила чистая ярость. — Да Энтропы кромсают этих тварей веками! Иверийцы могут сколько угодно называть себя богами, но онидохнут на границах Излома точно так же, как и мы. Чудовища жрут их, высасывают их драгоценную неоновую кровь, и никакое золото их от этого не спасает.

Я повернулась к ней и обледенела. Из-за бешеной, клокочущей злости Талия потеряла контроль. Прямо на моих глазах её карие, почти шоколадные глаза начали меняться. Радужка запульсировала, и в ней, сменяя друг друга, дико замерцали три чужих цвета: чернильно-фио-

летовая Тьма Затмения, слепящий Свет Зенита и глубокое сапфировое сияние Звездопада. Три осколка магии, заперты внутри неё, рвались наружу.

— Талия, успокойся! — я мертвой хваткой вцепилась в её предплечье, пригибая к земле. — Зажми свои эмоции, черт тебя дери! Ты опять выдаешь нас!

Талия вдохнула, до хруста зажмурилась и замерла, сжимая челюсти. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем она медленно выдохнула сквозь зубы и снова открыла глаза. Переливы исчезли. На меня снова смотрели её привычные карие глаза. Она поправила темные, растрепанные волосы, скрывая лицо, и сердито буркнула:

— Да брось, Амира. Тут никого нет, кроме этих жалких мародеров. Кому нас сдавать?

Я промолчала, лишь устало перевела взгляд с неё на Митею.

Мы сидели втроем в густой траве, и я в очередной раз подумала, насколько же мы были разными. Талия — яркая, импульсивная брюнетка с карими глазами. Митея — тихая, хрупкая блондинка с пронзительно-синим взглядом. И я, со своими русыми волосами и вечно уставшими зелеными глазами. Нас троих объединяла одна страшная тайна на весь мир, и то, что мы вообще встретились в этой гнилой Серой Гнили, казалось невозможной случайностью.

Наши родители когда-то жили в соседних лачугах, на одной узкой, затапливаемой улице трущоб. И именно туда двадцать три года назад пришлась та роковая, вспышка от столкновения сил трех Лордов. Мы родились под этот грохот, одновременно приняв в свои тела ударную волну Излома. Мы были поражены этой силой с первого вдоха.

— Знаешь... — Митея тихо подала голос, продолжая обнимать свои колени. — Если бы Иверийцы были нормальной расой... Если бы они хоть немного помогали людям в Гнили, вместо того чтобы держать нас за скот... Возможно, всё было бы по-другому. Возможно, и мы бы смогли им помочь. Добровольно.

Она повернулась ко мне, и в её синих глазах отразился золотой свет Сводов Соляриса.

— Мы ведь могли бы спасти их мир, — горько шепнула Митея. — Ты, Амира, можешь заранее видеть эти Изломы и предупреждать о прорывах. Я могу исцелять их воинов от смертельных гниющих ран, которые оставляют когти Энтропов. А Талия способна силой мысли укрощать этих тварей, заставляя их застывать и убираться обратно в Излом. Мы — идеальное оружие против монстров. Мы бы пошли к ним сами, если бы они не были такими жестокими ублюдками.

Талия зло сплюнула в траву и поудобнее перехватила нож.

— Да никогда в жизни, — отчеканила она, и её глаза снова опасно потемнели. — Пусть эти твари сгорают в своей гордости. Я пальцем не шевельну, чтобы спасти хоть одного Иверийца. Пусть Энтропы выжрут их до основания.

Я упрямо вглядывалась в темноту через стебли высокой травы, сжимая кулаки до белизны в костяшках. Сейчас меня волновали только гнильщики, которые суетливо копошились у стены. Я молилась лишь об одном: чтобы эти мародеры убирались отсюда как можно скорее. Нам нужно было дождаться, пока они уйдут, и надеяться, что после них на этой поляне останется хоть что-то. Хоть какой-то мелкий обломок металла, застрявший между камней, или утерянная деталь доспехов.

Иначе мы просто не выживем. Иначе через два дня в нашем полуразрушенном доме на окраине Серой Гнили начнется настоящий, мучительный голод.

Глава 2

Ждать пришлось долго. Мы неподвижно сидели в жесткой, колючей траве, едва смея дышать, пока мародеры из нижних кварталов переворачивали каждый камень на каменистой поляне. Солнечный зной Соляриса, ломившийся сквозь прозрачный купол, постепенно начал ослабевать, и небо над Стыком снова качнуло в сторону сырой, холодной мглы.

Наконец гнильщики потащили свои набитые мешки прочь. Я внимательно следила за тем, как их темные силуэты медленно растворяются в сером тумане, но руку с плеча Митеи не убирала.

— Подождем еще немного, — тихо, одними губами скомандовала я, удерживая девчонок на месте. — Ищейки или другие мародеры могли затаиться поблизости.

Минуты тянулись как часы. Время шло, поляна окончательно опустела, и тишину нарушал лишь далекий, призрачный гул, исходивший от светящихся рубежей. Когда туман полностью поглотил последние следы гнильщиков, я наконец глубоко вдохнула и поднялась на ноги.

— Идем.

— Наконец-то, — сквозь зубы выдохнула Талия, мгновенно выпрямляясь. Её пальцы все еще упрямо сжимали рукоять ножа.

Мы вышли из укрытия и быстрым шагом направились к границе. Под ногами хрустела мелкая каменная крошка. Чем ближе мы подходили, тем сильнее перед нами росла переливающаяся стена чужого рубежа. Она мерцала неровным, текучим светом, уходя высоко в облака и превращаясь там в грандиозные, непреступные Своды.

В этот момент я особенно остро почувствовала, в какой страшной ловушке мы живем. Наша Серая Гниль была зажата в самом центре Этера, напоминая убогий, бесплодный треугольник на географической карте. Мы находились в каменных тисках: с одной стороны треугольник подпирали мрачный Покров Вечного Затмения Стигии, с другой — сияющий Свод Вечного Зенита Соляриса, а над нами высились парящие скалы Вечного Звездопада Целести. В самом же низу, под рубежами Иверийцев, раскинулась наша нищая Серая Гниль. Из-за такого соседства ломаные линии границ шли неровно, изгибаясь причудливыми зигзагами.

Сейчас мы вышли к самому острому, аномальному углу нашего треугольника — месту, где соприкасались сразу три рубежа: наша Серая Гниль, Свод Солнца и Свод Звезд. Именно поэтому Излом и случился прямо здесь. Магия двух великих регионов столкнулась на общем стыке, прорвав ткань пространства.

Мы постоянно оборачивались, вглядываясь в серую мглу позади себя, проверяя, не следит ли кто-то за нами. Но поляна была мертва.

Когда до стены остался всего шаг, Талия, даже не притормозив, бесстрашно перешагнула через черту магии.

— Держись рядом, Лия! — испуганно шикнула я, переходя рубеж вслед за ней. — И смотрите в оба.

Я подняла голову вверх и зажмурилась. Мы оказались на территории Соляриса. Прямо над нами, вопреки всем законам природы, вспыхнуло яростное, слепящее солнце. Оно вечно застыло в наивысшей точке этого Свода, мгновенно обрушив на наши плечи тяжелый, сухой зной. Здесь воздух дрожал от жара, а каменистая земля под ногами казалась раскаленной плитой.

— Смотрите, здесь настоящее солнце... — прошептала я, стирая выступивший на лбу пот.

Сделав еще буквально три шага вперед, мы уперлись во внутренний стык рубежей. Пространство здесь шло ломаным углом. Я протянула руку, перешагнула еще одну невидимую, слабо пульсирующую преграду в воздухе — и у меня перехватило дыхание.

Жар Соляриса мгновенно испарился. Вместо него мою кожу обдал пронзительный ледяной ветер. Мы сделали всего пару шагов, но над нашими головами вместо слепящего солнца раскинулось глубокое темно-синее ночное небо, по которому непрерывно, расчерчивая темноту хрустальными штрихами, проносились падающие звезды. В воздухе медленно кружились крошечные светящиеся частицы. Это были земли Вечного Звездопада.

— Боги, это просто невероятно... — тихо выдохнула Митея, испуганно оборачиваясь назад, где всего в паре метров от нас, за невидимой стеной Свода, продолжало яростно полыхать золотое солнце.

Мы стояли на самом острие Излома, зажатые между солнцем и звездами.

Но нам нельзя было здесь находиться. Каждый вдох на чужой территории приближал нас к смерти. Любой патруль Иверийцев, заметив людей без клейма, выжег бы нас прямо на этих камнях.

— Осматривайтесь быстрее, — приказала я девчонкам, прерывая минутное оцепенение. — Смотрите под ногами. У нас мало времени.

Мы разделились, стараясь не терять друг друга из виду, и начали быстро ходить по каменистой земле. Мы шоркали подошвами старых сапог, разгребали ногами крупные булыжники, заглядывали под обломки скал и тщательно ощупывали сухую, обожженную недавним Изломом траву. С каждым шагом мы проходили всё чуть дальше вперед, углубляясь в опасную зону.

— Талия, не уходи далеко! — крикнула я, заметив, что темный силуэт подружки слишком сильно отделился в сторону.

— Да твою мать! — яростно огрызнулась Талия, со злостью пнув подвернувшийся под ногу обломок серого гранита. Она резко развернулась ко мне, тяжело дыша. — Тут ни черта нету, Амира! Вообще ничего! Всё уже эти чертовы гнильщики забрали до нас, выгребли подчистую! Мы зря сюда перлись!

Прошло еще какое-то время, и внутри меня всё начало болезненно сжиматься от тяжелого разочарования. Руки опустились. Мы продолжали упорно переворачивать камни, но земля вокруг была абсолютно пустой. Ни единого обломка оружия Иверийцев, ни клочка их брони, ни даже крошечной детали, которую можно было бы продать на черном рынке. Нас ждал голод. Настоящий, удушающий голод в пустом доме, из которого некуда бежать.

И тут тишину разорвал громкий, восторженный возглас Митеи.

— Сюда! — закричала она, отчаянно махая нам рукой. — Скорее, посмотрите, что здесь!

Мы с Талией сорвались с места одновременно. Спотыкаясь о камни и задыхаясь от быстрого бега, мы подлетели к Митее. Она сидела на коленях в глубокой расщелине между скалами, а её синие глаза дико блестели. В её дрожащих, испачканных в саже ладонях лежало то, за что в Серой Гнили могли без раздумий перерезать горло целой семье.

Это была драгоценность. Массивное, явно мужское украшение на шею, созданное из тяжелого, холодного металла. Вещь была сделана настолько искусно: вдоль всего украшения шли тонкие, четкие линии, в которых застыли крошечные, едва заметные золотые крупинцы. Очевидно, во время жестокой драки с Энтропами один из Высших Иверийцев потерял свой личный дорогой амулет, и он по счастливой случайности свалился прямо в эту глубокую щель, куда мародеры просто не догадались заглянуть.

— О боги, — Талия упала на колени рядом с Митеей, замороженно уставившись на темный металл. На её бледном лице впервые за весь день появилась улыбка. — Это же это, наверное, стоит целую кучу золотых монет. Амира, ты понимаешь?! Неужели нам могло так повезти? Нам этого хватит не то что на ячмень, мы сможем безбедно жить несколько месяцев!

Я протянула дрожащую руку и осторожно взяла тяжелую драгоценность из ладоней Митеи. Темный металл оказался неестественно холодным, почти ледяным, несмотря на то, что лежал на солнечной стороне Соляриса. Внутренние золотые линии на нем слабо дрожали, будто вещь была живой.

— Надо уходить, — мой голос прозвучал глухо и резко.

Я быстро сунула украшение Митее. Та сразу спрятала его на самое дно своей холщовой сумки и засыпала сверху грязными тряпками.

— Нам повезло, но если нас поймают здесь с вещью Высшего нас не просто убьют. За такое воровство сдерут кожу живьем.

— Амира права, убираемся, — Талия рванула ворот своего плаща, тяжело дыша от волнения. — Мы получили то, зачем пришли. Возвращаемся в Гниль.

Мы развернулись, собираясь броситься назад, к спасительной светящейся линии нашего треугольника Стыка.

Но сделать первый шаг мы не успели.

Воздух над каменистой поляной вдруг со страшным, свистящим грохотом уплотнился, заставив уши заложить от резкого перепада давления. Пространство пошло ломаными волнами, как искаженная линза, и все мелкие камни, сухие ветки и пыль вокруг наших сапог оторвались от земли, лениво взлетая вверх.

В небесах над поляной медленно выплыл огромный экипаж из чёрного серебра. Такие кареты были только у Лордов. Его колёса не касались земли. Вокруг них дрожал воздух, а по камням под нами побежали тонкие трещины. За экипажем тянулся след мерцающей пыли, которая не оседала на землю, а растворялась прямо в воздухе.

Это была личная гвардия правителя. В Серо-Гниль прибыл сам Лорд Вечного Звездопада.

— Бежим! — закричала я, срывая голос от ужаса.

Мы рванули с места одновременно, даже не оглядываясь. Животный страх придал сил, и мы полетели по каменистому полю обратно, в сторону родной Серой Гнили, стремясь как можно скорее пересечь мерцающую черту рубежа. Ноги скользили по острым камням, плащи дико развевались на ветру, а легкие обжигало морозным воздухом Звездопада.

Я на секунду обернулась на бегу. Карета Лорда осталась где-то там, позади, паря над расщелиной, но её грозный силуэт всё ещё отчетливо проглядывал сквозь туман.

Мы со свистом ворвались в заросли высокой, жесткой травы. Кусты хлестали по лицу, ветки цеплялись за одежду, безжалостно раздирая кожу.

— Быстрее! — задыхаясь, кричала Талия где-то справа от меня. Её темные волосы растрепались, а лицо было бледным как мел. — Быстрее, твою мать! Если нас поймают здесь — это верная смерть! Нас убьют на месте!

Мы бежали без оглядки, не чувствуя под собой ног. Сердце бешено колотилось в груди, готовое вот-вот пробить ребра. Мы перелетели через линию купола, возвращаясь на свою, человеческую сторону Стыка, но останавливаться не смели. Мы бежали до тех пор, пока каменистая поляна окончательно не исчезла из виду, уступая место первым грязным, кривым закоулкам наших трущоб.

Кварталы Серой Гнили встретили нас привычной сыростью и вонью нечистот, но туман здесь был настолько плотным, что дарил хоть какую-то надежду скрыться.

— Туда! — на бегу хрипло крикнула Митея, указывая вперед на полуразрушенную, покосившуюся лачугу. — Туда, за угол! Там можно спрятаться!

Мы проскочили мимо заваленных мусором стен и буквально влетели внутрь старого заброшенного дома. Внутри пахло гнилым деревом и застоявшейся дождевой водой, крыша наполовину обвалилась, засыпав пол обломками досок и битой черепицы. Талия с размаху захлопнула хлипкую деревянную дверь и навалилась на неё спиной, тяжело, со свистом хватая ртом воздух. Митея мешком осела в темный угол, прижимая сумку к груди.

Я стояла посреди заброшенной комнаты, не в силах унять дрожь во всем теле. Опираясь руками о колени, я пыталась сделать хоть один нормальный вдох.

В полумраке трущобы я подняла голову и посмотрела на подруг.

От сильных, захлестнувших нас эмоций и дикого страха наша скрытая природа снова начала бесконтрольно прорываться наружу, делая магию видимой. У Митеи вокруг её зрачков, прямо внутри радужки, вспыхнуло то самое разноцветное кольцо — переливающееся чернильно-фиолетовым, золотым и сапфировым светом.

Я перевела взгляд на Талию — её карие глаза горели точно так же, радужка безумно дрожала, выдавая чужие, запертые внутри неё цвета Иверийцев.

Прижав ладонь к собственной груди, я поняла, что и у меня перед глазами всё плывет от разноцветного марева. Мой собственный зеленый взгляд сейчас переливался искрами, выдавая нас с потрохами. Каждая из нас горела этой проклятой аномалией, от которой невозможно было скрыться.

Талия вдруг тихо посмеялась, утирая пот со лба дрожащей рукой. Она всё еще тяжело дышала, а её грудь под мокрой майкой высоко вздымалась.

— Бездна мы чуть не попались, — выдохнула она, откидывая голову назад и прижимаясь затылком к хлипкой деревянной двери.

— Это не смешно, Талия! — резко оборвала я её, и мой голос сорвался от остатков пережитого ужаса. — Они бы нас не пожалели. Ты прекрасно знаешь правила. За то, что мы переступили их земли без рабской метки, нас бы выжгли прямо на тех камнях.

Талия устало вздохнула, примирительно выставив ладони вперед. Разноцветное кольцо в её карих глазах наконец-то начало медленно угасать, возвращая ей обычный взгляд.

— Ладно, ладно, Амира, хватит ругаться, — буркнула она, сползая спиной по двери прямо на грязный пол. — Главное — что мы успели сбежать. Мы в Гнили, и мы целы.

Из темного угла комнаты плавно поднялась Митея. Её синие глаза больше не светились чужой магией, а лицо казалось спокойным и собранным. Она медленно запустила руку в свою сумку и вытащила оттуда ту самую массивную драгоценность с золотыми линиями, которую мы нашли в расщелине.

Митея подняла украшение вверх, перехватив его за тяжелую цепочку. В полумраке заброшенной лачуги темный металл таинственно блеснул, отражая редкие капли воды, падающие с обвалившейся крыши.

— Зато мы теперь спокойно проживем несколько месяцев, — твердо произнесла Митея, и на её губах появилась облегченная улыбка. — Нам хватит и на муку, и на мясо, и крышу подлатаем.

Мы с Талией переглянулись. Страх, который еще секунду назад сжимал горло железными тисками, наконец-то отступил. Напряжение в комнате лопнуло. Глядя на тяжелый черный металл в руках Митеи, мы не выдержали и тоже слабо, но искренне улыбнулись друг другу. Мы выжили. И на этот раз Гниль нас защитила.

— Ладно, надо валить отсюда, — прервала я тишину.

Мы цепочкой потянулись к выходу, но стоило Талии приоткрыть хлипкую деревянную дверь, как Серая Гниль в очередной раз напомнила, за что мы её проклинали.

Погода изменилась мгновенно, без всякого предупреждения. Плотный багровый туман Соляриса, который только что душил нас жаром, со свистом всосался обратно в землю. Пространство вокруг резко потемнело, затягиваясь непроглядной, чернильной мглой. Своды над нашей головой качнулись, и на трущобы упала удушливая, ледяная фаза Стигии — крошечная, слепая ночь, в которой невозможно было разглядеть собственную ладонь.

— Ненавижу эту Гниль! — злобно сплюнула Талия, резко захлопывая дверь обратно. — Постоянно эта херня. То у нас вечное затмение Стигии, то вечный зенит расплавленного солнца Соляриса, то вечные мерцающие звезды Целестии. Никакой стабильности, черт бы их всех побрал.

— Мы не дойдем до дома в такую темноту, — покачала головой Митея, испуганно глядя в щели заколоченного окна. — Нас либо в канаву занесет, либо местные бандиты в подворотне прирежут.

— Ладно, остаемся здесь, — я вздохнула и устало опустилась на перекошенную обломками балку. — Подождем тут, пока фаза не сменится. Ночь Стигии долго над Стыком не держится, скоро туман снова поползет.

Мы зашли поглубже в заброшенную комнату и сели на кучу старой, трухлявой соломы. Холод забирался под плащи, заставляя нас прижиматься друг к другу.

— Нам надо будет как-нибудь аккуратно продать эту нашу драгоценность, — заговорила я, обхватив колени руками. — Вы же прекрасно знаете, что на нижнем рынке её могут просто отобрать. Стоит кому-то из местных барыг увидеть металл Высших — нас сдадут или прирежут прямо у прилавка.

— Я знаю одних скупщиков краденого в третьем секторе, — отозвалась Талия, крутя в руках свой нож. — Вроде они не обманщики. Своих, из Гнили, редко дурят.

— Надо быть точно уверенными, — нахмурилась я. — Нам нельзя рисковать. Чтобы наши же гнильщики нас не обобрали, а то останемся ни с чем после такого риска.

— Я слышала, что скоро аукцион, — тихо произнесла Митея, глядя в темноту.

— Вот почему Лорд Целестии лично парил на границе Гнили, — пазл в моей голове наконец-то сошелся. — Черт, нашему куску земли даже нормального названия не дали. Просто Серая Гниль.

Талия глухо и цинично хмыкнула в темноте:

— А зачем нам название, Амира? Если здесь одна гниль, падальщики и люди, которые еле выживают от голода. Для Иверийцев это просто сточная канава.

— Так вот, насчет аукциона, — настойчиво перебила её Митея. — Нам надо быть очень осторожными. Я слышала на рынке, что Ищейки опять похищают людей прямо с улиц.

— Неужели это какой-то огромный аукцион? — я нахмурилась, вспоминая рассказы старожил. — Раньше ведь многие люди сами, добровольно шли на эти торги. Половина Гнили рассчитывала, что если их выкупят, то Лорды будут нормально с ними обращаться, и это шанс уехать отсюда, не подохнув с голоду.

— В этот раз всё хуже, — вздохнула Митея. — Я слышала, что сам Лорд Целестии — будет лично присутствовать на этих торгах. Ему зачем-то понадобились новые рабы во дворец. Поэтому Ищейки хотят устроить грандиозный аукцион, и им прямо сейчас нужен нормальный, здоровый товар. Они хватают всех подряд, без разбора.

— Бездна — выругалась Талия, и её карие глаза в полумраке снова на секунду тревожно блеснули. — Значит, нам надо быть тише воды, ниже травы. Если нас скрутят Ищейки, то даже наше сокровище в сумке нас не спасет.

Я прекрасно понимала, что хоть мы и живем в этой проклятой Гнили, где у нас нет вообще ничего, природа наградила нас редкой красотой. И сейчас, в преддверии большого аукциона, внешность была нашим главным проклятием.

Ищейки всегда выбирали самый лучший, здоровый и красивый товар для Лордов и Высших, а значит, мы все три были первыми в зоне риска. Ни одна из нас не смогла бы затеряться в толпе. Но самое худшее это, конечно же, наша общая тайна. Та правда, которую мы скрывали от всего мира и особенно от Иверийцев. Если нас поймают Ищейки и бросят в клетки, если мы попадем в рабство во дворцы — эта правда вскроется в первые же дни. Они увидят наши магические рисунки на телах, и тогда нам конец.

— Значит так, — твердо сказала я, прерывая затянувшееся молчание. — Пока в Гнили идет подготовка к этому аукциону, мы носа на улицу не высунем. Сидим дома. Завтра на расвете мы тайно попробуем продать нашу находку скупщикам, на все деньги купим муку, вяле-

ное мясо, крупу и наглухо закроемся в четырех стенах. Будем сидеть там тише мышей, пока Иверийцы не заберут свой товар и не уберутся обратно за свои Своды.

Талия молча кивнула, соглашаясь, а Митея крепче прижала к себе сумку с украшением. Нам оставалось только ждать, когда ночь Стигии наконец отступит.

Глава 3

На следующее утро фаза неба снова сменилась, но легче от этого не стало. Над Серой Гнилью раскинулся унылый рассвет, а воздух пропитался липким, удушливым туманом.

Мы решили пойти на рынок в третий сектор вместе. Оставлять кого-то в полуразрушенном доме было глупо, а втроем мы представляли собой хоть какую-то силу и могли постоять за себя, если на нас наткнутся местные бандиты. Поплотнее затянув шнурки на старых сапогах и натянув капюшоны плащей до самого носа, мы вышли на улицу.

Дорога к рынку пролегла через самые нищие, гнилые кварталы. Серая Гниль при дневном свете выглядела еще более злоеце. Мы быстро шли мимо покосившихся лачуг, стены которых были покрыты склизким мхом. Из щелей в заколоченных дверях несло гнилью, нечистотами и застарелым человеческим потом. Люди здесь не жили, они влачили жалкое существование: истощенные мужчины с серыми лицами сидели прямо на порогах в лужах грязной воды, безразлично глядя перед собой пустующими глазами, а женщины в лохмотьях пытались согреть убогие костры из сырых веток. Безнадежный, давящий голод и нищета стояли здесь в каждом углу, удушая сильнее любого тумана.

Когда мы наконец зашли на рынок третьего сектора, в уши ударил яростный гул сотен голосов. Там творился настоящий кошмар. Огромная, оборванная толпа гнильщиков металась между кривыми деревянными прилавками. Привокзальная площадь дышала отчаянием. Торговцы яростно орали, пытаясь сбывать черт пойми что, но нормальной еды здесь попросту не продавалось. На прилавках лежала сморщенная, покрытая серой плесенью крупа, черные тухлые корнеплоды и заветренное, воняющее тухлятиной мясо, вокруг которого роем вились жирные мухи.

— Дай кусок хлеба! Смилуйся, ради богов, дети третий день не ели! — умоляла какая-то бледная, похожая на живой скелет женщина, хватая за край плаща толстого торговца. Тот лишь с мерзкой бранью отпихнул её сапогом в грязь.

Люди дрались за каждую гнилую луковицу, кричали, торговались за паршивые медяки, умоляли о пощаде. От этого зрелища у меня внутри всё переворачивалось. Нами двигал точно такой же голод. Мы были готовы на всё, чтобы прокормить себя и выжить в этом аду.

— Вон они, — произнесла Талия, кивнув головой в сторону самого дальнего, темного угла рынка.

Там, под рваным навесом из грязного брезента, стояли двое скупщиков.

— Талия, ты точно им доверяешь? — я схватила подругу за руку, заставляя чуть притормозить у края толпы.

— Я один раз уже продавала им кусок ценного металла, который нашла у Сводов, — тихо, но уверенно ответила Талия. — Они меня тогда не обманули и дали честную цену. Своих они редко кидают.

— Всё равно надо быть начеку, — Митея испуганно оглядывалась по сторонам, то и дело вжимая голову в плечи. Её синие глаза испуганно бегали по лицам прохожих. — На нас могут навести местных бандитов.

— Ладно, черт с ним, идем, — выдохнула я, крепче сжав кулаки. — У нас всё равно нет выбора.

Мы двинулись сквозь толпу к навесу. Когда мы подошли ближе, Митея тихо ахнула и в ужасе отступила на полшага.

— Боже, какие они отвратительные — едва слышно прошептала она. — Они точно нас не прирежут, как только мы вытащим нашу находку?

Мужики и впрямь выглядели жутко. Крупные, грязные, в кожаных жилетах прямо на голое тело, с заросшими щетиной лицами и сальными волосами. На руках у одного из них

чернели шрамы от старых ожогов, а из-под ногтей виднелась грязь. Они цинично провожали взглядами каждого прохожего, лениво перебирая на столе обломки ржавого железа.

Талия, не говоря ни слова, незаметно запустила руку под свой плащ. Я краем глаза увидела, как её пальцы намертво легли на рукоять ножа, слегка вытащив лезвие из ножен. На её щеке натянулись жилы.

— Я готова на всё, Амира, — шепнула Талия мне в самое ухо. — Но наше сокровище я им просто так не отдам. Отрежу пальцы любому, кто потянется к сумке.

— Митея, держи украшение при себе, на самом дне, — быстро скомандовала я. — Сперва мы попробуем договориться на словах, и только после этого покажем, что у нас есть. Не вздумай доставать его раньше времени.

Митея послушно кивнула, прижимая локтем холщовую сумку к боку. Мы сделали последние шаги и остановились прямо перед прилавком.

Скупщики тут же оторвались от своего железа. Один из них, с гнилыми желтыми зубами, окинул нас масляным, оценивающим взглядом с ног до головы, задерживаясь на наших фигурах.

— Ого... — мерзко ухмыльнулся он, скрестив руки на широкой груди. — Ничего себе, какие девки к нам забрели. Что под капюшонами прячете, красотки?

Не успела я среагировать, как он резко вытянул свою грязную, массивную пятерню вперед, пытаясь сорвать капюшон с моей головы.

Я резко отшатнулась назад, с силой хлопнув его по запястью.

— Руки свои убери! — зло выплюнула я, в упор глядя на него из-под ткани.

Мужик не разозлился, он лишь довольно заржал, обнажая десны.

— У-у-у, люблю таких... зубастых. Ну и чего вам надо на моем прилавке, дикие кошечки?

Вперед решительно выступила Талия, загоразивая меня своим плечом. Руку из-под плаща она так и не достала.

— Мы тут по делу, — отчеканила она, глядя скупщику прямо в глаза со всей своей врожденной жесткостью. — Принесли серьезный товар из высших земель. Если вас не интересует — мы прямо сейчас разворачиваемся и уходим.

Второй скупщик, который до этого молчал, внимательно посмотрел на Талию, очевидно узнав её. Ухмылка с лица первого мужика мгновенно сползла, сменившись деловой сосредоточенностью.

— Ладно, — буркнул он, наклоняясь ближе к прилавку и понижая голос. — Говори, что у тебя там. Или показывай. Живо.

Я сделала полшага вперед, слегка отодвигая Талию, и издевательски посмеялась ему прямо в лицо.

— Не так быстро, приятель, — холодно отрезала я. — Сперва мы хотим знать твою максимальную цену за чистый обсидиан. Назови цифру, а потом мы решим, стоит ли тебе вообще открывать глаза.

Скупщик лениво сплюнул сквозь щель в желтых зубах и поскреб грязную щетину на подбородке. Его взгляд стал еще более хитрым и цепким.

— Всё зависит от веса и размера, девка, — пробасил он, бросая на прилавок тяжелый ржавый замок. — Обсидиан бывает разным. Показывай, что там у тебя, тогда и поговорим о монетах.

— Щас, разбежался, — я сделала шаг назад, плотнее прижимаясь плечом к Митее. — Мы не покажем тебе товар, пока не будем уверены, что у тебя вообще есть чем платить. Сперва покажи монеты, а потом увидишь вещь. Она размером примерно с твою ладонь. Тяжелая. Внутри золотые жилы.

Мужик на секунду замер. Глаза у него округлились, а второй скупщик даже перестал перебирать свое железо. Названный размер явно заставил их прикусить языки. Обсидиановый

амулет такого размера стоил целое состояние. Скупщик нахмурился, быстро соображая в уме, а потом неохотно буркнул:

— Тридцать серебряных монет. И ни медяком больше.

— Какого черта так мало?! — со злостью рявкнула Талия, подаваясь вперед. Рука под её плащом опасно дернулась на рукояти ножа. — Ты совсем ополоумел, старик? Эта вещь принадлежит Высшему Иверийцу, она стоит в пять, в десять раз дороже! Тридцать монет — это сущие гроши за такое золото!

Скупщик хрипло и мерзко рассмеялся, ни капли не испугавшись её напора.

— Ну так идите и поищите других скупщиков, красотки, — издевательски протянул он, разводя руками. — Если, конечно, не боитесь, что в соседнем квартале вам просто перережут глотки и отберут эту побрякушку. Моя цена — тридцать серебряных. Либо вы соглашаетесь прямо сейчас, либо убирайтесь отсюда к чертовой матери. Я дважды не предлагаю.

Я стиснула зубы от бессильной ярости и сделала пару шагов назад, увлекая за собой девочку. Мы сгрудились в плотное кольцо, повернувшись спиной к прилавку, чтобы мужики не слышали наш шепот.

— Семьдесят! Давай хотя бы семьдесят потребуем! — зашептала я, но Талия испуганно перехватила мой взгляд.

— Амира, у нас нет других вариантов, — произнесла Талия. Её карие глаза умоляюще смотрели на меня из-под капюшона. — Других надежных скупщиков в третьем секторе я не знаю. Искать кого-то еще на этом рынке — огромный риск. Нас сто процентов обманут, выследят в подворотне и просто заберут это украшение. Мы останемся с пустыми руками и перерезанным горлом.

— Но этих денег нам даже на месяц нормально не хватит! — в отчаянии выдохнула я, сжимая кулаки. — Нам нужно подлатать крышу, купить зимние плащи, запастись мукой... Тридцать монет — это капля в море!

— Ну, мы что-нибудь потом придумаем, Амира, — Митея мягко коснулась моей руки. Она испуганно посмотрела через мое плечо на бурлящий, голодный рынок, где люди дрались за куски тухлого мяса. — Хотя бы сейчас... хотя бы на эти недели мы будем сыты. Я больше не могу видеть эту гнилую фасоль. Пожалуйста. Давай согласимся.

Я посмотрела на бледное лицо Митеи, потом на Талию. Безысходность Гнили душила нас, не оставляя выбора. Скупщик знал, что мы приперты к стене, и цинично пользовался этим.

— Ладно, — выдохнула я, с трудом сглатывая ком в горле. — Другого варианта у нас всё равно нет.

Мы развернулись и снова подошли к брезентовому навесу. Мужик уже победно ухмылялся, прекрасно зная, что мы вернемся.

— Согласны, — твердо сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Доставай и показывай монеты.

Скупщик удовлетворенно кивнул и залез рукой под прилавок. С тяжелым звоном он выставил на деревянную доску толстый кожаный кошелек. Развязав шнурок, он высыпал горсть тускло поблескивающих монет.

Митея аккуратно залезла в свою сумку, стараясь не привлекать лишнего внимания соседней, и выудила оттуда тяжелое украшение, завернутое в грязную тряпку. Обмен произошел мгновенно. Металл исчез в грязных руках скупщика, а я быстрым движением сгребла всё серебро в кулак и спрятала глубоко в потайной внутренний карман своего плаща. Монеты приятно и тяжело потянули ткань вниз.

Митея облегченно выдохнула и впервые за утро слабо, но счастливо улыбнулась.

— Теперь мы наконец-то можем купить нормальной еды, — произнесла она, поправляя капюшон.

— Ага, — хмуро бросила Талия, разворачиваясь к выходу с рынка. — Вот только покупать мы её будем точно не на этом проклятом рынке. Уходим отсюда, пока эти двое не передумали или не наравили на нас ищеек.

Мы быстро двинулись сквозь толпу, стремясь как можно скорее покинуть шумную площадь третьего сектора.

— Во втором секторе у старого Одена можно взять чистую муку и хорошую ячменную крупу, — заговорила Талия, когда мы наконец выбрались из удушливой толпы рынка и свернули в более тихий, туманный переулок. — Мясо и рыбу в Гнили брать вообще нельзя, они все равно гнилые, только отравимся. Будем готовить сами. Нам не привыкать жить на кашах и лепешках, зато без тухлятины.

— Хорошо, идем туда, — согласилась я, прижимая ладонь к потайному карману плаща, где приятно и тяжело звякало наше серебро.

Мы поспешили во второй сектор, стараясь не привлекать к себе внимания редких прохожих. У Одена нам действительно повезло: старик не стал завышать цену. Мы купили два больших мешка хорошей, сухой муки, плотный мешок овсяной крупы, немного соли и даже кусок сушеного бараньего жира для сытости. Талия и Митея подхватили мешки, и мы быстрыми перебежками, выбирая самые глухие и заброшенные тропы, направились обратно к своей окраине. Страх наткнуться на патруль Ищеек гнал нас вперед быстрее любого ветра.

Когда мы наконец переступили порог дома и заперли хлипкую дверь на все засовы, внутри нас будто что-то отпустило. Впервые за долгое время в нашей сырой, полуразрушенной кухне запахло настоящей, чистой едой. Митея тут же принялась раздувать угли в треснувшей плите, а Талия принялась месить тесто на чистой воде.

Вскоре в глиняном горшке весело заклокотала густая ячменная каша, сдобренная кусочком жира, а на раскаленной каменной плите запеклись первые пресные лепешки. Митея сидела у огня, обхватив колени руками, и на её бледном лице блуждала мягкая, по-детски счастливая улыбка. Тяжелый, сытный пар заполнял комнату, вытесняя привычный запах болотной плесени Серой Гнили.

Когда всё было готово, мы разложили дымящуюся кашу по щербатым мискам и сели за наш старый, перемотанный кожаными ремнями стол.

Митея первая потянулась к еде. Она аккуратно взяла деревянную ложку, зачерпнула немного каши, подула на неё и отправила в рот. Её синие глаза зажмурились от удовольствия.

— Боже... как вкусно, — с придыханием выдохнула она, блаженно прижимая ладонь к груди.

Талия хмыкнула, отламывая кусок горячей лепешки. Её карие глаза посветлели, хотя в голосе всё еще проскальзывала привычная горькая ирония:

— Да уж. Иверийцы во дворцах точно посмеялись бы над нами. От обычной пустой каши мы тут стонем так, будто это какой-то деликатес со стола самого Лорда. Они-то там жрут фрукты и пьют нектар.

Я тоже взяла свою ложку, медленно перемешала горячее варево, но есть не торопилась. Я подняла глаза и по очереди посмотрела на девчонку. На Митею, которая с аппетитом уплетала кашу, на Талию, жующую лепешку. Они были такими красивыми, такими сильными и такими обреченными.

Тоскливый ком снова подкатил к горлу, мешая сделать глоток.

— Неужели... неужели вот так и пройдет вся наша жизнь? — тихо, с болью в голосе спросила я, глядя на подруг. — В этих четырех стенах, в вечном страхе, радуясь горстке чистой крупы?

Талия опустила лепешку на стол. В её взгляде больше не было злости — только бесконечная усталость выживания.

— Это не жизнь, Амира, — ответила Талия, в упор глядя на меня. — Мы просто день за днем отвоевываем у этой Гнили право не сдохнуть до следующего рассвета.

Митея тяжело вздохнула, опустив голову. Её светлые волосы упали на лицо, скрывая глаза, а плечи хрупко дрогнули.

— А других вариантов у нас всё равно нету, — тихо, почти шепотом произнесла она, глядя в свою миску. — Мы родились здесь. Мы заперты под этими сводами. И пока Лорды правят миром, для нас ничего не изменится.

— Если Этер когда-нибудь и изменится, то это будет чудо, — ответила я, нарушая тяжелое молчание. — А в чудеса в Серой Гнили не верит никто.

Разговор угас, оставив после себя лишь горький привкус безысходности, но горячая ячменная каша и свежие лепешки быстро вернули нам физические силы. Мы ели медленно, сосредоточенно, выскребая деревянными ложками дно глиняной посуды дочиста, словно пытались наесться на несколько месяцев вперед. Когда с ужином было покончено, на душе стало немного теплее — по крайней мере, сытый желудок заглушал вечную тревогу.

Спустя час мы разошлись по своим углам. Комнат в нашей покосившейся лачуге было всего две: в одной, совсем крошечной, ютились Митея и Талия, деля на двоих узкую кровать с продавленным матрасом, а вторая — проходная, служившая одновременно и гостиной, и моей спальней — принадлежала мне. Из мебели здесь стояли только старый сундук, набитый ветошью, да топчан, укрытый потертым шерстяным одеялом.

Я легла, не раздеваясь, прямо в плаще, и устала в темноту, прислушиваясь к звукам трущоб за окном.

Прошло несколько часов. Вокруг стояла тишина. Но в Серой Гнили покой никогда не длился долго.

Воздух в комнате резко похолодел, заставив меня вздрогнуть. Погода на Стыке снова крутанулась на сто восемьдесят градусов. Зной Соляриса окончательно испарился, и на трущобы лавиной рухнула ледяная ночь Стигии. А еще через мгновение над головой оглушительно загрохотало, и на крышу со страшной силой обрушился дождь.

Сверху раздался противный, хлюпающий звук.

— Черт! Амира! Гниль задери эту крышу! — из соседней комнаты с криком выскочила Талия, на ходу вытирая мокрое лицо. — Стену заливают!

Я сорвалась с топчана так, словно меня подбросило пружиной. Из спальни тут же выбежала заспанная, взъерошенная Митея, испуганно вжимая голову в плечи. Прямо над нашей кухонной плитой, сквозь старую дыру в гнилых балках, хлынул настоящий водопад. Потoki ледяной воды с грохотом лупили по каменным плитам пола, брызги летели во все стороны, мгновенно затапливая сухие мешки с мукой и крупой, которые мы с таким трудом притащили вечером.

— Мешки! Талия, перетаскивай мешки к сундуку, быстро! — заорала я, перекрикивая рев ливня за стеной. — Митея, тащи старый брезент и лестницу! Иначе нас тут к утру смоем на хрен!

В доме начался настоящий хаос. Мы носились по темной, заливаемой дождем кухне, скользя босыми ногами по мокрому камню, ругаясь последними словами и проклиная всех Иверийцев с их чертовыми сводами.

— Твою мать, Оден подсунул нам дырявую завязку на мешке! — шипела Талия, пытаясь уволочь тяжелую муку в сухой угол под матерные проклятия.

Я взобралась на шаткую, скрипящую стремянку прямо под струи ледяной воды, отчаянно пытаясь заколотить рваную дыру куском старой кожи и обломком доски. Руки мгновенно окоченели, пальцы не слушались, а молоток то и дело соскальзывал с ржавых гвоздей.

— Сильнее прижимай, Тея! — кричала я вниз Митее, которая изо всех сил удерживала основание хлипкой лестницы, пока её волосы полностью промокли и облепили лицо.

— Я держу! Забивай уже быстрее, Амира, я сейчас пальцев ног чувствовать перестану!
— хрипела в ответ Митея, утирая ледяные капли со щек.

Мы возились в этой темноте, посреди ледяного потопа, промокшие до нитки и злые на весь мир, отчаянно латая свое убогое жилище. Мы ругались, кричали друг на друга, срывая голос, но упрямо забивали гвоздь за гвоздем, намертво удерживая оборону против проклятого неба Этера.

Глава 4

Я проснулась от того, что в лицо сквозь дырявый пузырь на окне ударил блеклый, серый свет. Тело ныло так, словно меня всю ночь били палками. После того сумасшедшего полуночного потопа, когда мы втроем до хрипа орали друг на друга и в крошечной темноте латали гнилую крышу, я вернулась на свой топчан и просто вырубилась. Сон был тяжелым, глубоким и без сновидений — я спала настолько крепко, что не слышала абсолютно ничего вокруг.

Кое-как поднявшись, я натянула плащ и, потирая затекшую шею, заглянула в соседнюю комнату.

Митея уже не спала. Блондинка сидела на краю продавленной кровати, методично расчесывая пальцами свои спутанные волосы. В комнате было подозрительно тихо. Я огляделась по сторонам, нахмурилась и перевела взгляд на подругу.

— Где Талия?

Митея вздрогнула от моего голоса и подняла на меня свои глаза.

— Она ушла. Уже пару часов назад.

— Какого черта?! — внутри меня мгновенно вспыхнула злость пополам с диким страхом. Я сделала шаг в комнату, сжимая кулаки. — Я же ясно сказала вчера: из дома носа не высовывать! На улицах облавы! Ищейки рыщут в поисках товара!

— Я пыталась её остановить, Амира, — испуганно зашептала Митея, оправдываясь. — Но она уперлась и всё. Сказала, что выйдет буквально на пару часов. Мол, она обещала встретиться с Джасом.

У меня перехватило дыхание от возмущения. Джас. Местный парень из соседнего квартала. Тихий, бродячий парень, который вечно терся возле наших лачуг.

— Она рискует собственной жизнью ради того, чтобы провести время с этим странным типом? — я в отчаянии всплеснула руками. — Она с ума сошла?

В этот самый момент в прихожей раздался резкий скрежет. Дверной засов с тихим стуком отодвинулся, и деревянная дверь приоткрылась.

Я коршуном бросилась в коридор. На пороге стояла Талия. Она как раз стягивала с головы мокрый капюшон, её глаза округлились, когда она увидела моё перекошенное от гнева лицо.

— Талия, неужели твоя встреча с Джасом не могла подождать окончания этого чертова аукциона? — с порога накинута я на неё, заставляя подругу вздрогнуть.

— Хорошо тебе, Амира, ничего страшного не случилось, — Талия попыталась беззаботно отмахнуться, проходя мимо меня на кухню, но руки её заметно дрожали. — Я же недалеко вышла. Буквально в соседний сектор, на пару часов. Никаких Ищеек там и близко не было.

— Мне не нравится этот парень, Лия, и ты это прекрасно знаешь, — я пошла за ней по пятам, не собираясь остывать. — Его симпатия к тебе... Всё это не вовремя. Он не тот человек, который должен быть рядом с тобой, особенно сейчас, когда все переворачивают вверх дном!

Талия резко остановилась у стола и обернулась ко мне. Её взгляд стал упрямым, а на бледных щеках проступил румянец.

— Амира, ты же знаешь, что он мне нравится, — тихо, но твердо перебила она меня. — И дело вообще не в симпатии. Джас просил о помощи. У него сейчас серьезные проблемы, дома шаром покати. Я просто... я ходила поделиться с ним нашей крупой. Отсыпала немного из мешка.

— Ты могла бы сделать это после аукциона! — воскликнула я, чувствуя, как от бессилия на глаза наворачиваются слезы. — Буквально на днях здесь начнется ад, Иверийцы приедут за рабами, Ищейки хватают всех красивых девчонок без разбора! А ты разгуливаешь по Гнили с мешками зерна!

— Амира! — Талия сделала шаг ко мне, и в её голосе вдруг зазвенели слезы и ответная, горькая обида. — Когда мы втроем три недели назад заживо умирали здесь с голода... Когда у нас не было ни единого медяка, а фасоль сгнила... Джас был первым и единственным во всей этой проклятой Гнили, кто пришел к нам! Он молча отдал нам свои запасы, просто чтобы мы выжили! Теперь у него самого точно такая же беда. И я не собираюсь крысить еду, пока он там голодает. Я просто помогла ему в ответ.

Её слова ударили меня под дых. Я замолчала, выдохнув сквозь сцепленные зубы. Возразить было нечего. Джас действительно тогда нас спас, нарушив волчий закон Серой Гнили, где каждый был сам за себя.

Я опустила голову, с трудом сдерживая клокочущий в груди страх, и провела ладонью по лицу. Она была права, но от этого ситуация не становилась менее опасной.

— Пусть так, — произнесла я, поднимая на неё уставший взгляд. — Но, пожалуйста, Лия... Пообещай мне, что больше ты туда не пойдешь. С этого момента мы наглухо закрываемся в доме. Будем сидеть здесь беззвучно, пока этот проклятый аукцион наконец-то не закончится.

Талия медленно кивнула, растеряв всю свою воинственность, и тихо ответила:

— Обещаю. Больше я никуда не пойду.

После этого мы быстро позавтракали, почти не разговаривая, и сразу принялись за работу. Чтобы превратить нашу и без того убогую лачугу в абсолютно глухой, нежилой склеп, нужно было постараться. Мы таскали из угла в угол тяжелые пыльные доски, наглухо забивая и без того крошечные окна. Сверху Талия яростно натягивала куски старой, почерневшей от сырости мешковины, маскируя любые щели, чтобы ни один случайный лучик света не пробился наружу. С улицы наш дом должен был выглядеть как полностью заброшенные, мертвые развалины, в которые никто в здравом уме не сунется.

Пока мы возились в полумраке, Митея, стоявшая у подоконника с охапкой грязных тряпок, вдруг замерла. Её плечи хрупко опустились, а глаза потемнели от подступивших слез.

— Мало того, что мы родились в этой проклятой Гнили, так еще и Этер наградил нас этими метками — произнесла она, глядя на свои руки. — Ну почему всё так несправедливо?

Талия, с силой вбивая ржавый гвоздь в оконную раму, даже не повернулась.

— Это всё Энтропы и Излом, — хмуро бросила она, вытирая пот со лба рукавом. — Так, по крайней мере, всегда говорили мои родители. Они верили, что чудовища прокляли эту землю.

— Да, моя мать тоже часто вспоминала ту ночь, — я остановилась посреди комнаты, крепче сжимая в руках молоток. Воспоминания из детства камнем легли на грудь. — Двадцать три года назад мир чуть не треснул пополам. Излом полыхал так, что небо казалось кровавым. Лорды Этера встали на защиту своих Пределов, они выстроились на Стыке и влили в пространство столько дикой боевой магии, чтобы справиться с Энтропами, которые лавиной валили из дыры, что реальность просто не выдержала. Ударил вспышка. Такая нереальная, безумная вспышка силы, которой этот мир еще не видел.

— И эта волна накрыла всю Серую Гниль, — отозвалась Талия, откладывая инструмент. — Выжгла всё на своем пути.

— Мне отец тоже это рассказывал, — Митея шмыгнула носом, её голос задрожал, а пальцы смяли край мешковины. — Излом закрылся, но вспышка ударила по всей Гнили. И именно в этот момент я родилась. В ту самую секунду, когда магия Лордов смешалась с туманом трущоб. Всю жизнь всю жизнь... родители прятали меня. Мать с отцом всегда меня защищали. Прикрывали эту метку на спине, не выпускали на улицу во время облав, отдавали последний кусок хлеба, лишь бы я не попала в Ищейкам Они были такими хорошими. А теперь их нет.

Она без сил опустилась прямо на грязный подоконник, пряча лицо в ладонях. Её хрупкие плечи мелко задрожали от беззвучных слез.

Бросив молоток на пол, я быстро подошла к Митее и крепко, до боли обняла её, прижимая к себе. Талия молча подошла с другой стороны, положив свою тяжелую ладонь ей на плечо.

— Теперь мы у тебя есть, Митея, — произнесла я, вжимаясь носом в её светлые волосы. — Слышишь меня? Мы у тебя есть. Мы теперь твоя защита и твоя поддержка. Мы пройдем через это вместе.

Митея кивнула, уткнувшись мне в плечо и судорожно выдыхая.

Талия отошла к двери, облокотившись о деревянный косяк, и её карие глаза снова налились привычной, мрачной горечью трупоб.

— Это Гниль, Тея, — цинично и жестко оборвала она тишину. — Она никого не жалеет. Наши родители отдали всё, чтобы спасти нас, но этот Стык всё равно их сожрал. Они заболели от вечной сырости, иссохли от голода и сгнили здесь. И мы... мы точно так же сгнием в этих трупобах, как и наши родители. Это просто вопрос времени.

— Не сгнием, Лия, — я обернулась к ней, не выпуская Митею из объятий. — Ты забываешь одну вещь. У нас есть иммунитет от всех этих болезней Стыка. Мы наполовину как Иверийцы. Наша кровь из-за той вспышки Излома очищает сама себя. Мы никогда не заболеем этой болотной лихорадкой, от которой люди в Гнили харкают кровью и умирают. Нам... нам придется сидеть здесь и просто смотреть, как остальные люди гниют заживо вокруг нас, пока мы остаемся здоровыми.

Талия пугающе усмехнулась, бросив быстрый взгляд на заколоченное окно.

— Великое утешение, Амира, — ледяным тоном бросила она, покрепче перехватывая свой нож под плащом. — Мы не умрем от лихорадки, здорово. Если только когда-нибудь нас просто не прирежут в подворотне свои же гнильщики за мешок ячменного зерна. Здесь людская жизнь стоит дешевле, чем гнилая луковица.

Мы молча продолжили работу. Каждый стук молотка казался слишком громким в этой тишине лачуги, но мы упрямо натягивали ткань и крепили доски, стремясь как можно скорее запечатать наше убежище от внешнего мира.

В какой-то момент я замерла с поднятой рукой, так и не опустив инструмент. Сквозь заколоченные щели с улицы донесся странный, тяжелый шум. Это не было обычным шагом редких прохожих.

— Тихо, — едва слышно выдохнула я, опускаю молоток.

Мы синхронно опустили на корточки, вжимаясь в тени у стен. Митея испуганно затаила дыхание, округлив глаза.

— Я посмотрю, Амира, — так же тихо шепнула Талия, медленно поднимаясь. — Аккуратно.

Она бесшумно, словно тень, двинулась к окну, которое мы только что забивали. Осторожно припав к узкой щели между доской и рваной мешковиной, Талия всмотрелась в туманную улицу трупоб. Её спина мгновенно одеревенела, а пальцы вцепились в деревянную раму.

— Это Ищейки, — выдохнула она, оборачиваясь к нам. В её голосе впервые звенел настоящий страх.

— Быстро, во вторую комнату! — скомандовала я, срываясь с места.

Мы бросились вглубь лачуги, стараясь не издавать ни единого звука на скрипучих половицах. Талия, забежав последней, мгновенно вытащила из-за пояса свои ножи. Один она оставила себе, а два других резко протянула мне и Митее.

Митея перехватила холодную рукоять, и я увидела, как сильно трясутся её тонкие пальцы. Она была самой нежной из нас, и мысль о драке приводила её в ужас.

— Мы... мы с ними не справимся, — со слезами в голосе прошептала Митея, прижимаясь спиной к стене.

— Митея, успокойся, — я шагнула к ней, заставляя посмотреть на меня. В полумраке спальни я с ужасом увидела, как её синие глаза снова начали бесконтрольно пульсировать и переливаться всеми оттенками. — Дыши глубже, Тея. Зажми эмоции. Может, они просто пройдут мимо.

Но шум на улице только усиливался. До нас долетали грубые крики, топот тяжелых сапог и плач соседей, которых выволакивали из лачуг.

Снаружи неожиданно раздался резкий окрик. Голос прозвучал совсем близко, прямо на соседней улице.

— Проверьте все дома. Даже заброшенные. Нам сказали, что здесь видели трёх молодых девок.

— Если они зайдут сюда, то мы пропали, — процедила Талия, вставая чуть впереди и выставляя нож. — Их слишком много. Этих Ищеек Гнили здесь просто тьма, Амира. Нам не отбиться.

— Всем тихо. Сидите тихо, — я крепче сжала рукоять оружия, чувствуя, как собственный магический рисунок на поясице начинает гореть от невыносимого напряжения.

Мы буквально вжались в стену, сливаясь с темнотой угла. Мы сидели не шевелясь, слушая, как бешено стучат наши сердца. Минута тянулась как вечность. И тут прямо в прихожей раздался оглушительный треск. Хлипкий засов не выдержал удара. Наша входная дверь со скрежетом распахнулась.

В эту же секунду страх испарился, уступив место ярости. Мы с Талией синхронно встали на ноги, выходя из тени и направляя ножи прямо перед собой.

В проеме комнаты появились они. Ищейки. От одного их вида меня передернуло от отвращения. Это были обычные люди из нашей же Серой Гнили, но они выглядели сытыми и были одеты в дорогую, опрятную одежду из плотной кожи — без единой прорехи или пятна грязи. Эти твари имели кучу денег с аукционов, цинично продавая в вечное рабство Иверийцам свой народ. Они были такими же людьми, выросшими в этом аду, но кормились за счет чужих сломанных жизней.

Один из них, крупный мужчина с коротким мечом на поясе, шагнул вперед и окинул нашу крошечную спальню наглым взглядом. Его губы растянулись в мерзкой, торжествующей улыбке.

— О-о-о... — протянул он, лениво поигрывая рукоятью оружия. — А кто это у нас тут прячется под досками? Какой шикарный товар завалился на окраине.

— Убирайся отсюда к чертовой матери, — ледяным, вибрирующим от злости голосом бросила Талия, делая шаг навстречу. Она стояла как вкопанная, демонстрируя невероятную храбрость.

Скупщик лишь хрипло посмеялся, даже не восприняв её угрозу всерьез, и небрежно махнул рукой назад, где в узком коридоре уже толпились его люди.

— Схватить их! — приказал он. — Осторожно только, морды не попортите.

Митея вздрогнула, но вместо того, чтобы сжаться, она вдруг упрямо вскинула голову и тоже встала в наш ряд, трясущимися руками направляя нож на врагов. В её глазах застыли слезы, но в них горела та же решимость. Я тоже выставила лезвие вперед, хотя прекрасно понимала, что со всеми этими ублюдками мы не справимся. Шаг за шагом, толкая друг друга, в нашу маленькую лачугу заходило всё больше и больше вооруженных Ищеек, полностью отрезая нам любой путь к спасению.

В глазах этих сытых, опрятных ублюдков не было ни капли жалости — только холодный расчет. Глядя на то, как они плотным полукольцом зажимают нас в углу, я ощутила, как к горлу подкатывает удушливая обреченность. Люди аукциона. Сволочи, которые за несколько серебряных монет ломали человеческие судьбы, швыряя земляков в пасть Иверийцам. Я слишком

хорошо знала, что нас ждет дальше: грязные клетки, торги, рабские метки, выжженные прямо на коже, и медленная смерть во дворцах Высших.

Лучше сдохнуть прямо здесь, на этих гнилых досках. Лучше захлебнуться собственной кровью, чем пойти с ними добровольно.

— Взять их! — рявкнул вожак.

Ищейки рванулись вперед лавиной. Наша крошечная спальня мгновенно превратилась в сумасшедший, яростный ад.

Талия закричала первая — дико, воинственно — и с размаху полоснула ножом воздух, заставив одного из нападавших испуганно отпрянуть. Но силы были слишком неравны. Двое массивных мужчин навалились на Митею. Наша нежная, хрупкая блондинка выставила лезвие вперед, но один из Ищеек наотмашь ударил её по руке. Раздался глухой, противный хруст, нож с криком вылетел из её пальцев, со звоном покотившись по полу.

— Амира! Талия! — закричала Митея, когда её грубо сгребли за шиворот, отрывая ноги от земли.

— Не трогай её, ублюдок! — взревела Талия, пытаясь прорваться к подруге, но её перехватили. Двое громил с ходу навалились на неё сзади, мертвой хваткой заламывая руки за спину. Талия отчаянно брыкалась, кусалась, хрипела и пыталась вырваться, но её вжимали в пол.

Еще двое бросились на меня. Я успела сделать один точный выпад, распоров кожаный рукав первому, но второй с размаху перехватил мое запястье. Боль обожгла сустав. Ищейка с силой крутанул мою руку, заставляя пальцы разжаться, и мой нож с глухим стуком упал в солому. Меня жестко, до хруста в костях развернули спиной и с размаху впечатали лицом в стену.

— Пусти, тварь! Пусти! — задыхаясь от ярости, хрипела я, безуспешно пытаясь выкрутиться.

Я повернула голову, преодолевая давящую боль, и увидела, как один из мародеров уже волочит рыдающую, бледную Митею к выходу в коридор. Она отчаянно цеплялась босыми ногами за дверной косяк, срывая ногти в кровь. Следом за ней, согнув пополам, двое других ублюдков грубо потащили матерящуюся, брыкающуюся Талию. Нашу маленькую семью рвали на куски прямо на моих глазах.

— Митея! Талия! — в полном отчаянии закричала я.

— Амира! Амира, помоги! — донеслось из коридора эхо панического, затухающего крика Митеи.

Меня тоже резко дернули назад, отрывая от стены, и пинком погнали к выходу. Я шла, едва переставляя ватные ноги. Ищейки выводили нас на улицу, навстречу позорным клеткам аукциона.

Я смотрела на этот разгромленный дом, на растрепанные темные волосы Талии, на спину Митеи впереди. По щеке покатила слеза. Это был конец нашего выживания.

И в этот самый миг внутри сработал холодный, расчетливый щелчок. Печать на пояснице запульсировала так дико, что магия уже готова была выплеснуться наружу и затопить мои глаза, выдавая аномалию.

«Успокойся, — приказала я себе, до крови прикусывая губу. — Зажми это обратно. Успокойся, Амира, иначе они всё увидят».

Глубоко вдохнула, силой заталкивая бушующую силу обратно, в самую глубину души. Прекрасно понимала: если эти Ищейки сейчас увидят трехцветные переливы в моих глазах, если поймут, что скрыто под моей кожей они увидят во мне не просто товар, который можно дорого продать на площади. Они поймут, что я в сотни раз ценнее всей Серой Гнили, вместе взятой.

Я закрыла глаза на секунду, силой воли гася пульсацию рисунка. Мой взгляд снова стал обычно-зеленым.

Когда меня грубо вытолкнули на удушливую, залитую туманом улицу Гнили, я была спокойна. Но внутри уже разгоралось новое, ледяное пламя.

Глава 5

Нас притащили в самый центр Серой Гнили, туда, где обитали сытые ублюдки из верхушки Ищеек. Нас грубо заволокли в массивное каменное здание, пропахшее сыростью, страхом и старым железом. Ищейки не стали швырять нас в общие загоны на улице — такую «элитную добычу» они решили спрятать под замок в глубоком подвале.

Нас раскидали по отдельным железным клеткам, стоящим в ряд вдоль ледяной стены. Тяжелые прутья с грохотом захлопнулись, заставив меня вздрогнуть.

Я мгновенно прижалась лицом к ржавому железу, высматривая девчонок. Слева от меня, в соседней клетке, Митея мешком осела прямо на грязную землю. Она сжалась в комок, обхватив колени руками, и горько разрыдалась. Её светлые волосы промокли и испачкались в пыли, а хрупкие плечи мелко дрожали от накрывшей её паники. Чуть дальше, в третьей клетке, стояла Талия. В полумраке подземелья её глаза яростно блестели, руки намертво вцепились в прутья, а на шее бешено пульсировала жила. Она дышала тяжело, как загнанный, но всё ещё опасный хищник.

— Митея! Пожалуйста, посмотри на меня, — хрипло позвала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо. — Тея, дыши. Всё будет нормально. Слышишь? Мы выберемся.

Митея подняла голову, и её лицо, залитое слезами, показалось мне до ужаса бледным.

— Ничего нормального больше не будет, Амира! — со страшным, надрывным отчаянием выдохнула она, хватаясь пальцами за прутья своей клетки. — Нас продадут на аукционе Неизвестно кому, неизвестно куда! Мы для них просто скот!

Талия резко повернулась в сторону её клетки, и в её голосе звенящим металлом прорезалась жесткость:

— Митея, замолчи и слушай меня. Обещай мне. Обещай, что если нам не удастся сломать эти клетки прямо сейчас, ты будешь сильной. Ты поняла? Не смей ломаться перед этими тварями!

Митея перевела свой затуманенный слезами взгляд на Талию, и из её груди вырвался глухой вскрик.

— Я больше вас никогда не увижу... — прошептала она, и новая волна слез покатилась по её щекам. — Я знаю это.

— Мы сделаем всё, чтобы нас не смогли разлучить, — упрямо выкрикнула я, с силой дернув железную решетку, отчего та противно заскрежетала на весь подвал. — Мы найдем способ остаться вместе!

— Аукцион... завтра аукцион, — Митея затряслась еще сильнее, вжимаясь спиной в угол своей клетки. — Я слышала, как Ищейки говорили наверху, когда нас вели сюда. Торги начнутся завтра утром. Завтра нас продадут, и мы больше никогда друг друга не увидим! Никогда!

Её крик сорвался на хриплый плач. Внутри меня всё окончательно обледенело. Я прикусила губу до крови, прекрасно понимая, что Митея права. Ставки были слишком высоки. Нас ждали торги. И если нас выкупят Высшие с разных Сводов, если одну утащат в ледяную мглу Стигии, вторую — на парящие острова Целестии, а третью запрут под палящим солнцем Соляриса между нами встанут непреодолимые магические купола Этера. Мы окажемся раскиданы по разным концам этого жестокого мира.

Но Талия не собиралась сдаваться. Она с дикой силой ударила кулаком по железному пруту своей клетки.

— Мне плевать на их аукцион! — бешено процедила она, в упор глядя на нас. — Слышите меня? Плевать! Я сделаю всё, чтобы выбраться. Даже если меня закинут в самую глубокую, черную дыру этого мира — я перегрызу глотки стражникам, найду выход и вернусь обратно в эту чертову Гниль!

— Обещай мне это, Лия, — я встретила с ней взглядом, и внутри меня разгорелось то самое ледяное пламя мести, которое я так долго давила. — Я тоже сделаю всё. Я переверну каждый Свод Этера, нарушу любые законы их Лордов, но я найду вас.

Мы одновременно повернули головы и посмотрели на Митею. Из нас троих она была самой нежной, самой ранимой и беззащитной. Больше всего на свете я боялась, что её мягкое сердце просто не выдержит той жестокости, которая ждала нас за пределами этих трущоб.

— Митея, — я смягчила голос, протягивая руку сквозь прутья в её сторону, хотя и не могла дотянуться. — Посмотри на меня. Обещай. Обещай мне прямо сейчас, что ты будешь сильной. Что бы они с тобой ни делали, куда бы тебя ни увезли — держись за жизнь зубами.

Митея замерла. Она медленно утерла слезы грязным рукавом плаща и подняла на нас свои огромные глаза. В их глубине, прямо за дрожащими ресницами, на секунду снова промелькнул едва заметный, аномальный отблеск. Вся её детская хрупкость будто испарилась, уступая место тяжелому, взрослому осознанию.

— Обещаю, — тихо, но удивительно четко произнесла Митея. Её подбородок больше не дрожал. — Я сделаю всё. Вы... вы — это всё, что у меня осталось в этой гребаной жизни. Я вытерплю что угодно, но я найду выход. И я найду вас.

Этот шепот повис между нашими клетками, скрепляя нашу клятву сильнее любых рабских меток.

Весь оставшийся день и всю бесконечную ночь мы провели в этих тесных железных клетках. Сырой подвал каменного здания Ищеек медленно выкачивал из нас остатки тепла, заставляя дрожать. Я сидела, прижавшись спиной к ржавым прутьям, и не сводила глаз с подруг. Было невыносимо больно смотреть, насколько тяжело приходится Митее. Моя нежная, ранимая девочка почти не поднимала головы от колен, её хрупкие плечи изредка вздрагивали от беззвучных слез, а глаза совсем потухли. Зато Талия держалась мертвой хваткой. Всю свою жизнь она отличалась упрямым, взрывным характером, и сейчас эта ярость не давала ей сломаться.

В голове тяжелым грузом ворочались мрачные мысли. Я понимала: если нас купит кто-то из богатых Высших Иверийцев, у нас еще останется слабый шанс на победу. Из обычного поместья или особняка в городе можно сбежать, подгадав момент. Но если на нас позарится кто-то из трех Лордов Вываться из личного дворца правителя будет практически невозможно.

«Я вытерплю всё что угодно, — клялась я самой себе в глухой темноте подвала, до боли сжимая кулаки. — Любые побои, любую рабскую работу. Я выживу».

Но один страшный вопрос не давал мне покоя. Как долго мы сможем скрывать свою тайну в их закрытых землях? Я посмотрела на девчонок. Достаточно будет одному надсмотрщику сорвать с нас рубашки, чтобы увидеть эти магические рисунки вдоль позвоночника. Любой Ивериец с первого взгляда поймет, что мы — полукровки. А что еще хуже — если они узнают про наши способности? Если поймут, что мы можем предсказывать, исцелять и укрощать Энтропов? Нас просто запрут в подземных тюрьмах как живое оружие.

Посреди ночи мы предприняли отчаянную попытку выбраться. Талия где-то откопала ржавый кусок тонкой проволоки и, высунув руки сквозь решетку, принялась яростно ковыряться в массивном замке своей клетки. Её пальцы срывались, ногти трескались в кровь, а в тишине подвала раздавался тихий, противный скрежет металла. Митея смотрела на неё из своего угла с такой безумной, щемящей надеждой. Но у Талии ничего не получалось. Механизм заклинило намертво. В конце концов она со злостью швырнула проволоку в стену, грязно сматерилась на весь подвал и бессильно опустилась на землю. Под утро, истощенные страхом и усталостью, мы всё-таки забылись рваным, тяжелым сном.

Утром нас разбудили резкие, эхо разносившиеся шаги.

Мы вскочили на ноги одновременно, мгновенно прижимаясь к решеткам. Тяжелая дубовая дверь подвала с грохотом распахнулась, и в помещение зашли трое Ищеек. Это были те

самые холеные, сытые люди аукциона в опрятных кожаных жилетах. Они лениво прошли вдоль ряда клеток, и их кованые сапоги зловеще стучали по каменным плитам.

Они остановились ровно напротив Митеи.

Старший из них, шрамированный мужик с мерзкой ухмылкой, подошел вплотную к прутьям и начал бесцеремонно рассматривать, оглядывая её с ног до головы, как породистую кобылу на базаре. Митея испуганно вжалась в угол, закрывая лицо руками.

— Не смейте трогать её, ублюдки! — истошно закричала Талия, с силой бросаясь на решетку своей клетки и сотрясая её всем телом. — Руки убрали от неё, твари!

Ищейки лишь громко, цинично поржали над её криком. Старший повернулся, мазнул равнодушным взглядом по брызжущей яростью Талии, а затем его цепкие глаза остановились прямо на мне. Он сделал два шага к моей клетке, в упор разглядывая моё лицо.

— Давай вот эту сперва выведем, — протянул он, довольно прищелкнув языком. — Посмотри, какая у неё чистая, гладкая кожа. И глаза... ярко-зеленые, дикие. Вышие на площади за такую подерутся. А этих двух пока оставим здесь. Придержим для следующего аукциона.

Один из конвоиров уже потянулся к связке ключей на поясе, направляясь к замку моей клетки. Нас начинали разделять.

Тяжелый железный ключ со скрежетом повернулся в замочной скважине. Ржавые петли моей клетки противно взвизгнули, и дверь медленно поползла наружу.

— Да что вы за люди такие?! — в полном отчаянии снова закричала Талия, со всей силы бросаясь на прутья своей решетки. Металл зазвенел под её ударами. — Не трогай её, ублюдок! Оставь её в покое!

Я медленно отступила в самый дальний, темный угол клетки, намертво прижимаясь спиной к каменной стене. Сердце бешено колотилось в горле. Внутри всё заледенело от абсолютного, жгучего бессилия. Защищаться было нечем. У меня не осталось ни ножа, ни тяжелого обломка камня — совсем ничего, кроме собственных кулаков.

Двое массивных Ищеек грубо шагнули внутрь. Один из них мертвой хваткой вцепился в мое предплечье, рывком потянув на себя. Я не выдержала — закричала, начала яростно брыкаться, изворачиваться и со всей дури пинать их сапогами по голеним. Второй ублюдок с размаху перехватил мою вторую руку, заламывая её за спину так жестко, что в плече что-то хрустнуло. Меня силой выволокли из клетки и поволокли по ледяному полу к выходу.

Митея, согнувшись в три погибели в своем углу, закрыла лицо руками и громко заплакала. Талия продолжала безумствовать, без остановки колотя кулаками в решетку и выкрикивая проклятия в спины уходящих мужчин.

У самого порога подвала я на секунду преодолела сопротивление конвоиров и резко обернулась назад, в темноту.

— Я найду вас! — задыхаясь от душащих меня слез, крикнула я девчонкам, стараясь, чтобы они запомнили каждую букву. — Чего бы мне это ни стоило, но я вернусь! Слышите?! Я вернусь!

Митея зарыдала еще громче, а Талия в последний раз с грохотом врезалась телом в железные прутья:

— Ублюдки! Твари!

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась, отрезая меня от их криков. Меня потащили вверх по каменным ступеням.

Стоило конвоирам вытолкнуть меня на улицу, как яростное солнце Соляриса с размаху ударило прямо в глаза. Я болезненно зажмурилась, слезы брызнули из-под век, а голова мгновенно закружилась от душного, иссушающего жара. Свод Вечного Зенита сегодня пёк без жалости.

Когда зрение немного вернулось, я с ужасом огляделась. Меня вели сквозь огромную, бурлящую толпу. На центральной площади Серой Гнили яблоку негде было упасть: здесь собралась сотня гнильщиков, которые испуганно жались друг к другу, и целые толпы Иверийцев. Высшие расхаживали по площади в своих роскошных, дорогих шелках, лениво переговариваясь и цинично оглядывая пленных людей, словно скот на бойне.

Меня грубо погнали вперед и подняли на высокую деревянную платформу, служившую сценой для торгов. Прямо посреди подмостков стоял длинный ряд маленьких, тесных железных клеток, сколоченных из толстой арматуры. Они были настолько узкими, что предназначались строго для одного человека.

Один из конвоиров сорвал засов с ближайшей решетки и со всей дури втолкнул меня внутрь. Я не удержалась на ногах, с размаху ударилась плечом о противоположные железные прутья и позорно растянулась на грязных досках пола. Сзади тут же раздался оглушительный, финальный лязг. Замок закрыли.

Я перевернулась набок, хватаясь руками за решетку, и поднялась на колени. Всё было кончено. Я была заперта в клетке посреди слепящей площади.

Прямо перед сценой, на резных деревянных трибунах, вальяжно сидели десятки богатых Высших Иверийцев. По периметру площади, крепко сжимая рукояти мечей, ровной стеной стояли Ищейки, зорко следя за порядком.

Чувствуя на себе сотни оценивающих, липких взглядов бессмертных, я медленно попятилась назад, вглубь своей тесной клетки, пока не уперлась спиной в заднюю решетку. Пытаясь хоть немного скрыться от их чужих, хищных глаз, я низко опустила голову, пряча лицо в тени капюшона.

Сердце бешено колотилось в ребрах, пока я изо всех сил молилась Этеру лишь об одном: чтобы эти торги прошли мимо меня. Чтобы меня никто не купил. Чтобы я осталась здесь, в грязной Серой Гнили.

Я стояла в самом углу этой душной клетки, до крови впиваясь ногтями в ладони. Грудь ходила ходуном. Главное — успокоиться. Я до хрипа заставляла себя дышать ровно, молясь только о том, чтобы разноцветное кольцо в моих глазах снова не вспыхнуло из-за дикого страха и не выдало мою аномалию всей этой толпе на площади.

И вдруг в моей голове раздался голос.

Это была не моя мысль. Звук возник прямо внутри черепной коробки — глубокий, властный, мужской голос, который тянулся лениво, с каким-то пугающим, бархатным высокомерием. Незнакомец словно забавлялся со мной.

«Решила спрятаться?»

Я замерла, не смея даже пошевелиться. Не поднимая головы, я осторожно, исподлобья повела взглядом по сторонам. Но рядом со мной никого не было. Соседние клетки пустовали, а Ищейки стояли далеко у края помоста.

«Какая наивность... Но от меня не скрыться. Я ведь вижу абсолютно всё».

Кожа покрылась ледяным потом. До меня с ужасом дошло: этот голос звучал в моей голове, это не был бред от пережитого страха. Кто-то пролез в мой разум. Сердце заколотилось в ребра так бешено, что в ушах зашумело. Ошарашенно глядя в грязный деревянный пол клетки, я пыталась понять, как вообще возможно подобное чудовищное вмешательство.

«Уже боишься меня? Какая прелесть... Не бойся, дикарка. Мне лишь любопытно, что за сокровище ты прячешь под этим уродливым капюшоном».

В панике я попыталась забиться еще глубже в угол, сжимаясь в комок. Что за чертовщина происходит? Кто этот монстр?

«Ну же, сделай шаг ближе к решётке. Будь хорошей девочкой».

«Ни за что, — мысленно огрызнулась я, упрямо вжимаясь лопатками в железную арматуру. — Никуда я не пойду».

Чужая, невидимая и непреклонная воля стальными нитями опутала мои суставы. Мои ноги сами, совершенно без моего согласия, оторвались от пола и сделали один тяжелый, механический шаг вперед. Потом второй. Я в полном шоке и ужасе пыталась удержать себя, пыталась упасть, закричать, но мышцы действовали сами по себе, словно я превратилась в безвольную куклу. Пальцы рук сами потянулись к передним прутьям клетки и мертвой хваткой вцепились в холодное железо. Я стояла у самого края, парализованная этой дикой, извращенной силой.

«Подними голову. Позволь мне наконец разглядеть тебя».

Шея дернулась. Подбородок плавно, против моей воли, пополз вверх. Это был чистый, первобытный кошмар — чувствовать, как кто-то чужой дергает за ниточки твоего собственного тела. Я подняла голову и уставилась на площадь.

Передо мной раскинулась вся эта бурлящая, залитая золотом толпа. На резных трибунах вальяжно сидели Высшие Иверийцы, кто-то лениво прохаживался между рядами, кто-то переговаривался. Я лихорадочно бегала глазами по их лицам, отчаянно пытаюсь вычислить, какой ублюдок забрался в мой разум и играет со мной, как с марионеткой. Чёртова магия Иверийцев... Я понимала, что обычный гнильщик на такое не способен. Но среди сотен высокомерных лиц на площади невозможно было разглядеть того, кто устроил этот кукольный театр.

«Какие потрясающие глаза... Настоящий изумруд. Сними капюшон, я хочу увидеть твоё лицо».

Мои руки сами оторвались от железных прутьев. Разум истошно орал: «Остановись! Прекрати!», но пальцы послушно поднялись к лицу и ухватились за края грязной серой ткани. Я пыталась бороться, сопротивляться, удерживать собственные руки силой мысли, но чужая магия кукловода была слишком плотной, она просто ломала мою волю. Медленным, плавным движением руки потянули ткань назад. Капюшон соскользнул с моей головы, открывая лицо слепящему солнцу. Мои русые волосы были небрежно, наспех завязаны внизу у самой шеи старой бечевкой, и несколько прядей сразу упали на лоб.

«Очаровательно... А теперь распусти эти пряди. Хочу увидеть их на твоих плечах».

В ментальном приказе послышалось довольное придыхание, он наслаждался каждой секундой своей жуткой игры. Пальцы моих рук без капли сомнения завели ладони за затылок. Я нащупала грубый узел бечевки и одним резким движением дернула его, разрывая нить.

Мои густые русые волосы мягкой волной рассыпались по плечам. Я стояла перед всей площадью, подставив лицо жаркому солнцу, а невидимый кукловод продолжал издевательски рассматривать меня сквозь сотни глаз, заставляя мое сердце заходиться в бешеном, паническом ритме.

Я бегала глазами по трибунам Иверийцев, отчаянно пытаюсь отыскать того, кто устроил этот извращенный кукольный театр в моей голове. И вдруг мой взгляд намертво наткнулся на ответный, обжигающе пристальный взор.

Среди сотен безразличных лиц на площади этот мужчина выделялся так, словно всё пространство вокруг него замерло и подчинилось его воле. В его глазах не было обычных зрачков. На меня смотрели невероятные, гипнотические радужки цвета тёмного сапфира, по которым мерцали холодные сапфировые кольца. Этот светящийся взгляд прошивал меня насквозь через всю площадь...

Мужчина сидел в резном деревянном кресле в первом ряду, лениво откинувшись на спину и закинув ногу на ногу, словно истинный властелин этого сломанного мира. В его фигуре угадывалась безупречная, хищная стать воина, привыкшего повелевать. Густые, темно-коричневые волосы, отливавшие благородным каштаном, были небрежно зачесаны назад, открывая безупречное, будто высеченное из мрамора лицо. Острые скулы, прямой аристократичный нос и жесткая, упрямая линия губ — от его красоты веяло опасностью и чистым, порочным превосходством.

Одет он был подчеркнуто дорого, но без лишней вычурности: тонкая черная рубашка из изысканного шелка была расстегнута на две верхние пуговицы. Тёмные, идеально скроенные брюки подчеркивали длину сильных ног, а на плечи был небрежно накинут тяжелый, полуночный плащ, который плавно скользил по его плечам.

Он не шевелился. Только его глаза продолжали насмешливо и властно удерживать меня на поводке своей магии, заставляя меня задыхаться от этого жуткого контакта.

«Не смотри на меня так, дикарка...» — его голос в моей голове снова растягивал слова с ленивой, порочной усмешкой. — «А то я уже еле сдерживаюсь, чтобы не забрать тебя прямо сейчас, без всяких торгов».

Я продолжала стоять у самой решетки, намертво вцепившись пальцами в железные прутья. Меня колотило от бешенства. Эта бессмертная тварь развлекалась, пока я была заперта в клетке как животное. Он упивался своей силой, и дергал за ниточки, наслаждаясь каждым моим движением.

Вместо того чтобы трусливо опустить голову, я упрямо вскинула подбородок. Глядя прямо в его глаза, мерцающие холодным сапфировым неоном через всю площадь, я едва заметно шевельнула губами и процедила сквозь сцепленные зубы:

— Да пошел ты к черту.

В моей черепной коробке раздался его тихий, искренний смех. Высший явно не привык к такому отпору от смертных гнильщиков, и это забавляло его еще сильнее.

«Обожаю рабынь, которые пытаются сопротивляться...» — прошептал его голос, и в этом ментальном бархате прорезался хищный, собственнический голод. — «С вами игра становится куда интереснее. Что ж, дикарка, я уже принял решение».

Мужчина с ленивой грацией хищника начал подниматься со своего резного кресла. Тяжелый полуночный плащ плавно соскользнул по его рельефным плечам, а кольца в глазах вспыхнули с новой, подавляющей силой. Он направился напрямик к деревянной платформе, чеканя шаги по каменистой земле. Ищейки, стоявшие по периметру площади, мгновенно вытянулись по струнке, не смея даже дышать в его присутствии.

Животный страх заставил суставы онеметь. Я попыталась разжать пальцы, отпустить прутья и броситься назад, в самую глубь своей тесной клетки, чтобы скрыться в темноте. Я хотела забиться в угол, раствориться, исчезнуть, только бы не подпускать этого монстра к себе.

Но стоило ему сделать очередной шаг к помосту, как его взгляд намертво пригвоздил меня к месту. В голове сокрушительным ударом пронесся финальный, леденящий кровь приказ:

«Стоять».

И мое тело снова замерло. Ноги намертво приросли к грязным доскам, руки налились свинцом, удерживая решетку. Я была заперта в собственной плоти, обреченная стоять у самого края и ждать.

Сердце колотилось в ушах с такой бешеной силой, что мир вокруг казался смазанным, нереальным. Волнение накатывало удушливыми волнами, а паника сковывала внутренности, пока мужчина медленно, шаг за шагом поднимался по ступеням деревянного помоста.

Незнакомец был заметно выше меня. Чтобы удержать его взгляд, мне пришлось упрямо закинуть голову назад. Я до крови прикусила губу изнутри, заставляя себя быть сильной. Только не показывать слабость. Только не дать этому бессмертному ублюдку насладиться моим страхом.

Мужчина остановился у самых прутьев. И когда он заговорил, его голос прозвучал уже не внутри моего черепа, а вслух — глубокий, бархатный баритон, вибрирующий от опасной силы.

— Подойди ближе, — произнес он, и в его глазах промелькнула явная насмешка.

Чужая магия снова рванула за невидимые нити. Мои ноги, подчиняясь приказу, шагнули вперед, пока я грудью не вжалась в холодное железо решетки.

Он резко, без всякого предупреждения, просунул свою ладонь сквозь узкие прутья. Его сильные пальцы мертвой хваткой вцепились в мои волосы на затылке. Мужчина с силой потянул меня на себя, заставляя прижаться лицом к арматуре, и низко наклонился к моему уху. Я ощутила тонкий запах озона и морозного ветра.

— Надо же... Сегодня Серая Гниль меня по-настоящему порадовала, — прошептал он мне в самую кожу. — Не думал, что найду в этой помойке столь интересный товар.

Слово «товар» ударило меня хлестче любого кнута. Чистая, ядовитая ярость затопила мой разум, выжигая остатки страха. Я рванулась вперед, насколько позволяла его жесткая хватка, и, глядя ему прямо в переливающиеся глаза, злобно выплюнула:

— Бессмертный ублюдок. Пусть тебя сожрут Энтропы. Ты сдохнешь в своих землях, так и знай!

Его глаза опасно сузились, превращаясь в две тонкие, светящиеся иглы. Насмешка с его лица мгновенно исчезла. Мужчина перехватил мои волосы еще сильнее, до хруста в шее нагибая мою голову в одну сторону, полностью открывая кожу.

Испуганно скосила глаза и обледенела. Рукав его рубашки был чуть закатан, и прямо на коже вспыхнули тонкие синие линии. Они заструились вверх по руке, словно жидкий свет, а затем собрались в его ладони. Между длинных пальцев затрепетало холодное сапфировое сияние, становясь всё ярче и ярче.

Я отчаянно попыталась дернуться назад, закричать, выкрутиться, но его пальцы держали меня как тиски, намертво прижимая к прутьям.

— Нет! Пусти! — задыхаясь, прохрипела я.

Незнакомец медленно поднес свою светящуюся ладонь к моей шее, прямо к нежной коже рядом с ухом.

В шею будто с размаху вогнали кусок раскаленной плазмы. Кожу начало выжигать заживо, мясо горело от невыносимого, адского жара его магии. Я истошно, на всю площадь закричала, срывая голос в хриплый, безумный вопль. Из глаз брызнули слезы, размывая слепящее солнце над головой. Я дико вырывалась из его рук, царапала ногтями железо, но кукловод держал меня слишком крепко, упиваясь моей агонией.

В его глазах бешено мерцали кольца силы. Он выжигал на мне свое клеймо собственности, забирая мою свободу.

— Теперь ты принадлежишь мне, дикарка, — его хриплый, властный голос прозвучал прямо над моим ухом сквозь пелену моей боли. — Моя воля отныне — твой закон. А мое клеймо — твоя судьба.

Мужчина резко разжал пальцы, и я мешком рухнула на грязные доски клетки, хватаясь рукой за горящую, обугленную шею.

В ушах тяжело пульсировала кровь, заглушая все звуки площади. Я лежала на грязных досках клетки, сжавшись в комок и не в силах оторвать ладонь от горящей шеи. Кожу пекло, голова раскалывалась, а перед глазами все еще стояли слепящие золотые пятна.

Сквозь этот плотный, стоящий в ушах гул я с трудом различила, как к решетке кто-то быстро подошел. Раздался шорох дорогой кожи и трусливый, заискивающий голос одного из главных Ищеек. Мужчина заговорил с подчеркнутым, рабским уважением, обращаясь к моему мучителю:

— Лорд Целестии... Мы подготовим товар к отправке.

На помосте повисла короткая тишина. А затем над моей головой снова раздался этот ледяной, бархатный баритон, от которого по спине побежали мурашки:

— Я заберу её лично.

— Как прикажете, милорд, — Ишейка торопливо поклонился, судя по звуку шагов, пятясь назад и полностью повинувшись его воле.

Я оставалась лежать на полу, а в моем полубезумном от боли разуме слова Ищейки начали медленно, со скрежетом складываться в страшную картинку. Лорд Целестии.

Я ведь с самых первых минут по его невероятному взгляду с холодными сапфировыми кольцами догадалась, откуда он прибыл. Этот ублюдок был из Звездопада. Но одно дело — попасть в рабство к богатому Вышнему, и совсем другое

Осознание тяжелым камнем упало в бездну. Правящий Лорд Вечного Звездопада. Рейздан. Абсолютный хозяин этих Сводов, чье имя в Серой Гнили произносили только шепотом и с диким страхом.

Я попала не просто Иверийцу. Меня клеймил самый опасный кукловод этого мира, и теперь моя судьба была в его руках.

Глава 6

Меня грубо вытолкнули из клетки и швырнули напрямик в распахнутую серебряную дверь кареты, которая ждала на каменистом пустыре у самой окраины Серой Гнили. Я не удержалась на ногах и плашмя рухнула на сиденье, больно прикусив губу. Дверь за моей спиной с плотным щелчком захлопнулась, отрезая меня от липкого тумана трущоб.

Кое-как перевернувшись набок, я ошарашенно замерла, оглядываясь по сторонам. Изнутри карета Рейздана выглядела вызывающе, пугающе богато — в нашей полуразрушенной лачуге не было ни единой вещи, которая могла бы сравниться с этим великолепием. Мягкие, глубокие сиденья были обтянуты плотным бархатом, который казался шелковистым на ощупь. Потолок украшала тончайшая гравировка, напоминающая созвездия, а на небольшом резном столике у противоположной стены таинственно мерцал хрустальный графин с прозрачной водой. Вся эта роскошь словно кричала о том, насколько недостижимо высок статус её хозяина.

Приподнявшись на локтях, я подползла к маленькому, узкому окошку из толстого граненого стекла и прильнула к нему лицом.

Впереди не было ни единой лошади. Никаких животных или упряжек.

Я уже видела эту карету раньше — пару раз, когда мы с девчонками тайно пробирались сквозь высокую траву к светящимся рубежам, чтобы отыскать обломки металла после Изломов. И каждый раз, прячась в зарослях, я искренне, до глубины души удивлялась: как эта массивная машина способна передвигаться без чьей-либо помощи? Теперь ответ был прямо передо мной. Это была магия Иверийцев.

Сквозь мутное стекло я разглядела, как на высокое переднее сиденье кареты — туда, где у обычных людей сидят извозчики — один за другим плавно поднялись четверо Иверийцев из личной стражи Лорда. Они были закованы в легкую серебряную броню. Бессмертные воины синхронно опустили ладони на массивные поручни перед собой, и под их кожей вдоль запястий мгновенно побежали дорожки магии.

Карета слегка качнулась, и в ту же секунду серебряная дверца резко распахнулась. Внутрь уверенным движением шагнул он. Дверь за его спиной захлопнулась с глухим стуком, мгновенно отрезая нас от внешнего мира.

Он сел на противоположное сиденье, прямо напротив меня. Линия его губ оставалась жесткой, а на безупречном, мраморном лице застыло выражение ленивого, опасного превосходства. Мужчина опустил взгляд, пристально уставившись на меня. Под этим тяжелым, оценивающим взглядом у меня внутри всё сковало первобытным страхом. Челюсти свело судорогой, и я сильнее вжалась спиной в бархатную обшивку, мечтая провалиться сквозь землю.

Он молча разглядывал меня несколько долгих секунд, а затем его вибрирующий баритон нарушил тишину:

— Ты должна быть благодарна, дикарка. Далеко не каждому смертному выпадает великая честь находиться в моем присутствии. И уж тем более — делить со мной одну карету.

В его интонациях сквозила издевательская, высокомерная игра. Преодолевая панику, я упрямо вздернула подбородок и выплюнула ему прямо в лицо:

— Лучше бы я осталась подышать в грязных туманах Гнили, чем сидела с тобой в этой проклятой коробке.

В ту же секунду в его тёмно-карих глазах вспыхнул едва заметный, пронзительный сапфировый отблеск. Незнакомец чуть подался вперед, и его губы тронула многообещающая улыбка.

— Какая строптивая... Тебе понравится проводить со мной время, поверь. Я умею быть очень убедительным, когда хочу этого.

— Меня тошнит от одного твоего присутствия, — процедила я сквозь сцепленные зубы, чувствуя, как ногти до крови впиваются в собственные ладони.

Он посмеялся, ни капли не задетый моими словами. Наоборот, эта наглая дерзость развлекала его еще сильнее. Мужчина вальяжно развалился на мягком сиденье, закинув ногу на ногу, и окинул меня хищным взглядом.

— Ну что ж, зверушка... давай поиграем, — лениво протянул он, и в его глазах зажглись опасные искры. — Расстегни свой плащ.

Я ошарашенно уставилась на него, не веря собственным ушам. Воздух в карете будто стал свинцовым, мешая дышать. «Ни за что», — орал мой разум, но магия уже окутала тело невидимыми стальными нитями. Против моей воли, руки сами, медленно и тяжело поднялись к горловине плаща. Пальцы ухватились за верхнюю пуговицу.

Зубы скрежетали с такой силой, что челюсть сводило от невыносимой боли. Пальцы начали мелко дрожать, когда ткань плаща с тихим шорохом разошлась в стороны. Я прекрасно понимала, какой смысл он вкладывает в эти приказы, и от этого унижения внутри меня клокотала бешеная ярость. Под плащом на мне была лишь старая, промокшая от пота белая майка трущоб.

Он не шевелился, продолжая с интересом наблюдать за моим вынужденным повиновением.

— Подними свою майку, — последовал новый, леденящий кровь приказ.

Мои дрожащие ладони послушно опустились вниз. Пальцы вцепились в грязный край тонкой ткани. Разум разрывался от паники и бессилия, пока руки медленно, сантиметр за сантиметром, начали тянуть майку вверх, обнажая живот.

Внутри всё горело. Я заталкивала бушующую силу Излома обратно в самую глубь души, изо всех сил повторяя в голове одно-единственное слово: «Успокойся Успокойся, Амира, зажми это!» Если я сейчас потеряю контроль, разноцветное, проклятое кольцо вспыхнет в моих зрачках, выдавая аномалию. Я на секунду зажмурилась, делая вдох, а когда снова открыла глаза, мой взгляд оставался обычно-зеленым, полным яростного, но бессильного сопротивления.

Мужчина пристально смотрел на меня. По его лицу было видно, что он чувствует, как отчаянно я пытаюсь бороться с его волей, и это сопротивление лишь распалило его любопытство.

Мои руки поднялись еще выше, ткань обнажала ребра, приближаясь к груди. Но в самый последний момент, собрав всю свою волю, я до хруста сцепила зубы и заставила свои пальцы замереть. Руки остановились. Я смогла преодолеть его приказ и зафиксировать ткань на месте.

Мужчина посмотрел на мои застывшие руки, и на его безупречных губах появилась лишь ленивая усмешка.

— Протяни руку к своим губам, — раздался его приказ.

Пальцы послушно опустили край майки и плавно поднялись к лицу. Разум истошно кричал от бессилия, но мое собственное тело больше мне не принадлежало. Пальцы замерли всего в миллиметре от моего рта.

— Проведи по ним пальцами, — лениво скомандовал он, не отрывая взгляда от моего лица.

Я почувствовала прикосновение к сухим, дрожащим губам. Пальцы мягко скользнули по нижней губе, очерчивая её контур. Рейздан вальяжно откинулся на бархатное сиденье кареты, и в его глубоких сапфировых глазах загорелся откровенный, хищный интерес. Он упивался этой жуткой игрой, жадно разглядывая каждое принудительное движение моих рук.

— Уверен, они чертовски сладкие на вкус, — прокомментировал он этот момент. Его губы тронула циничная ухмылка. — Но сперва тебя, дикарка, нужно хорошенько вымыть и привести в надлежащий порядок.

Меня буквально затрясло от его слов и брезгливого тона. В упор глядя в его зрачки, я с трудом преодолела давящие оковы чужой магии и сквозь сцепленные зубы злобно процедила:

— Пошел ты на хрен вместе со своими порядками. Меня от одного твоего вида воротит.

В ту же секунду его глаза потемнели, наливаясь тяжелой, грозовой синевой. Ухмылка мгновенно исчезла с его мраморного лица, уступая место жесткой сосредоточенности правителя. Наша игра в кошки-мышки резко закончилась.

— Нагнись ко мне, — последовал новый, хлесткий приказ.

Мое тело тут же подалось вперед. Спина выгнулась, заставляя меня наклониться к противоположному сиденью кареты. Кожа на шее в месте свежего клейма вспыхнула резкой, дергающей болью.

— Ближе, — его голос стал тише, превращаясь в опасный шепот. — Еще ближе.

Чужие нити сжались мертвой хваткой, неумолимо притягивая меня к нему. Я наклонялась всё сильнее, преодолевая разделявшее нас расстояние, пока мое лицо не оказалось в каких-то сантиметрах от него. Мужчина сам чуть приподнялся с бархатного сиденья, сокращая последние крохи воздуха между нами, и замер, гипнотически всматриваясь прямо в мои широко раскрытые глаза.

Он дышал мне прямо в губы, обжигая кожу своим тяжелым, горячим дыханием. Расстояние между нами стерлось окончательно. В его глазах горела первобытная, хищная тьма, подавляющая любую попытку сопротивления.

— Как тебя зовут, непокорная дикарка? — почти шепотом спросил он, и от вибрации его голоса по моему телу побежали колючие мурашки.

Я до боли сцепила пальцы на железном поручне, тщетно пытаюсь вернуть контроль над собственным телом, и сквозь зубы выплонула:

— Амира.

Он на секунду замер, словно пробуя это слово на вкус, а затем лениво, с тягучим удовольствием повторил на языке:

— Амира... — в его интонации проскользнуло опасное, порочное удовлетворение.

В следующую секунду его взгляд стал откровенно хищным. Так смотрят мужчины, когда в них просыпается голод и непреодолимое желание подчинить себе женщину. Медленно, не спуская с меня глаз, он поднял руку и коснулся моих губ. Его большой палец с силой надавил на нижнюю губу, очерчивая её контур, заставляя мой рот слегка приоткрыться. В этом жесте было столько тяжелой силы, что меня затрясло.

Меня выворачивало наизнанку от осознания того, что я заперта в собственной плоти, а этот бессмертный ублюдок может делать со мной абсолютно всё, что ему вздумается.

Он мгновенно уловил эту перемену в моем состоянии. Почувствовав, как под его пальцами бьется моя крупная дрожь и как сквозь злость начинает пробиваться первый, панический страх, он убрал руку.

— Боишься уже? — тихо, с издевательской ухмылкой спросил он.

Я не успела и рта открыть для ответа. Новая волна его магии ударила по моим нервам, выжигая остатки воли.

— Поцелуй меня, — прозвучал безжалостный, леденящий кровь приказ.

Мой разум ошарашенно закричал, утопая в диком ужасе. «Нет! Пожалуйста, нет! Прекрати!» — выли внутренний голос, но тело предало меня без капли сомнения. Невидимые стальные нити рванули вперед, и мои губы сами, повинаясь чужой воле, потянулись к его лицу. У меня не было ни единого шанса затормозить или переиграть этот кошмар. Приближаясь к нему, я чувствовала, как паршиво и тошно мне от собственного бессилия, но мои ладони упрямо оставались зафиксированы на сиденье, а голова плавно подавалась вперед.

Я первая коснулась его губ. Мой поцелуй был робким, вынужденным и прерывистым, я едва прижалась к его рту, надеясь, что на этом всё закончится. Сразу после этого я попыталась хоть немного отстраниться, убирая лицо назад.

Но в ту же секунду мужчина перехватил меня ладонью за затылок. Его пальцы намертво впились в мои волосы, полностью отрезая путь назад. Он рванул меня на себя и сам со всей дури впечатался в мои губы, ломая любое сопротивление. Поцелуй мгновенно превратился в глубокий, яростный и порочный омут. Он со свистом просунул свой горячий язык мне в рот, сминая, подчиняя и выжигая меня изнутри своим требовательным напором. Воздух в легких закончился, голова пошла кругом от этого дикого, обжигающего безумия, а пальцы продолжали удерживать мою голову с сокрушительной силой.

Нас ощутимо потрясло — массивная серебряная махина, видимо, преодолела рубеж Сводов и круто взмыла в облака. От этого толчка мужчина резко разомкнул наши губы и отпустил мои волосы. Он лениво откинулся назад, тяжело дыша и вальяжно расслабляясь на своем бархатном сиденье. На его безупречных губах играла сытая улыбка, а глаза полыхали торжеством.

Я почувствовала, как невидимые пути наконец-то лопнули, возвращая мне контроль над мышцами. В ту же секунду я отпрянула назад, с размаху вжимаясь спиной в самую дальнюю стенку кареты. Дыхание со свистом вырывалось из груди, губы горели и опухли от его поцелуя, а сердце готово было выпрыгнуть из ребер. Я уставилась на этого монстра бешеными, дикими от ярости и шока глазами, вытирая рот тыльной стороной ладони и понимая, что отныне моя жизнь превратилась в сущую преисподнюю.

Всю оставшуюся дорогу в карете стояла мертвая тишина. Мужчина больше не отдавал приказов, не двигал пальцами и не лез ко мне в душу, но от этого легче не становилось. Он пристально, не отрываясь, смотрел на меня своим холодным, пронизывающим взглядом. В его глубоких сапфировых глазах невозможно было прочесть ни единой мысли. Чего он хотел? Что планировал делать со мной дальше? Ответы на эти вопросы тонули в его ледяном спокойствии. В какой-то момент, словно потеряв ко мне интерес как к строптивой игрушке, он равнодушно отвернулся к окну, полностью предоставив меня самой себе.

Переведя дыхание, постаралась отодвинуться от него как можно дальше и прильнула к граненому стеклу. То, что открылось моему взору, казалось безумным, чертовым сном. Настоящим галлюциногенным бредом после лет, проведенных в грязной, удушливой Серой Гнили.

Карета на огромной скорости пролетела сквозь призрачную, пульсирующую линию Сводов. Пространство вокруг нас мгновенно преобразилось. Серая мгла испарилась, и над головой раскинулось глубокое ночное небо Целестии. Но здесь не было темно. По всему небосводу миллиардами ярких искр горели огромные, чистые звезды, которые испускали такой мощный, хрустальный свет, что земля внизу просматривалась до мельчайших деталей. Прямо из-под колес нашей кареты назад уходил густой шлейф сапфирового пара, смешанного с искрящейся пылью. Я понимала: это четверка Иверийцев впереди продолжала безостановочно вливать свою энергию в поручни, заставляя металлическую махину порхать над землей. Карета летела не высоко — она плавно скользила и парила в воздухе всего в нескольких десятках метров над землей, проносясь над верхушками холмов.

А затем впереди вырос город. Великая столица Звздопада.

Сердце испуганно замерло в груди от монументального масштаба этого места. Город был выстроен на гигантских, уходящих в поднебесье скалах, которые словно парили друг над другом. И всё здесь — от основания этих крутых утесов до крыш самых крошечных строений — было создано из невероятного, полупрозрачного темного сапфира. Дома Иверийцев, изящные арки мостов, перекинутые между безднами, и широкие мостовые светились изнутри мягким, глубоким синеватым сиянием. На фоне вечной нищеты и гнилых досок Серой Гнили этот сияющий драгоценный город казался чудом, нереальной сказкой.

Карета бесшумно петляла между этими домиками. Сквозь стекло я видела роскошные сады, раскинувшиеся на каменных террасах. Но даже природа здесь подчинялась законам чужой магии: деревья с тонкими, изящными стволами и пышные бутоны невиданных цветов не были зелеными. Они отдавали пугающей, неоновой синевой, словно были сотканы из застывшего звездного света. Красивые, безупречные... и мертвенно-неживые.

Как бы сильно я ни ненавидела Иверийцев, как бы сильно меня ни тошнило от их жестокости, спорить с очевидным было глупо. Это место было прекрасным. До боли, до крика в груди великолепным. Контраст между убогой сточной канавой, в которой я выросла, и этим сияющим сапфировым раем ломал сознание, заставляя чувствовать себя ничтожной грязью под подошвами их сапог.

В самом центре парящих скал вырос замок, возвышающийся над всей столицей.

Дворец из иссиня-черного, матового сапфира уходил шпилями прямо в звездное небо Целестии. Его башни были настолько огромными, что карета на их фоне казалась мелкой мошкой. Серебряная махина сделала плавный вираж и начала спускаться вниз, заходя на посадку на широкую внутреннюю площадь дворцовой территории. Колеса бесшумно коснулись идеально гладких плит мостовой.

Я медленно отстранилась от окна и сжала пальцы на своем раскрытом плаще, чувствуя, как горящее клеймо на шее заныло с новой силой. Каким бы невероятным, сказочно красивым и ослепительным ни было это место — отныне оно станет моей персональной преисподней. Моей роскошной, сияющей железной клеткой. Клеткой, где безжалостный Лорд-кукловод, сидящий напротив меня, будет каждый день дергать за невидимые стальные нити моего тела, лишая воли и превращая в покорную марионетку. И самое страшное — я понятия не имела, что именно эти жестокие бессмертные твари сделают со мной за стенами этого дворца.

Глава 7

Тяжелые двери дворца распахнулись передо мной, словно пасть гигантского хрустального чудовища. По обе стороны от входа, словно каменные изваяния, застыли Иверийские гвардейцы в начищенной броне. А прямо у массивных створок, послушно склонив головы, стояли рабы.

Взгляд невольно задержался на них, и внутри всё болезненно сжалось. Эти бедные люди выглядели ужасно, несмотря на то, что одеты они были с иголочки — в дорогие, опрятные шелковые одежды глубокого синего цвета. Лорд Целестии явно заботился о том, чтобы челядь не портила безупречную красоту и эстетику его рая. Но дорогая ткань не могла скрыть их мертвые, серые лица. Когда нас вели мимо, ни один из рабов даже не поднял на меня взгляда — они смотрели строго в пол, словно разучились замечать окружающий мир.

Мы вошли в парадный зал, где потолок терялся в мерцающей звездной вышине. Навстречу нам уверенным шагом направился статный Ивериец.

Мужчина приблизился к нам, коротко и уважительно склонил голову, но по его лицу было видно, что они общаются на равных.

— Как всё прошло, Рейздан? — спросил он, и в его голосе прозвучали нотки давнего, доверительного знакомства.

— Без всяких проблем, Дарэн, — равнодушно бросил Рейздан, даже не замедляя шага. Его взгляд скользил по залу с привычным, леденящим высокомерием. — Что на рубежах Стыка? Были новые Изломы?

— Никаких новых вспышек на границах не зафиксировано. Разломы запечатаны, Энтропы не высовываются. На Стыках сейчас относительно тихо.

— Держи меня в курсе, — коротко бросил Рейздан.

Дарэн понимающе кивнул, а затем его внимательный взгляд скользнул мимо плеча правителя и намертво зацепился за меня. Я стояла чуть позади, упрямо сжимая кулаки и пряча лицо под плащом.

— О... я вижу, ты привез новый товар из Гнили? — на губах капитана появилась легкая, едва заметная усмешка.

Рейздан медленно обернулся ко мне. Он посмотрел на меня с таким скучающим, безразличным видом, словно за эти несколько минут вообще успел напрочь забыть о моем существовании. Для него я была лишь секундной забавой, безвольной вещью.

— Прислуга! — резко, как выстрел, скомандовал он на весь зал.

Из тени огромных колонн мгновенно вышли двое рабов. Как и все слуги во дворце, они были одеты безупречно, в чистые, дорогие ткани, но их головы были покорно опущены. Они бесшумно приблизились и остановились в паре шагов от Лорда.

— Лорд, — синхронно, едва слышно выдохнули они, признавая его абсолютную власть над своими жизнями.

— Отведите её в комнату для гостей, — ледяным тоном приказал Рейздан, даже не глядя в мою сторону. — И прикажите немедленно привести этот товар в надлежащий порядок.

Двое слуг повернулись ко мне. Впервые за всё время они подняли свои глаза и посмотрели прямо на меня. В их взгляде не было злости — только покорная пустота.

— Пройдем, — произнес один из них, указывая рукой на длинный, уходящий вглубь замка коридор.

Заставила свои ватные ноги двигаться и медленно пошла за ними, плотнее кутаясь в плащ. Но стоило мне сделать всего несколько шагов прочь от правителя, как кожу между лопатками обожгло невидимым жаром. Магический рисунок на моей пояснице тревожно дернулся. Оборачиваться не хотелось, но каждой клеткой своего тела ощущала, как Лорд Целестии про-

вожает меня тяжелым, пристальным и хищным взглядом, который буквально прожигал спину насквозь через весь огромный зал.

Меня вели по бесконечным, петляющим переходам дворца, но я упрямо держала голову опущенной, даже не пытаясь смотреть по сторонам. Вся эта чужая роскошь больше не имела значения. Всё, о чем я могла думать, пульсировало в моей голове вместе с дергающей, стихающей болью на шее.

Я осторожно, едва заметно коснулась пальцами обожженной кожи рядом с ухом. Там, где магия кукловода выжгла свое клеймо, теперь красовалась его личная метка собственности. В Серой Гнили каждый знал, как работают эти рабские клейма: у каждого из трех правителей Этера был свой уникальный, неповторимый узор. По одному взгляду на шею раба любой мог безошибочно определить, под чьим Сводом он обязан гнуть спину до конца своих дней. На мне теперь навсегда застыл рисунок Звздопада. Вечное напоминание о том, какому именно чудовищу принадлежит моя жизнь.

Мы начали подниматься по широкой, монументальной лестнице из гладкого темного мрамора, уходящей на второй этаж. Шаги рабов были абсолютно бесшумными, а мои старые сапоги лишь изредка шоркали по безупречным ступеням. Мне было плевать. Нас окружили безмолвные стены, но мыслями я всё еще оставалась там, в сыром подвале Ищеек.

Отчаянные мысли снова и снова возвращались к девчонкам. Внутри меня жила слепая, упрямая уверенность, что Талия справится. С её взрывным, бешеным характером и внутренней сталью она будет бороться до самого конца. Даже если на следующем аукционе её продадут в другие земли, Талия не сломается. Она вытерпит, перегрызет глотку любому надсмотрщику и найдет способ выжить. Но за Митею мое сердце разрывалось от страха. Наша нежная, хрупкая Тея была слишком ранимой для этого жестокого мира. Если её купят на торгах и увезут прочь от Стыка, она просто не выдержит. Она сломается под тяжестью рабства в первые же дни.

Мне нужно было любой ценой выбраться из этого проклятого замка, вернуться в Гниль и вытащить подруг. Я прекрасно понимала, что это будет самоубийством. Каждый раб под Сводами знал: побег — это самое страшное преступление против Иверийцев. Никто из слуг даже не помышлял о том, чтобы рисковать. Все они были слишком запуганы бессмертной расой, зная, что беглецов выслеживают за считанные часы, а наказанием за это всегда служит долгая, мучительная смерть. Но мне было абсолютно плевать, что эти твари сделают со мной, если поймают. Плевать на их законы. Я обязана была спасти девчонок и себя. Уж лучше я буду до конца дней жить в самой глухой, Богом забытой подворотне Серой Гнили, вечно прячась в ядовитых туманах, но только на свободе. И только вместе со своей маленькой семьей.

Слуги остановились перед высокой деревянной дверью в конце коридора второго этажа и плавно потянули её на себя.

— Заходи, — произнес один из них, освобождая мне проход.

Я сделала шаг вперед, переступая порог. Комната оказалась небольшой, но после нашей разваливающейся лачуги она выглядела верхом изящества. За моей спиной тут же раздался тихий, финальный стук — рабы закрыли дверь снаружи, оставляя меня в полной тишине.

Оглядевшись в полумраке, я заметила в стене еще одну аккуратную дверь. Я подошла ближе, потянула за ручку и оказалась в просторной, светлой купальне. Посреди комнаты высилась большая, искусно вырезанная ванна, от которой уже шел легкий, ароматный пар. Рядом на столике лежали чистые ткани и мягкие полотенца.

Вернулась в комнату и подошла к огромным, тяжелым шторам, которые полностью закрывали дальнюю стену от пола до потолка. Резким движением отодвинула плотную ткань в сторону. За стеклом скрывался выход на небольшой, изящный балкончик, нависающий прямо над дворцовой территорией.

Я не успела сделать и шага, как за моей спиной снова раздался шорох. Дверь комнаты открылась, и внутрь беззвучно зашли три женщины. Одна из них, стоявшая чуть впереди, на секунду приподняла подбородок и произнесла:

— Лорд приказал немедленно привести вас в надлежащий порядок. Пройдемте.

Глядя на их поникшие плечи, я почувствовала, как парализующий страх перед замком немного отпускает, уступая место горькому недоумению. Я расслабила затекшие плечи, внимательно всматриваясь в их бледные лица.

— Почему вы постоянно ходите с опущенными головами? — спросила я, делая шаг навстречу. — Тем более сейчас. Посмотрите на меня. Перед вами стоит не Высший и не Лорд. Я такая же, как и вы. Откуда столько страха?

Женщины ничего не ответили. Они застыли на месте, словно превратились в бездушные мраморные статуи, и даже не шелохнулись.

— Эй, вы меня вообще слышите? — я нахмурилась, повышая голос.

Наконец та же рабыня снова подняла на меня свои бесцветные, уставшие глаза.

— Нам запрещено общаться с вами, — тихо, но удивительно сухо отчеканила она.

— Серьезно? — я ошарашенно выгнула бровь. — Почему?

Женщина заговорила монотонно и безжизненно, будто наизусть зачитывала мне статьи из какого-то жуткого свода правил:

— Закон рабов запрещает любое межличностное общение в рабочее время. Разговоры между слугами разрешены исключительно в часы официального отдыха. Рабам строго запрещено предпринимать любые попытки к бегству, утаивать информацию или обсуждать приказы хозяев. Запрещено поднимать голову и смотреть в глаза Лордам, Высшим и всем представителям расы иверийцев. Каждый приказ должен исполняться беспрекословно и незамедлительно. Во время работы слугам разрешаются только короткие комментарии, касающиеся непосредственно их обязанностей. Любое другое слово карается смертью.

Я слушала этот мертвый, заученный монолог, и у меня внутри всё переворачивалось от шока.

— Да бросьте вы, — я сделала еще один шаг к ней, лихорадочно оглядываясь на закрытую дубовую дверь. — Здесь же никого нет. Мы одни в этой комнате. Никто во всем дворце не узнает, что вы поговорили со мной.

Рабыня снова замкнулась в себе, упрямо уставившись в пол. Но мне искренне хотелось помочь им, я видела их лица и понимала, через какой ад они прошли. Я подошла к ней почти вплотную, стараясь говорить как можно мягче и добрее:

— Я никому не скажу, клянусь. Я просто хочу узнать про это место. Расскажи мне, к чему готовиться? Может, ты сможешь хоть что-то подсказать мне? Пожалуйста.

Женщина на секунду замерла. Она медленно подняла на меня взгляд, полный такой глубокой обреченности, что мне стало не по себе.

— Даже у стен здесь есть уши, — едва слышно прошептала она, и в её голосе скользнул неподдельный ужас.

В ту же секунду она резко оборвала саму себя, снова роняя голову на грудь и пряча лицо в тени:

— Мы здесь только для того, чтобы привести вас в порядок. Разговор окончен. Пожалуйста, пройдите в купальню.

Понимая, что больше я из неё ничего не вытяну, я медленно отступила назад. В голове набатом забила тревожная мысль. В ванную. Они собираются мыть меня.

— Мне не нужна ваша помощь, — твердо заявила я, натягивая края своего плаща плотнее на плечи. — Я не маленькая девочка и могу принять ванну сама.

Я прекрасно понимала, что если они останутся и помогут мне раздеться, то рисунок на моей спине и лопатках тут же откроется их взорам.

Рабыня ничего не ответила на мой резкий отказ. Она даже не возмутилась.

— Мы подготовим для вас купальню, — безэмоционально произнесла она.

Все три женщины синхронно развернулись и безмолвными тенями направились к открытой двери ванной комнаты, оставляя меня стоять посреди спальни в попытках придумать, как скрыть узор на спине от прислуги Лорда.

В голове не укладывалось, во что превратили этих бедных женщин. Что за чудовищные законы царили в Целестии, если люди за секунду превращались в безропотные механизмы?

Осознание ударило под дых: никто во всем этом огромном замке мне не поможет. Ни одна живая душа не подскажет, где ловушка, а где спасение. Рассчитывать можно только на себя. Мне придется действовать в одиночку — вгрызаться глазами в каждый поворот, намертво запоминать расположение лестниц, постов стражи, окон и коридоров. Каждую мелочь, которая поможет мне вырваться отсюда, когда выпадет первый и единственный шанс.

Дверь купальни тихо скрипнула, и три рабыни бесшумно вернулись в комнату.

— Купальня готова, — монотонно произнесла старшая.

Вторая женщина плавно подошла к массивному платяному шкафу, распахнула резные створки и достала оттуда платье. Я затаила дыхание. Наряд был изысканным — длинное, летящее одеяние из тончайшего, почти прозрачного шёлка темно-синего цвета, который струился в её руках, как ночная вода. Но стоило мне бросить взгляд на крой, как у меня внутри всё похолодело. Платье было с полностью открытыми, глубоко опущенными лямками, обнажающими плечи и всю верхнюю часть спины.

— Пройдите в купальню, — безэмоционально продолжила служанка, аккуратно расправляя ткань. — После этого мы поможем вам одеться и соберем волосы в причёску.

«Ни за что, — паника острой иглой кольнула сердце. — Я не могу это надеть».

В таком наряде мой рисунок на спине, уходящий на шею и локти, вспыхнет перед ними во всей красе.

— Я не надену это платье, — твердо отрезала я, делая шаг вперед и решительно отодвигая рабыню плечом.

Не дожидаясь ответа, я сама залезла вглубь шкафа, перебирая вешалки с дорогими тканями, пока пальцы не наткнулись на плотный сапфировый шёлк. Я резко выдернула наряд наружу. Это платье тоже было красивым, с изящным вырезом на груди, но его крой был совершенно другим — высокая горловина полностью закрывала шею и лопатки, а короткие аккуратные рукава прятали предплечья. Спина была защищена.

Я развернулась к ошарашенным слугам, крепко прижимая ткань к груди.

— Я сама оденусь. Заберу это платье с собой в купальню, — ледяным тоном отчеканила я.

Женщины привычно промолчали, не проронив ни звука и не подняв голов. Понимая, что времени на споры больше нет, я развернулась и быстро зашла в ванную комнату, плотно притворив за собой тяжелую дверь.

Оказавшись в уединении, я наконец смогла выдохнуть. Окружающая роскошь ослепляла. Я медленно скинула свои грязные, порванные в Гнили шмотки и шагнула вглубь огромной, испускающей густой пар ванны.

Ощущения были невероятными, почти пугающими. В Серой Гнили у нас никогда не было ничего подобного — мы мылись ледяной, отдающей тиной водой в редких ручьях или наспех грели дырявые ведра на плите, стуча зубами от холода в сырой комнате. А здесь Горячая вода, пропитанная дорогими эфирными маслами, мягко обволакивала уставшее тело, мгновенно вытягивая из мышц усталость и боль от недавней драки с Ищейками. Густая пена пахла ночной свежестью и морозной хвоей. Пар поднимался к потолку, окутывая купальню плотным, теплым маревом.

Слой за слоем смывала с себя Серую Гниль — грязь трущоб, копоть плиты и засохшую кровь на исцарапанных пальцах. Это было похоже на сон. На секунду мне показалось, что я действительно оказалась в раю.

Но стоит мне случайно задеть рукой шею рядом с ухом, как горящее клеймо Рейздана отозвалось отрезвляющей болью. Я прекрасно понимала: за всю эту сказочную роскошь, за каждый глоток чистой воды и шёлковые простыни мне придется заплатить страшную цену.

Я быстро омылась, смывая с кожи последние следы Серой Гнили, и прямо там же, в купальне, осторожно натянула на себя шёлковое платье. Тяжелая ткань мягко скользнула по телу, укрывая меня прохладным сапфировым коконом.

В углу комнаты висело огромное зеркало в резной раме. Я подошла к нему, всматриваясь в собственное отражение сквозь клубы влажного пара. Кожа после горячей воды слегка покраснелась, а мокрые русые волосы тяжелыми прядями рассыпались по груди и плечам. Я осторожно повернула голову вбок, глядя на свою шею рядом с ухом.

Там, где совсем недавно кожа горела от адской боли, теперь застыл четкий, изящный рисунок созвездия. Тонкие линии узора слабо, едва заметно отдавали синевой его личной сапфировой магии. Как бы пугающе красиво и утонченно это ни смотрелось со стороны, правда оставалась прежней: это была метка раба. Клеймо, которое в любой момент могло лишить меня воли.

Я опустила взгляд ниже, придирчиво разглядывая то, как на мне сидит новое платье. Высокая линия ворота надежно закрывала шею сзади и лопатки, а короткие рукава плотно облегли руки ровно до локтей.

Крой платья оказался идеальным. Плотная синяя ткань надежно спрятала мой главный секрет. Ничего не было видно.

Убедившись, что тайна в безопасности, я глубоко вздохнула, упрямо вскинула подбородок и уверенным шагом вышла из купальни обратно в комнату.

Глава 8

Рабыни молча, без единого лишнего слова высушили мои мокрые волосы и уложили их в простую, но аккуратную причёску, оставив пряди свободно падать вдоль закрытой спины.

— Всё готово, — тихо произнесла старшая женщина, отступая на шаг. — Пройдемте.

Глубоко вдохнула, заставляя себя сохранять внешнее хладнокровие. Прекрасно понимала, куда меня ведут. Не просто так меня здесь намывали, втирали в кожу ароматные масла и наряжали в шёлк, словно дорогую куклу. Слишком хорошо знала, чего Иверийцы хотят от красивых человеческих девчонок. В Серой Гнили взрослые быстро. У меня уже был мужчина — если, конечно, то короткое и странное увлечение в трущобах вообще можно было назвать романом. Между нами возникла симпатия, вспыхнула близость, но ничего серьезного не получилось: парень просто исчез в одно утро. Больше я о нем ничего не знала и не слышала. Первое время сильно переживала, но Гниль быстро научила жестокой истине — в трущобах люди не пропадают без причины. Его либо прирезали в подворотне за кусок хлеба, либо тихо уволокли Ищейки. На Стыке никто никого не искал. Давно выжгла в себе ту глупую привязанность, но сейчас, думая о том, что ждет меня в спальне Лорда, всё равно ощущала, как внутри всё сжимается от брезгливости.

Служанки вели меня по длинным переходам, и на этот раз я не опускала глаз. Упрямо глядя в каждый поворот, я намертво впечатывала в память ломаные линии коридоров, узоры на стенах и расположение лестниц. Судя по обилию одинаковых дверей, нас вели через гостевое крыло дворца — огромное, роскошное и тихое.

Мы начали спускаться по той самой парадной мраморной лестнице в главный холл, где утром стояли гвардейцы. Мой взгляд тут же зацепился за входные двери. Уйти через парадный вход мне никто не даст — там круглосуточная охрана. «Значит, где-то здесь должны быть кухонные выходы или запасные двери для слуг, — лихорадочно соображала я, заставляя себя дышать ровно. — Я переверну этот замок вверх дном, найду лазейку и вырвусь. Мне нужен только один чертов шанс, чтобы осмотреть дворец без конвоя».

Мы пересекли пустующий холл, свернули в очередной короткий, залитый синеватым светом коридор и остановились перед высокими резными створками. Стоявшие у дверей рабы плавно потянули их на себя, открывая проход.

Я вошла внутрь и оказалась в малом обеденном зале. Посреди комнаты тянулся массивный стол из темного полированного дерева, но он был абсолютно пуст — ни приборов, ни еды. Зато в дальнем углу зала, у самого края, обнаружилась распахнутая стеклянная дверь, ведущая наружу. Рабыни беззвучно довели меня до порога этой двери и замерли, указывая рукой вперед.

— Проходи, — едва слышно выдохнула одна из них.

Они развернулись и покинули зал, оставив меня в полной тишине.

Я сделала осторожный шаг и вышла на огромную террасу. Воздух здесь был хрустальным и прохладным, веющим тем самым озоновым ветром Целестии. Прямо передо мной на каменных плитах стоял небольшой круглый столик, накрытый изысканными блюдами на двоих. Серебряные приборы таинственно поблескивали под сиянием звезд, а с террасы открывался умопомрачительный, безумный вид на светящиеся улицы города, раскинувшегося далеко внизу. Миллиарды искр на ночном небе Целестии расчерчивали темноту, превращая это место в сияющий драгоценный кокон.

У самого края каменного ограждения, спиной ко мне, стоял мужчина.

Высокий силуэт в тяжелом полуночном плаще четко выделялся на фоне звездного неба, а темно-коричневые волосы мягко шевелил прохладный ветер. Лорд Рейздан смотрел на парящую внизу столицу, и вся его фигура дышала хищным величием.

Лорд Рейздан медленно обернулся. Его карие глаза сощурились, улавливая свет далеких звезд, а взгляд неторопливо, скользящей лавиной прошелся по мне с головы до ног. Он оценил закрытый ворот платья, короткие рукава и уложенные волосы. На его лице появилась высокомерная улыбка.

— Надо же, — лениво протянул он, и его глубокий баритон разрезал ночную прохладу. — Теперь мой товар выглядит намного дороже. Грязь трущоб явно не шла тебе к лицу.

Сердце бешено заколотилось, а пальцы сами потянулись к шёлку юбки, сжимая ткань до белизны в костяшках. Я едва сдержалась, чтобы не броситься на него прямо через эту террасу.

Рейздан даже не удивился моему молчанию. Он воспринял мою ярость как должное, забавляясь тем, как сильно меня трясет от каждого его слова.

— Полагаю, рабыни уже успели проинформировать тебя насчет правил поведения в этом дворце? — он склонил голову набок, и в его глазах зажглись опасные, насмешливые искры.

— Плевать я хотела на ваши правила, — ледяным тоном выплюнула я ему прямо в лицо, упрямо вскидывая подбородок. — Можете сжечь этот чертов свод законов.

Рейздан хрипло посмеялся. Этот звук прозвучал сыто и страшно. Он медленно опустил руки в карманы брюк и сделал один шаг в мою сторону, не сводя с меня своего взгляда.

— Какая поразительная дерзость... — протянул кукловод, и его голос сделался тише. — Знаешь, Амира, в моих землях рабыни обычно не умеют открывать рот без приказа. Они не огрызаются. И уж тем более — так отчаянно не сопротивляются. За каждое из твоих слов я бы мог прямо сейчас приказать гвардии казнить тебя на этой площади. И это было бы абсолютно законно.

Он остановился у самого края круглого стола, рассматривая меня как редкое, дикое животное, которое случайно забрело в его безупречный сад.

— Но казнить тебя сразу было бы слишком скучно, — на его губах снова заиграла ленивая, издевательская ухмылка. — Смертные в Целестии покладисты. Они выполняют любые приказы Иверийцев, ломаясь в первый же день. Ты — редкое исключение. А мне мне безумно нравится ломать таких, как ты. Видеть, как упрямство в твоих глазах медленно сменяется абсолютной покорностью.

Я замерла, и по моей коже пробежал ледяной пот. Пазл в голове окончательно сошелся. Этому чудовищу была не нужна обычная, тихая служанка. Ему доставляло извращенное, садистское удовольствие дергать за ниточки чужих душ. Он упивался своей безграничной властью, хотел насладиться каждой секундой моей борьбы, чтобы в конце концов увидеть, как я позорно сломаюсь и приползу к его ногам.

— Сядь, — небрежно бросил он, кивнув головой на резной стул у стола.

Упрямо осталась стоять на месте. Взгляд прикипел к серебряным приборам и изысканным блюдам. Садиться с этим монстром за один стол, разделять с ним ужин и вести эти издевательские беседы не было ни малейшего желания.

И в ту же секунду мой разум сокрушительным ударом прошла его ментальная воля. Голос Рейздана громом грохнул прямо внутри черепной коробки, выжигая любые мысли:

«Сядь, я сказал».

Мое тело дернулось, полностью подчиняясь непреклонному приказу. Ноги сами сделали два шага вперед. Руки, словно у деревянной марионетки, плавно выдвинули тяжелый стул, и я мешком опустилась на мягкое сиденье, намертво застыв в прямой, напряженной позе. Изнутри меня разрывало от бессильной злости.

Рейздан удовлетворенно хмыкнул. Вальяжным, царственным жестом он отодвинул противоположное кресло и сел прямо напротив меня, разделенный лишь узким пространством круглого стола. По его темно-карим радужкам скользнул знакомый сапфировый свет, вспыхнули кольца силы. Его глаза в упор уставились в мое бледное лицо.

— Поешь, — Рейздан лениво кивнул на тарелки, и в его баритоне снова зазвучала эта невыносимая, дразнящая насмешка. — Ты ведь в своей сточной канаве никогда в жизни не видела нормальной еды, Амира. Окажи мне услугу, не сожри стол вместе с серебром.

Посреди круглого стола, на серебряных блюдах, лежали горы разнообразных закусок. Тончайшие ломтики запеченного, сочного мяса, истекающего пряным золотистым соком, ароматная, еще горячая птица с хрустящей корочкой, диковинные сыры и яркие фрукты, названия которых я даже не знала. От этого сумасшедшего, концентрированного запаха во рту мгновенно скопилась слюна. Желудок свело болезненным спазмом. Смертный, безнадежный голод Серой Гнили, который преследовал меня годами, прямо сейчас диким зверем заскребся изнутри, умоляя протянуть руку и наброситься на это изобилие.

Никогда в своей жизни не видела ничего подобного. Мы питались пресными ячменными лепешками и наполовину сгнившей фасолью, вылавливая плесень пальцами. Тело требовало этой еды, каждая клетка кричала от желания вонзить зубы в этот сочный, согретый специями кусок мяса.

Но я заставила себя замереть.

Пальцы упрямо вцепились в шёлк на коленях, сдерживая дрожь. Я прекрасно понимала, чего он ждет. Этот ублюдок упивался моим замешательством. Ему доставляло извращенное удовольствие наблюдать, как нищая девчонка из трущоб, забыв про всякую гордость, сейчас как дикое животное ломанет через стол, пачкая пальцы в жире и подтверждая его статус бога, а мой — гнилого скота.

Я не позволю ему насладиться этим зрелищем. Не дам ему эту победу.

Подавив сумасшедший голод, я упрямо расправила плечи, застыла на стуле и, даже не притронувшись к приборам, подняла на него тяжелый взгляд зеленых глаз.

Рейздан лишь слегка прищурился, и в его глубоких зрачках промелькнуло это чисто мужское, хищное понимание. Он уловил мою безмолвную борьбу. Оценил мою попытку удержать гордость, и это, кажется, распалило кукловода еще сильнее. Он медленно подался вперед, опираясь локтями о стол и сокращая расстояние между нами.

— Я сказал: ешь, — тихо, но с железной плотностью произнес он вслух.

И одновременно с этим его ментальная магия стальным штырем вонзилась мне в череп. В голове громом пронесся непреклонный приказ, выжигая мою собственную волю дотла.

Мои руки дернулись. Пальцы сами по себе, совершенно без моего согласия, потянулись к серебряному блюду. Разум истошно кричал, умолял остановиться, но тело снова предало меня. Я беспомощно наблюдала за тем, как моя собственная правая рука берет с тарелки самый сочный, сочащийся ароматным жиром кусок мяса. Пальцы плавно поднесли его к моему лицу. Рот послушно, механически приоткрылся, и я засунула кусок внутрь.

В ту же секунду на мои глаза мгновенно на вернулись жгучие, соленые слезы.

Как бы отчаянно я ни ненавидела этого монстра, как бы сильно ни сопротивлялся мой разум, вкус еды оказался настолько божественным, что у меня едва не закатились глаза. Нежное, тающее на языке мясо, пропитанное солью и невиданными пряностями, взорвалось на рецепторах чистым экстазом. Это было так невероятно вкусно. Половина моих слез была от этой сумасшедшей, невиданной сладости настоящей еды, которую я никогда не надеялась попробовать... А вторая половина — от жгучего, разрывающего грудь унижения.

Я жевала это проклятое мясо, с трудом сглатывая куски сквозь подступающие рыдания, а Рейздан сидел прямо напротив меня. Он лениво подпер подбородок ладонью и буквально упивался каждым моим движением. Он жадно впитывал мой панический страх, мою злость, мою слабость и то дикое, первобытное удовольствие, которое мое голодное человеческое тело получало от его роскошного ужина вопреки воле разума. Он смаковал это зрелище, ломая меня по кусочкам прямо на этой террасе.

Рейздан вальяжно потянулся к хрустальному бокалу, в котором лениво колыхалось густое, темно-пурпурное вино, и сделал неторопливый глоток. Его сапфировые глаза мерцали сквозь тонкое стекло, продолжая неотрывно сканировать мое лицо. Каждое его движение дышало такой невыносимой, сытой элитарностью, что воздух на террасе казался наэлектризованным.

Затем он взял со стола второй бокал и медленно протянул его мне.

— Выпей, — вкрадчиво, с неизменной бархатной издевкой произнес он. — Уверен, тебе безумно понравится. Такого нектара ты в своей помойке точно никогда не пробовала.

На этот раз в моей голове не грохнул ментальный щелчок силы. Но кукловоду и не нужно было тратить магию — я слишком хорошо понимала, что если сейчас же не возьму этот хрусталь, его непреклонный приказ просто сокрушит мой разум снова. Стиснув зубы, я перехватила тонкую ножку бокала. Пальцы дрожали, пока я подносила вино к губам и делала короткий глоток. Напиток оказался терпким, сладким и мгновенно обжег горло теплом, но для меня он все равно отдавал вкусом чистейшего унижения.

Рейздан удовлетворенно хмыкнул, поставил свой бокал на стол и поднялся с кресла. Он подошел к самому краю террасы, закинув руки в карманы брюк, и замер, вглядываясь в усыпанное миллиардами звезд небо Целестии.

— Подойди сюда, — не оборачиваясь, бросил он через плечо.

В голове набатом застучала кровь. Мое тело тут же послушно поднялось со стула и сделало несколько шагов к нему. Внутренний голос истошно орал, заставляя меня повторять самой себе: «Держи себя в руках, Амира! Зажми эмоции! Прекрати злиться!» Я до боли впивалась ногтями в ладони, зная, что если сейчас разрешу этой бешеной ярости вырваться наружу, разноцветная аномалия мгновенно затопит мои зрачки и сдаст меня с потрохами. Перед глазами стояли лица Митеи и Талии — ради них я обязана была стать невидимой серой мышью, вытерпеть эту пытку, детально изучить замок и найти способ сбежать из этой роскошной тюрьмы обратно в Гниль.

Я остановилась у самого каменного ограждения, чуть позади него.

Рейздан резко сделал шаг назад, сокращая расстояние до нуля, и плавно приобнял меня со спины. От этого внезапного, интимного прикосновения его сильного тела по моей коже лавиной покатались колючие мурашки. Его тяжелые ладони легли мне на талию, прижимая к себе, а горячее дыхание коснулось уха.

— Тебе нравится то, что ты видите, Амира? — спросил он, кивая на сияющий внизу город.

— Да, — ответила я чистую, горькую правду, не в силах оторвать взгляда от мерцающих внизу скал.

В ту же секунду он резко, одним сильным движением перевернул меня лицом к себе. Моя поясница со стуком уткнулась в жесткое каменное ограждение террасы, перекрывая любой путь к отступлению. Рейздан наклонился надо мной, намертво блокируя своим телом, и его пальцы жестко перехватили мой подбородок, заставляя закинуть голову вверх.

— И мне... мне тоже безумно нравится то, что я вижу, — с тяжелым намеком прошептал он, и его сапфировый взгляд опустился к моим приоткрытым губам.

Он медленно потянулся ко мне для хозяйского поцелуя. Разум кричал, что мне нужно смириться, нужно разрешить ему это сделать и начать играть по его правилам, чтобы усыпить бдительность перед побегом. Но это было выше моих сил. Глухое, первобытное отвращение к высокомерным Иверийцам, которые веками уничтожали наш народ, волной поднялось изнутри. Не выдержав, я дернулась и попыталась хоть немного отстраниться, убирая лицо из-под его губ.

Его глаза мгновенно потемнели, наливаясь тяжелой, штормовой синевой. Моя попытка отстраниться лишь сильнее распалила его хищный азарт. Он резко, без капли сомнения пере-

хватил меня ладонью за затылок, намертво запутывая пальцы в волосах, и со всей силы впечатался губами в мой рот.

Я отчаянно зажала губы, до боли стиснув челюсти. Внутри всё клокотало от ненависти. Я пыталась заблокировать его, не впустить, превратиться в холодный кусок мрамора под его напором.

«Откройся для меня, Ами. Будь послушной девочкой...»

Чужие стальные нити рванули за нервы, и мое сопротивление рухнуло. Челюсти сами собой расслабились, губы покорно приоткрылись, и Рейздан со свистом ворвался горячим языком мне в рот. Меня парализовало это обжигающее безумие. Сердце мгновенно ухнуло куда-то в пятки, а затем заколотилось с такой бешеной скоростью, что в ушах поднялся гул. Кукловод крепко обнял меня за талию свободной рукой, намертво прижимая к своему сильному телу.

«Хочешь ты этого или нет, дикарка, но это всё равно произойдет...» — его ленивая, порочная мысль скользнула в моей голове прямо посреди поцелуя. — «Ты полностью в моей власти».

Не разрывая поцелуя, он заставил меня плавиться в его руках. А затем его губы медленно, маняще спустились ниже. Мужчина начал обжигать поцелуями мою шею, заставляя меня запрокидывать голову всё сильнее. Кожа в месте клейма заныла, смешиваясь с ядовитым удовольствием, которое мое тело получало вопреки воле разума.

Вторая ладонь Рейздана скользнула по шёлку юбки. Его пальцы начали медленно собирать и приподнимать подол моего платья. Ткань послушно сминалась в его руках, поднимаясь всё выше по бедрам, обнажая ноги прохладному ветру. А затем его ладонь бесцеремонно скользнула под мои трусики, касаясь обнаженной, горячей кожи.

В панике я дернулась, пытаюсь отшатнуться, перевалиться через каменное ограждение террасы — куда угодно, только бы прекратить это осквернение. В ту же секунду в голове ледяным свинцом разлился новый, непреклонный приказ:

«Не двигайся. Замри».

Мышцы мгновенно одеревенели. Я превратилась в живую статую, запертую в собственном теле. Рейздан чуть отстранился, заставляя меня смотреть в свои глубокие глаза, в которых сейчас горело чистое, сытое торжество. Он упивался моей беспомощностью.

Затем его губы спустились ниже, к изящному вырезу на груди. Он начал покрывать поцелуями ложбинку моих грудей, заставляя меня задышаться от этой близости. Каждое прикосновение его рта выжигало во мне остатки гордости. Мужчина медленно поднялся обратно, очерчивая поцелуями ключицы, и снова приблизился к моей шее.

«Подними шею, Ами. Подними голову и подставь её под мои губы...»

Он остановился губами у самого уха, обжигая кожу раскаленным дыханием, и скользнул поцелуем чуть ниже — туда, где на моей шее пульсировало свежее клеймо.

— Надо же... Как изящно это созвездие смотрится на твоей нежной шее, Ами, — прошептал он, и от звуков его голоса меня передернуло.

Я задышалась от бессилия. Его ладонь продолжала оставаться там, под тонкой тканью, касаясь кожи у бедер. И вдруг Рейздан резко сжал пальцы, заставляя меня выдохнуть ему в плечо. Затем он переместил руку ниже, удерживая меня под ягодицами, а второй рукой обнял за талию. Одним мощным движением мужчина приподнял мое безвольное тело над каменным полом террасы, и в следующий миг сознание пронзил новый приказ:

«Обвей мою талию ногами. Живо».

Чужие стальные нити рванули за суставы, и мои ноги сами собой, подчиняясь его магии, взлетели вверх, намертво скрещиваясь за его спиной. Как же мне было противно! Каждая клетка моего существа кричала от омерзения к этому высокомерному Иверийцу, к его поцелуям, к его хозяйским прикосновениям. Я до крови прикусила губу, чтобы не разрыдаться от бессильной злости.

Рейздан круто развернулся, не разрывая нашего безмолвного контакта. Я оказалась полностью в его руках. Чеканя шаги по каменным плитам террасы, он понес меня внутрь. Мы покинули прохладный звездный воздух Целестии и вернулись в малый обеденный зал. Сердце бешено колотилось в груди, а в голове стучала только одна страшная мысль: «Сейчас всё произойдет. Прямо здесь. На этом пустом столе».

Рейздан с размаху посадил меня на край длинного, отполированного до блеска деревянного стола. Не давая мне опомниться, он обрушил в мой разум очередной ментальный приказ: «Ложись на стол».

Собрав всю свою ярость, я мертвой хваткой уцепилась за собственное сознание и заставила свое тело замереть, ломая его принудительную нить. Мышцы спины одеревенели от страшного напряжения, но я осталась сидеть на краю, отказываясь лечь под его давлением.

Рейздан замер. Его сапфировые глаза медленно впились в мое лицо. На безупречных чертах впервые проступило опасное, настороженное удивление. Несколько долгих секунд он просто смотрел мне прямо в глаза, словно видел что-то, чего не замечал раньше. Затем уголок его губ дрогнул в привычной хищной усмешке.

— Спротивляешься...

И вдруг в этот самый момент глубоко внутри черепа что-то со страшным треском лопнуло.

Это не было болью от магии кукловода. Голову разорвало такой адской вспышкой. Излом. Меня ломало физически, мозг плавился, а перед глазами уже начинали плясать первые кадры видения. Я сжала челюсти так, что жилы на шее натянулись готовыми лопнуть струнами, отчаянно сдерживая крик, чтобы Рейздан не понял, что со мной происходит. Только бы не закричать, только бы глаза не загорелись!

Резкий, тяжелый стук со стороны коридора заставил воздух в обеденном зале дрогнуть. Двери с грохотом распахнулись. В обеденный зал кто-то тяжело, на бегу ворвался.

— Лорд! — в тишине зала эхом раздался встревоженный, хриплый мужской голос. — У нас экстренная ситуация!

Рейздан замер надо мной. Его ладони резко, без единого слова оторвались от моего тела. Он мгновенно развернулся и стремительным, яростным шагом направился к выходу, бросая меня на столе. Тяжелые дубовые двери за его спиной захлопнулись.

Хватая ртом воздух, я попыталась привстать, оперевшись руками о гладкое дерево стола, но ноги оказались ватными. Голова взрывалась от страшного давления Излома, и я, потеряв равновесие, позорно рухнула со стола прямо на холодный пол, больно ударившись коленями.

Откатившись на бок, я зажала голову руками, содрогаясь от дикой боли. Удерживать силу больше не было нужды — и видение Излома лавиной затопило мой разум.

Я четко, своими глазами видела место катастрофы. Защитные барьеры Сводов трещали по швам. Ткань реальности рвалась на куски, и из гигантской черной дыры, хрустя битыми зеркалами и костями, вырывались Энтропы.

Глава 9

Жуткие видения Излома наконец-то закончились. Дикая боль в голове начала медленно отступать, оставляя после себя лишь сильное головокружение. Я хрипло выдохнула и, цепляясь пальцами за край огромного пустого стола, с трудом поднялась с пола на ноги. Меня всё еще немного пошатывало.

Первым делом испуганно посмотрела на массивную дверь. В малой гостиной стояла тишина. Он не вернулся.

Опираясь о полированное дерево стола, я прокручивала в голове всё, что произошло. Лорда вызвал гвардеец, крича о какой-то экстренной ситуации. Но самое главное — мое видение. Излом должен был открыться где-то на границе Звездопада и Стигии. Совсем скоро Рейздан узнает об этом, и тогда вместе со своим командиром и армией Иверийцев немедленно отправится к Стыку защищать земли Целестии. Его не будет во дворце, а значит, у меня появится шанс осмотреть замок, если, конечно, меня не остановят стражи или рабы.

Взгляд скользнул по обеденному залу и снова вернулся к двери. За мной никто не приходил — ни стражи, ни рабы. Внутри забрезжила робкая надежда, что про меня просто забыли. Лорд выскочил по своим экстренным делам и забыл приказать, чтобы меня вернули в комнату.

Поэтому лучше я останусь здесь. Посижу какой-то часик, подожду. Как раз в это время на границе уже откроется излом, про который я видела видение.

Я до сих пор не понимала, как это вообще возможно. В одни моменты его воля сметала меня, не оставляя ни единого шанса, а в другие я вдруг находила в себе силы остановиться и удержаться. Особенно когда страх или ярость становились слишком сильными. В Серой Гнили ходили слухи, что магия кукловода абсолютна. Что Рейздан — единственный Ивериец, способный полностью подчинять чужую волю, и ни один человек не может сопротивляться его приказам. Никто и никогда. Будто внутри меня просыпалось что-то, способное разорвать его нити. Но стоило этой мысли появиться, как я тут же отогнала её прочь. Сейчас у меня были проблемы куда страшнее загадок собственной головы.

Просидев ровно час, я не услышала ни единого звука. Поняв, что время пришло, я осторожно поднялась со стула и на цыпочках подошла к выходу. Мои пальцы аккуратно обхватили холодную ручку. Я толкнула массивную дубовую створку и замерла на пороге.

Передо мной раскинулся длинный, залитый мягким светом коридор. И там было абсолютно пусто. Ни одной живой души.

Я тихо закрыла за собой дверь и двинулась вперед, стараясь держаться ближе к стене. Главный холл с парадной мраморной лестницей я сразу вычеркнула из маршрута — там круглосуточно дежурили Иверийские стражи, миновать которых было невозможно. Мне нужно было во что бы то ни стало найти второй, запасной выход из этого замка.

Свернула в совершенно противоположную сторону, углубляясь в незнакомое крыло. Дворец поражал своим холодным, безупречным величием. Двигаясь беззвучно, я слегка приоткрывала попадавшиеся по пути двери, заглядывая внутрь. За одной из них обнаружилась уходящая шпилями вверх библиотека — тысячи старинных свитков и книг в темных обложках покоились на бескрайних стеллажах. За другой дверью скрывался роскошный рабочий кабинет с массивным столом и картами земель Этера на стенах. Всё вокруг было пугающе красивым, дорогим и сияющим.

После долгой, напряженной ходьбы по этому лабиринту я свернула в более узкий коридор и внезапно наткнулась на прислугу. Навстречу мне шел раб-мужчина. Он нес тяжелую серебряную чашу. Мужчина даже головы не поднял в мою сторону — он просто покорно прошел мимо, уставившись в пол. Чуть дальше я увидела рабыню, которая протирала ткани на стенах. Она тоже смотрела исключительно себе в ноги, застыв как каменное изваяние.

Я опустила взгляд на свои собственные ноги. На мне были надеты изящные, дорогие туфли, а подол платья плавно скользил по гладкому мрамору. Внутри меня щелкнуло осознание. Эти бедные люди просто принимали меня за одну из Высших. Они понятия не имели, что под воротом моего наряда прячется рабское клеймо, и из-за этого дикого страха перед господами даже не смели поднять на меня глаз.

Заговаривать с ними я не стала. Помня пугающие пункты Закона рабов, я понимала, что они всё равно не ответят и только сильнее перепугаются. Я просто пошла дальше, упрямо продолжая искать лазейку наружу.

В конце этого крыла коридор вывел меня в малый зал — просторное, светлое помещение с высокими колоннами, где, судя по всему, Высшие устраивали небольшие приемы. И прямо в самом конце этого зала я заметила стеклянную дверь, ведущую на открытый воздух.

Быстрым шагом пересекла комнату, толкнула створку и вышла на небольшую, скрытую от лишних глаз террасу. Озоновый ветер Целестии мгновенно обдал мое лицо прохладой. Оглядевшись по сторонам, замерла, и сердце бешено заколотилось от надежды.

В самом углу террасы, прячась за декоративными кустами, вниз уходила неприметная, узкая винтовая лестница. Она вела прямо на нижний ярус дворцовой территории, в обход всех главных постов и стражи.

Пальцы мертвой хваткой вцепились в холодные перила. Взгляд скользнул вниз, в полумрак. Это был мой шанс. Настоящий, единственный шанс вырваться из этого замка и вернуться к девчонкам.

Я крепче ухватилась за прохладные перила и начала быстро, но осторожно спускаться по узким ступеням винтовой лестницы. Каждый мой шаг отзывался в ушах глухим стуком, заставляя то и дело испуганно замирать и оглядываться на пустую террасу. Но сзади никого не было.

Ступив на нижний ярус, я мгновенно юркнула под прикрытие густых зарослей. Передо мной раскинулся огромный, залитый мягким звездным светом сад. После душливой Серой Гнили, где из растительности были только болотная тина да покрытый плесенью мох, это место казалось ожившим чудом. Вокруг меня буйным, сумасшедшим ковром цвели пышные кусты. Огромные белые бутоны, похожие на чаши со светящейся росой, нежно-розовые раскидистые соцветия и глубокие, почти черные бархатные розы наполняли ночной воздух одуряющим, сладким ароматом. Пахло чистой, согретой землей, медовым нектаром и свежескошенной травой. Этот густой, пьянящий запах кружил голову, заставляя на секунду забыть, что я нахожусь на вражеской территории.

Я двинулась вглубь сада, пробираясь мимо благоухающих клумб и стремясь как можно скорее найти внешнюю стену. Дорожка вела всё дальше, пока впереди не выросли плотные зеленые стены из живой изгороди. Кусты были подстрижены настолько идеально ровно и высились так высоко, что полностью перекрывали обзор, уходя шпилями куда-то в темноту.

Не задумываясь о последствиях, я нырнула в первый же узкий проход между этими зелеными стенами. Я шла быстро, то и дело сворачивая то направо, то налево, надеясь, что эти тропинки выведут меня к окраине дворцовых земель.

Но уже через пятнадцать минут позорных блужданий по одинаковым, зажатым в тиски коридорам до меня дошел весь ужас положения. Это был чертов лабиринт. Изящная, но смертельно опасная ловушка.

Паника, которую я так долго сдерживала, с новой силой ударила по нервам. Я сорвалась на бег. Шёлковый подол платья путался в ногах, дорогие туфли скользили по влажной траве, а легкие обжигало прохладным ветром. Я металась между абсолютно одинаковыми зелеными стенами, тяжело дыша, сворачивала в тупики, разворачивалась и снова бежала обратно, но лабиринт словно сужался вокруг меня, не желая выпускать свою добычу. Выхода просто не было.

В какой-то момент я резко затормозила на очередной развилке, едва не упав на колени от усталости. Звенящую ночную тишину разорвал жуткий, вибрирующий звук.

Я замерла, боясь сделать даже вдох, и медленно повернула голову к углу изгороди. Сердце испуганно ухнуло куда-то в пятки.

Из-за плотных зеленых кустов на тропинку лениво, один за другим вышли двое монстров. Внешне они отдаленно напоминали гигантских, поджарых собак, но от обычных животных в них не было ничего. Это были настоящие исчадия ада. Их мощные тела были покрыты жесткой, черной шерстью, сквозь которую проглядывали литые, бугрящиеся мышцы. Длинные, неестественно острые зубы торчали из приоткрытых пастей, а на землю капала вязкая, дымящаяся слюна. Но страшнее всего были их глаза — огромные, пронзительно-синие сапфировые сферы, которые горели в темноте лабиринта ядовитым, голодным огнем.

Твари зафиксировали на мне свой мертвый взгляд, их холки угрожающе вздыбились, а из пастей снова вырвался леденящий душу рык. Они двинулись в мою сторону, припадая к земле перед решающим броском.

Не дожидаясь, пока рассудок осознает весь ужас положения, рванула с места. Животный, парализующий страх вымел из головы последние крохи здравого смысла. Сзади раздался яростный, оглушительный лай, и каменистая земля вздрогнула от тяжелого галопа преследующих меня адских тварей.

Я бежала сломя голову, задыхаясь, вцепившись пальцами в подол платья и высоко приподнимая шёлк, чтобы не запутаться в ткани. Ноги в дорогах туфлях скользили по влажной траве лабиринта, а легкие буквально разрывало от ледяного воздуха. От этого бешеного, предельного всплеска эмоций я полностью потеряла контроль над своим телом. Кожа вдоль позвоночника вспыхнула огнем — мой магический рисунок проснулся, и я кожей почувствовала, как радужка моих глаз начала стремительно плавиться, наливаясь и переливаясь всеми запретными неоновыми оттенками трех Сводов. В панике я уткнулась взглядом строго себе под ноги, глядя только на летящую навстречу траву, чтобы не дай бог не поднять лицо вверх. Если меня увидят с такими глазами — это конец.

Тяжелое, хриплое дыхание чудовищ уже достигало меня, их клыки щелкали в каких-то сантиметрах от моих ног. Не соображая, куда лечу, я на полной скорости свернула за очередной крутой угол живой изгороди и со всего размаху врезалась в кого-то.

От сильного удара я едва не отлетела назад, но чьи-то сильные, как тиски, руки мгновенно перехватили мою талию, намертво удерживая на весу. Я не могла, просто физически не смела поднять голову — мои зрачки всё еще бешено горели. Вместо этого я в полном шоке уткнулась лбом прямо в широкую, твердую грудь, затянутую в дорогой шелк. Меня колотило так, что зубы скрежетали.

Адские псы с оглушительным рыком вылетели из-за угла и резко затормозили в паре метров от нас, жалобно поскуливая и царапая когтями землю.

И тут прямо над моим ухом раздался бархатный и до безумия знакомый баритон. Мужчина склонился к моей голове, и его горячее дыхание обожгло висок:

— Шшш... Пока ты со мной, они тебя не тронут.

Рейздан. Это был он.

Его пальцы намертво впились в мою талию под платьем, фиксируя мое дрожащее тело. Я продолжала стоять, зажмурившись до боли и упираясь лбом в его грудную клетку, не в силах отстраниться. Все мои силы сейчас уходили на одну-единственную, отчаянную ментальную борьбу: я до крови прикусила губу изнутри, пытаюсь унять этот бешеный ураган эмоций, зажать магию обратно в самую глубь души и заставить свои глаза перестать гореть.

Рейздан почувствовал эту сумасшедшую, непрекращающуюся дрожь. Решив, что строптивая дикарка из Гнили просто до смерти перепугалась его адских гончих. Он перехватил меня

поудобнее и сжал объятия, прижимая мое тело к себе еще сильнее, укрывая своим тяжелым плащом от ночного ветра.

Я не вырывалась и послушно прильнула к нему в ответ, со стороны выглядя абсолютно покорной и беззащитной. Я позволяла ему удерживать себя только потому, что мне жизненно необходимо было спрятать лицо в его шелках, унять панику и дождаться, пока аномальный свет в моих глазах окончательно погаснет. А Рейздан, самодовольно упиваясь ситуацией, был искренне уверен, что я просто ищу защиту в его сильных, хозяйских руках, признавая его своим спасителем.

«Знаешь, дикарка, что в Целестии делают за попытку побега?» — его голос над моим ухом мгновенно лишился ласки, уступая место чистой, леденящей кровью стали. Он по-прежнему играл со мной, но в этой игре уже явственно пахло казнью.

Я промолчала. Дикое, паническое марево в моей голове наконец-то улеглось, утягивая за собой аномальное трехцветное свечение. Магический рисунок на спине угас, остывая. Почувствовав, что радужка моих глаз вернулась в норму, я переборола себя и медленно, с вызовом подняла голову.

Мой взгляд намертво столкнулся с его взором. Прямо сейчас, без воздействия силы, у него были глубокие, пугающе темные, почти черные карие глаза. В их ночной глубине не было и следа сапфирового блеска — обычный, по-человечески цвет, который у этого монстра казался изощренным обманом. Его безупречное мраморное лицо в полумраке живой изгороди выглядело жестким и до ужаса красивым.

Рейздан лениво убрал руку с моей талии и резко, до боли перехватил пальцами мой подбородок, заставляя закинуть шею еще сильнее. На его губах снова заиграла ухмылка.

— На что ты готова пойти, Амира, чтобы я закрыл глаза на твою глупую выходку и не наказывал тебя? — спросил он, приближаясь к моему лицу. Он явно ждал, что я сломаюсь, начну умолять его или предлагать себя, лишь бы избежать плетей.

Я смерила его самым презрительным взглядом, на какой только была способна, и твердо отрезала:

— Но ты его заслужила. Ломать тебя, дикарка... ломать твою гордость — это просто удовольствие. Я растяну его надолго.

Он произнес это с привычной насмешкой, но на долю секунды мне показалось, что за ней скрывается что-то еще. Что-то похожее на напряженное ожидание. Словно Рейздану было важно не просто наказать меня. Будто он хотел увидеть, как далеко я смогу зайти прежде, чем окончательно сломаюсь.

В упор глядя в его сапфировые зрачки, я отчетливо поняла: в стенах этого дворца меня действительно не ждет вообще ничего хорошего. Этот монстр превратит мою жизнь в сущую преисподнюю.

Мужчина брезгливо разжал пальцы, освобождая мой подбородок, и сделал шаг назад, растворяясь в звездных тенях лабиринта.

— Иди за мной, — хлестко бросил он, разворачиваясь к замку спиной.

Нити намертво связали мои суставы. Ноги сами по себе, без капли моего согласия, развернулись и послушно пошагали вслед за его тяжелым полуночным плащом. Адские гончие беззвучно поплелись по бокам, конвоируя меня, как смертницу. Я шла в полную темноту дворца, понятия не имея, какой кошмар ждет меня дальше, но клялась себе, что вытерплю любую боль.

Мы вышли из лабиринта, и адские гончие бесшумно растворились в темноте кустов, уступая место конвою. У самого выхода из сада, на широкой дорожке, нас уже ждал личный патруль правителя.

Четверо гвардейцев-иверийцев вытянулись по струнке при виде своего Лорда. У них у всех, как на подбор, были густые темные волосы, правильные, словно высеченные из камня

черты лица и подтянутые, атлетические фигуры воинов, привыкших к тяжелым доспехам. В Серой Гнили таких мужчин просто не существовало — нищета ломала людей до костей. Иверийская стража выглядела безупречно, но их темные карие глаза оставались абсолютно холодными и безразличными к моей судьбе.

Рейздан остановился возле них, даже не оборачиваясь в мою сторону. Невидимые ментальные нити кукловода ослабли, давая мне возможность дышать глубже.

— Заприте её в нижнюю темницу, — ледяным тоном скомандовал он стражам, закинув руки за спину. — Воды не давать, не кормить. Пусть посидит в темноте и подумает над своим поведением.

Я горько ухмыльнулась про себя, упрямо вскидывая подбородок. «В темницу? Seriously?»

Да это было лучшим, что могло со мной случиться за весь этот проклятый день! Уж лучше гнить в сырой подземной камере, чем находиться в его порочной, извращенной компании. Он явно решил запугать меня голодом и изоляцией, но этот бессмертный ублюдок просто не понимал одной простой вещи: я всю свою жизнь провела в Серой Гнили. Мой родной дом на окраине трущоб мало чем отличался от его самых темных подвалов — там были те же крысы, та же сырость, холод и безнадежный голод. Я выросла в преисподней Стыка, так что его стерильные дворцовые темницы я выдержу без единого писка.

Но порадоваться уединению я не успела. Мужчина медленно повернулся ко мне, и его темные карие глаза снова начали наливаться ядовитой, сапфировой синевой магии кукловода.

— Жаль, что завтра прием... — протянул он, делая шаг ко мне. На его губах снова заиграла ленивая ухмылка. — Твое наказание за побег было бы намного страшнее, дикарка. Но я передумал. Я хочу, чтобы завтра ты развлекала нас на этом приеме.

Стараясь преодолеть давящее сопротивление его воли, я злобно выплюнула ему прямо в лицо:

— Лучше я буду вечно гнить в твоей самой глубокой темнице! Слышишь меня?! Лучше сдохнуть в кандалах, чем развлекать тебя и твоих дружков!

Рейздан посмеялся над моим вызовом. Этот смех пробирал до костей.

— Но для этого я тебя и купил на аукционе, Ами, — тихо, с опасным придыханием произнес он, наклоняясь к моему уху. — Завтра во дворец придут все Лорды Этера. И я хочу лично показать им свою самую красивую, дикую зверушку из Гнили. Не волнуйся я умею делать рабов покладистыми. Завтра ты будешь делать абсолютно всё, что я захочу.

По моей коже лавиной покатались ледяные мурашки. Воздух в легких мгновенно закончился, а в голове удушливой лавиной закружились самые жуткие, отвратительные мысли. Я прекрасно понимала, что он задумал. Он собирался полностью забрать контроль над моим телом перед всеми правителями, заставляя меня танцевать, раздеваться или прислуживать им на коленях, превращая мою гордость в посмешище. Мой разум разрывался от паники, рисуя картины самого страшного унижения, которое только можно было представить. Он хотел растоптать меня на глазах у всего Этера.

Мужчина вальяжно развернулся ко мне спиной, теряя интерес к моим безмолвным слезам ярости, и небрежно бросил подтянутым солдатам:

— Уведите.

Двое гвардейцев тут же жестко перехватили мои руки, заламывая их за спину, и поволокли прочь по каменной дорожке сада, утягивая меня в холодную тьму подземелий, пока я пыталась придумать, как спасти свою душу на завтрашнем приеме.

Глава 10

Тяжелая железная дверь захлопнулась с глухим, давящим скрежетом, и в лицо мне тут же ударил застоявшийся запах сырости, ржавчины и гнили. Конвой ушел, оставив меня в крошечной темноте подземного яруса.

Контраст между роскошным сапфировым шёлком дорогого платья, изящными туфлями на моих ногах и этой каменной конурой казался безумным, издевательским фарсом. Я стояла посреди тесной камеры, едва дыша. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и я разглядела, что соседние железные клетки совершенно пусты — в этом крыле подземелья не было ни души. Лишь в углах, почуяв чужака, суетливо шуршали и бегали жирные крысы, сверкая в темноте крошечными бусинками глаз.

Пройдя к углу, я бессильно опустилась на край убогой койки. Грязный, покрытый темными пятнами матрас брезгливо хрустнул под моим весом и обдал запахом плесени. На это мне было плевать. Эту часть наказания, всю эту подземную грязь я была готова выдержать без единого звука — в Серой Гнили условия бывали и похуже. Но внутри меня всё равно нарастала паника.

Я до ужаса боялась завтрашнего приема.

Мысли хаотично метались в черепной коробке, доводя меня до подлинного, леденящего отчаяния. Как мне завтра перед всеми Лордами Этера и сотнями Высших скрыть, кто я такая на самом деле? В трущобных слухах часто шептались о том, что именно рабы делают для Лордов во дворцах. Как бессмертные извращенцы забавляются со смертными девчонками, заставляя их развлекать гостей: танцевать, прислуживать на коленях или раздвигать ноги по первому щелчку пальцев.

Я не буду этого делать! Пусть лучше меня казнят, пусть подвергнут самым страшным пыткам или содрут кожу живьем, но я ни за что не стану так унижаться перед этими тварями. Но следом за гордостью пришло убийственное осознание. Мое желание ничего не значило. Достаточно одного ментального приказа кукловода, всего одной короткой вспышки его сапфировой магии — и мое собственное тело покорно сделает всё, что он захочет. Я сдамся вопреки своей воле.

И что хуже всего — я понятия не имела, какой именно магией обладают другие Лорды Этера, которые соберутся завтра в зале.

От этого невыносимого отчаяния меня начало крупно трясти. Защитные барьеры разума рухнули, и я потеряла контроль. Радужка моих глаз снова бешено запульсировала, наливаясь сиянием, а по позвоночнику лавиной пополз удушливый, пульсирующий жар проснувшегося магического рисунка. Мне не выбраться из этой железной клетки. А завтра... завтра на приеме меня сто процентов вычислят.

Горячие, соленые слезы бессилия брызнули из глаз, обжигая щеки. Что будет, если правители узнают, кто я такая? Если они почувствуют аномалию трех Сводов в моей крови и узнают про мои пророческие видения? Иверийцы не пощадят меня. А если они применят свою силу, заставят меня говорить и выведают правду про Талию и Митею? Я ведь подставлю под удар и своих девчонок! Лорды Этера устроят кровавую бойню за нас. Каждый из них захочет прибрать к рукам такую невероятную силу Выброса, и тогда девчонок вытащат из подвала Гнили и запрут в такие же золотые клетки. Я погублю всю свою семью.

Сжав голову руками, тихо и хрипло всхлипывала в абсолютной темноте каземата, утопая в собственном кошмаре.

И вдруг из самого дальнего, глухого угла подземелья, куда не проникал ни один лучик света, раздался низкий, хриловатый мужской голос. Звук заставил меня мгновенно замереть и затаить дыхание.

— Иверийка... И в темнице? — незнакомец горько усмехнулся в темноте. — Обычно сюда сдают только паршивых рабов.

Я резко развернулась на скрипнувшей койке, всматриваясь в глухую темноту.

В паре метров от меня, прямо на холодном каменном полу соседней клетки, сидел мужчина. Он лениво опирался спиной о ржавую решетку, вытянув длинные ноги.

«Черт, как я его не заметила?» — панически пронеслось в моей голове.

От неожиданности и дикого страха, что меня поймали с поличным, защитные барьеры разума окончательно рухнули. Мои глаза вспыхнули еще ярче, и в полумраке подземелья трехцветное, неоновое марево Излома зловеще озарило прутья наших клеток, выдавая мою аномалию с потрохами. Я испуганно замерла, ожидая криков или стражи.

Но незнакомец даже не шелохнулся. Он лишь скользнул равнодушным взглядом по моим светящимся зрачкам и произнес:

— Можешь не тушить свой факел, девочка. Эти клетки сделаны из обычного железа. Они легко поддаются магии любого Иверийца — Высшие ломают их одним щелчком пальцев. По этой причине здесь держат только беззащитных рабов, у которых нет силы. Так что ты тут делаешь в таком наряде?

Я внимательно присмотрелась к нему через решетку. Мужчина был крепким, широкоплечим, с литыми мышцами, которые отчетливо проглядывали сквозь прорехи грязной рубахи. В Серой Гнили такие сильные, крупные люди встречались крайне редко — нищие кварталы быстро превращали мужчин в согбленных, высохших до костей доходяг.

— Я рабыня, — хрипло ответила я, утирая слезы и пытаясь унять дрожь.

— Только люди бывают рабами, — безэмоционально отозвался он, глубже забиваясь в тень своего угла. — Иверийцев на аукционах не продают.

Мне нужно было срочно понять, кто он такой, и самое главное — не побежит ли этот незнакомец сдавать мой секрет, как только дверь подвала откроется.

— Кто ты вообще такой? — прямо спросила я, крепче сжимая пальцы на грязном матрасе.

— Раб, — мужчина цинично усмехнулся в темноту.

— Это я уже поняла, — я недовольно дернула плечом, чувствуя, как клеймо на шее неприятно тянет кожу. — Но что ты делаешь в этой темнице? Тоже пошел против слова какого-то Высшего или самого Лорда?

— Вроде того, — пробасил он, и в его голосе прорезалась тяжелая усталость. — На одном из недавних приемов во дворце один из Высших захотел устроить зрелищное представление. Ради забавы он приказал двум рабам взять боевые мечи и драться насмерть. Чтобы гости не скучали за вином.

— И одним из этих рабов был ты? — тихо спросила я.

— Да.

Зубы сами собой стиснулись до хруста в челюсти. Ненависть внутри закипала раскаленной волной. «Ублюдки. Какие же они все конченные ублюдки». В голове не укладывалось, как далеко эти бессмертные твари могут зайти в своих извращенных развлечениях. Каждое их действие было пропитано чистой жестокостью, они ломали человеческие жизни просто так, ради сиюминутной потехи на своих золотых пирах.

— И ты отказался? — я подалась вперед, в упор глядя в его темный силуэт.

— Отказался, — отчеканил мужчина, и в его хриплом голосе впервые звенящим металлом прорезалась яростная, непреклонная гордость человека из трущоб. — Я не собираюсь убивать своих же ради забавы этих тварей. Пусть делают со мной что хотят.

Слова незнакомца тяжелым камнем легли мне на грудь. Перед глазами снова замелькали страшные картины завтрашнего приема, выжигая остатки самообладания. Я не выдержала, горько усмехнулась и в сердцах выпалила, даже не думая, что слетает с моих губ:

— Я здесь всего один день, но уже прекрасно поняла... Мы для этих тварей просто скот! Развлечение на один вечер, которое можно растоптать и выкинуть!

Разум словно прошил разряд молнии, а сердце испуганно пропустило удар. Холодный пот прошиб спину до самого позвоночника. «Боги, что я только что ляпнула?!».

В этой слепой ярости я совершила самую страшную, непоправимую ошибку. Я сказала «мы». Я открыто приравнивала себя к нему — к человеку, к рабу, к тому самому «гнилому народу» из трущоб, который Иверийцы веками держали за бесправных животных.

Незнакомец в соседней клетке резко замер. Я отчетливо услышала, как прервалось его тяжелое дыхание. В полумраке каземата послышался шорох одежды — мужчина медленно повернул голову в мою сторону и уставился на меня в упор, словно впервые увидел.

— Так ты... ты не Иверийка? — его голос упал до едва различимого, ошарашенного шепота.

Я застыла на грязном матрасе, боясь даже вздохнуть. Разноцветные неоновые кольца в моих глазах, которые я так и не смогла потушить из-за паники, продолжали испускать яркое, гипнотическое сияние, окрашивая железные прутья решетки.

— Теперь понятно, — протянул он, и в его хриплом баритоне смешались шок и мгновенное, пугающее озарение. — Вот почему ты до сих пор сидишь в этой конуре. Вот почему ты еще не разрушила эти чертовы железные клетки своей магией и спокойно не вышла наружу!

Он подался вперед, цепляясь крепкими пальцами за прутья своей решетки, и завороченно уставился на мое светящееся лицо. Он видел сапфировый шёлк моего дорогого платья, видел мои роскошные туфли и, самое главное, видел это безумное, аномальное сияние трех сил в моих зрачках. Для любого слуги во дворце я была чистокровной, опасной Высшей госпожой, у которой просто временно поехала крыша. Но моя собственная неосторожная фраза разбила этот обман вдребезги.

— Ты человек, — выдохнул он, качая головой и не веря собственным глазам. — Ты обычная человеческая девчонка из Гнили. Но боги... что тогда за чертовщина горит в твоих глазах?

Сжав кулаки до хруста в суставах, поняла, что загнана в тупик. Секрет был раскрыт встречному рабу в этой темнице, и теперь от его следующего слова зависела не только моя жизнь, но и судьба Талии и Митеи.

— Нет... — я качнула головой, вжимаясь спиной в холодную каменную стену камеры. — Нет, ты не так меня понял. Это просто... это была ошибка.

— Хватит, девочка, — перебил меня мужчина, и в его хриплом баритоне прорезалась жесткая, уверенная прямота. — Я не тупой. Я уже всё сложил в своей голове. Иверийка никогда бы не назвала себя скотом, и уж точно не стала бы покорно подыхать в клетке, которую можно разнести одним щелчком пальцев.

Спорить было бесполезно. Я зажмурилась, с силой закрывая лицо руками, и заставила себя сделать несколько медленных вдохов. Главное — задушить этот чертов страх. Силой воли я загнала манию Излома обратно, в самую глубь души. Жар на пояснице угас, а когда я убрала ладони от лица, разноцветный, проклятый свет в моих глазах окончательно потух.

Я упрямо уставилась в каменный пол, решив намертво зажать рот зубами. Лучше молчать. Больше ни единого слова не слетит с моих губ.

— Как тебя звать? — тихо нарушил тишину незнакомец.

Стоило перевести на него взгляд через железные прутья, как меня словно хлестнули кнутом по лицу.

Мужчина смотрел на меня с нескрываемой, глубокой жалостью. С той самой щемящей, горькой жалостью, с какой я сама еще пару часов назад смотрела на сломанных, покорных рабов в сияющих коридорах этого дворца.

— Амира, — едва слышно выдохнула я, сдаваясь.

— Итан, — представился он, крепче перехватывая ржавые прутья решетки. Мужчина пристально взгляделся в мое лицо, а затем его голос упал до едва различимого, опасного шепота. — Так ты полукровка?

Я ошарашенно подалась вперед, вцепляясь пальцами в холодное железо своей клетки.

— Как... как ты понял? — в панике спросила я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Любой бы на твоём месте до такого в жизни не додумался!

Отпираться и придумывать новые глупые отмазки больше не было никакого смысла. Пазл в его голове сошелся намертво. Он видел шёлк моего платья, слышал мои слова и своими глазами созерцал дикое трехцветное пламя в моих зрачках. Этот Итан и так всё понял. И теперь мне нужно было как-то переступить через свой страх и умолять его молчать.

— Мой отец много лет прожил в самых глухих кварталах Серой Гнили, — тихо заговорил Итан, и его взгляд стал далеким, словно он заново перелистывал страницы прошлого. — У него там был близкий друг. Настоящий, преданный человек, который делился с нами последним куском хлеба. И у этого друга родилась девочка. Полукровка. С точно такими же проклятыми, переливающимися глазами, как у тебя.

Замерла у решетки, боясь сделать даже вдох. Пальцы мертвой хваткой впились в ржавое железо прутьев.

— Мой отец тогда крупно рисковал, — продолжал Итан, и на его губах появилась горькая усмешка. — Он своими руками помог скрыть эту девочку от Ищеек. Но потом... потом отец умер. Я потерял с ней всякую связь, остался один, а пару лет назад меня самого скрутили во время облавы и продали во дворец.

Он медленно подался вперед, взглядываясь в мое бледное лицо через узкий зазор между нашими клетками. Его темные глаза сузились.

— Но ты не похожа на неё, Амира. Та девочка, которую прятал мой отец, была хрупкой блондинкой со светлыми, как чистое серебро, волосами.

Земля ушла из-под ног, а в ушах поднялся глухой, давящий гул. Светлые волосы. Дочь друга его отца.

«Митея... Он говорит про Митею!» — безумной вспышкой пронеслось в моей голове.

Разум закружился в вихре ошарашенных мыслей. Мы с Теей прожили бок о бок столько лет, делили каждую лепешку и прятали друг друга во время облав, но она никогда, ни разу в жизни не рассказывала мне про друзей своего отца. Она всегда вспоминала только родителей. Митея ни единым словом не обмолвилась, что в Серой Гнили жил какой-то мальчик по имени Итан, или что кто-то посторонний вообще знал её самую страшную тайну. Неужели её отец унес это имя в могилу, чтобы защитить сына своего друга? Или сама Тея просто была слишком маленькой, чтобы запомнить?

Пока я стояла в полном шоке, не в силах вымолвить ни слова, Итан пристально наблюдал за выражением моего лица. Он мгновенно уловил мою панику, расширившиеся зрачки и то, как перехватило мое дыхание при упоминании блондинки.

Мужчина крепче перехватил железные прутья решетки и в упор спросил меня:

— Ты знаешь эту девочку, верно?

Посмотрела на Итана через ржавую решетку. Мужчина читал меня как открытую книгу — каждая моя эмоция, каждая вспышка паники была перед ним как на ладони. Я бы с радостью продолжила упрямо врать, выдумывать нелепые оправдания и зажимать рот зубами, но внезапно внутри меня что-то щелкнуло. Отчетливо видела, с какой глубокой, искренней ненавистью этот человек говорил об Иверийцах. Он не был гнилым ублюдком вроде тех Ищеек, которые продавали свой же народ. И если его отец был верным другом семьи Митеи, то, возможно, прямо сейчас передо мной стоял мой единственный, судьбоносный шанс. Одной мне из этого проклятого дворца ни за что не выбраться. Впервые в жизни нужно было переступить через свой страх и кому-то довериться.

— Митея... — едва слышно, на одном дыхании выдохнула я, сдаваясь.

Итан на секунду закрыл глаза, и по его суровому лицу пробежала судорога искренней боли. Плечи мужчины дрогнули под грязной рубахой.

— Да... — хрипло отозвался он, открывая глаза. — Моя маленькая Митея. Которую я в детстве защищал как родную сестру.

— Она... она мне никогда не говорила о тебе, — я качнула головой, вглядываясь в его потемневший взгляд.

— Она и не помнит, Амира, — Итан горько и тихо усмехнулся, крепче перехватывая прутья. — Ей было всего пару лет, когда мы виделись в последний раз. Совсем кроха. А потом мой отец умер, и я потерял с ней всякую связь. Меня самого завертело в этом аду.

— Вот откуда ты знаешь о полукровках, — прошептала я. — Ни обычные люди в Гнили, ни Иверийцы во дворцах понятия не имеют, что мы вообще существуем в этом мире.

Итан резко подался вперед, и его темные глаза в упор уставились в мое лицо с бешеной, отчаянной тревогой.

— Митея... она жива? — его голос сорвался на тяжелый шепот.

— Да, — я с трудом сглотнула подступившие слезы. — Она жива. Мы держались вместе. Всё это время, мы стояли друг за друга горой. Держались, пока нас не схватили Ищейки на окраине трущоб. Меня привезли сюда, во дворец, а Митея вместе со второй нашей подружкой осталась там, в подвале каменного форта Гнили. И теперь мне нужно любой ценой выбраться отсюда, вернуться обратно и попытаться помочь ей.

Итан молча выслушал меня, а затем на его суровом лице появилась короткая, мрачная ухмылка. Он обвел взглядом наши тесные казематы.

— Я помогу тебе, Амира. Чем смогу, — пробасил он, бросая взгляд на замок своей клетки. — Жаль только, мы оба сейчас за этими чертовыми решетками.

— Спасибо, Итан... — я искренне, до глубины души улыбнулась ему сквозь застывшие на ресницах слезы. — Спасибо, что не кричишь стражу и не пытаешься сдать меня, чтобы выслужить себе прощение за прошлый бунт.

— Перестань, Амира, — перебил он меня, и на его шее натянулись жилы. — Митея была для меня как родная кровь. Я в детстве часами сидел, ждал, когда она наконец-то начнет ходить, бегать, чтобы мы смогли играть вместе на нашей заваленной мусором улочке. А после я всегда был рядом, приглядывал со стороны... пока нас безжалостно не разлучили. Мы все — люди. Обычный, проклятый человеческий народ. А я своих никогда не предаю. Запомни это.

Не сводила взгляда с этого крупного, израненного мужчины в соседней клетке, чувствуя, как внутри растет безграничное уважение к нему. Настоящее, чистое уважение. В Серой Гнили, где правил волчий закон нищеты и каждый был сам за себя, где родной брат мог вонзить тебе нож в спину за мешок гнилого зерна, этот раб сохранил в себе неподдельную человеческую честь. Он был готов рисковать жизнью ради девочки, которую видел много лет назад.

Мы замолчали. Зловещий полумрак подземной темницы Целестии больше не казался мне таким пугающим и ледяным. Я была не одна.

Глава 11

На следующий день унылый серый свет едва пробивался сквозь узкую решетку под потолком темницы. Наступил полдень, а мы с Итаном продолжали говорить, коротая бесконечные часы в наших клетках. За эту долгую ночь и половину нового дня мы успели узнать друг друга ближе, и между нами возникло то редкое доверие, которого в нашем проклятом мире удоставались единицы.

Итан рассказал мне свою историю. Высший ивериец, который выкупил его на аукционе, постоянно устраивал на территории своего богатого дома зрелищные бои. Это было его главным развлечением. Для своего хозяина Итан и другие рабы были ценными бойцами — за ними хорошо следили, их отлично кормили, тренировали и давали восстановить силы после каждого поединка. Ивериец никогда не переходил черту и не устраивал боев насмерть, пока во дворце Рейздана не состоялся грандиозный прием, куда прибыли все Лорды. Желая выступить перед правителями и устроить для них шокирующее шоу, хозяин приказал двум своим лучшим бойцам биться до последнего вздоха. Итан одолел противника, но в самый последний момент опустил клинок и наотрез отказался наносить смертельный удар.

Его заперли в этой дворцовой темнице сразу же, прямо в разгар пира. С тех пор прошло уже около двух недель. Ивериец так и не вернулся за ним — возможно, богатый аристократ и вовсе забыл, что оставил своего провинившегося раба под замком у Лорда Целестии. Солдаты-иверийцы кормили Итана редко, просто чтобы он не сдох от истощения, и какая судьба ждет его дальше, мужчина понятия не имел.

— Если мне удастся выбраться отсюда, я сделаю всё, чтобы спасти тебя, Итан, — пообещала я, прижимаясь лицом к холодным прутьям.

— Даже не думай, Амира, — он горько усмехнулся в темноте своей клетки и покачал головой. — Это слишком большой риск. Если у тебя появится хоть малейший шанс бежать из замка — не трать драгоценное время на меня. Уходи одна и спасай Митею.

Мне было искренне, до боли жаль его. В таком жутком положении Итан совершенно не думал о собственной шкуре, беспокоясь лишь о дочери друга своего отца. В ответ я тоже немного рассказала ему о жизни в Серой Гнили. О том, как мы выживали в полуразрушенной лачуге, латали крышу и делили последнюю фасоль. Я говорила осторожно, умалчивая о многих деталях и скрывая подробности нашей магии Излома — мало ли, вдруг Итана подвергнут страшным пыткам, и под давлением чужой силы он выдаст Иверийцам лишнее. Мужчина сразу уловил мою недосказанность, он всё прекрасно понял и не стал настаивать на расспросах, уважая мою осторожность.

Нас не кормили всё это время, но меня это совершенно не волновало. После трущобной нищеты я давно привыкла подолгу обходиться без еды, так что голод, ледяной пол камеры и сырость темницы были для меня привычным делом.

Тишину каземата разорвал резкий скрежет дверного засова. Тяжелая дубовая дверь распахнулась, и в подвал уверенным шагом зашли двое подтянутых солдат-иверийцев с холодными карими глазами. Они подошли прямо к моей решетке, и один из них грубо бросил:

— На выход. Живо.

Время пришло. Начинался тот самый чертов прием, которого я так сильно боялась. Ключ со свистом повернулся в замке, и железная дверь моей клетки поползла в сторону.

— Амира! — голос Итана заставил меня обернуться у самого порога. Мужчина в упор смотрел на меня из темноты соседней камеры. — Не прогибайся под них. Что бы они ни делали.

— И не собираюсь, — сквозь зубы процедила я, упрямо расправляя плечи.

Солдаты жестко перехватили мои руки и вывели меня из темницы, утягивая вверх по лестнице, пока я пыталась унять колотящееся в груди сердце.

Они вели меня по бесконечным, залитым синеватым светом коридорам замка. Мы остановились перед массивной дверью из темного дерева. Один из гвардейцев беззвучно толкнул створку и коротко бросил:

— Заходи.

Стоило сделать шаг вперед, как дверь за моей спиной тут же захлопнулась. В лицо мне мгновенно ударил густой, влажный пар, пропитанный терпким запахом хвои и дорогих масел. Из-за плотной белой завесы рассмотреть что-то было невозможно. Я медленно пошла вперед, шоркая туфлями по гладкому мрамору, пока пар вокруг меня не начал лениво рассеиваться. Это была купальня — огромный бассейн, высеченный прямо в полу из цельного куска темного сапфира.

Внезапно тишину помещения разорвал прерывистый, глубокий женский стон.

Замерла как вкопанная. Пар ушел в сторону, и передо мной открылась картина. В центре купальни, наполовину погруженный в бурлящую воду, сидел он.

Первое, что бросилось мне в глаза — это его обнаженная спина. Мощная, рельефная, с литыми буграми мышц, которые плавно перекачивались под идеальной кожей при каждом движении. От самого низа позвоночника, по лопаткам и плечам мужчины поднимался сложный рисунок татуировок Свода, но прямо сейчас его глаза оставались темными, абсолютно карими.

Прямо на нем, широко раскинув бедра и обвивая его талию ногами, сидела женщина. Обычная человеческая рабыня из Гнили — миниатюрная брюнетка с тонкими ключицами и влажной от пота кожей. Рейздан держал её мертвой хваткой. Его руки, покрытые вздувшимися венами, уверенно фиксировали её бедра, пальцы добела впивались в нежную плоть, оставляя багровые следы. Мужчина глубоко насаживал её на себя, задавая бешеный, изнуряющий ритм. Вода в бассейне с всплеском билась о мраморные борта.

Рабыня громко стонала, запрокидывая голову и выгибаясь в его руках, а её пальцы путались в его мокрых темно-коричневых волосах. Рейздан перехватил её ладонью за грудь, до боли сминая податливую плоть, заставляя её вскрикнуть, и жестко впился в её рот голодным поцелуем.

Внизу живота предательски потянуло от тугой судороги. Я инстинктивно сдвинула ноги, пытаюсь унять этот внезапный, пугающий зуд, но сердце продолжало испуганно и часто биться о ребра.

Скорость увеличилась до предела. Мышцы на его широких плечах и спине натянулись, как стальные тросы, покрываясь крупными каплями пота. Мужчина перевернул рабыню, нагибая её лицом к воде и фиксируя за бедра сзади. Раздался хлесткий, громкий шлепок его ладони по её ягодице, отчего женщина истошно застонала, выгибая поясницу навстречу его толчкам. Он брал её грубо, полностью подчиняя каждый сантиметр её тела этому бешеному ритму.

В ушах стоял давящий гул от чужих стонов, а воздух в купальне казался настолько раскаленным, что мне стало физически тяжело дышать. Внутри всё горело. В голове панически билась только одна испуганная мысль: «Какого черта я вообще еще здесь стою?! Мне нужно немедленно убираться».

Превозмогая оцепенение, я осторожно подалась назад и сделала один тихий, едва уловимый шаг к выходу, надеясь скрыться в тени арки незамеченной.

Вдруг Рейздан резко перехватил рабыню за грудь обеими руками и с силой притянул её спиной к своей твердой груди, не прерывая движений. Он медленно наклонился вперед и неожиданно поднял голову, устремляя свой взгляд прямо в ту самую темную нишу, где я пряталась. Его карие глаза в упор уставились на меня и хищно вспыхнули ледяным сапфировым синим пламенем, выжигая полумрак купальни. Мужчина склонился к рабыне и шепнул что-то горячее прямо ей на ухо.

Я не услышала, что именно он сказал женщине, потому что в ту же секунду его приказ стальным набатом взорвался прямо у меня в голове:

«Не двигайся, Амира!»

По моим венам мгновенно разлился парализующий холод. На губах Рейздана, заметившего мой дикий испуг, на миг заиграла ленивая ухмылка Кукловода, который поймал свою жертву. Я ошарашенно замерла и, как ни пыталась, больше не смогла сдвинуться с места ни на один миллиметр. Мои ноги словно намертво приросли к мраморному полу, а тело предательски застыло под действием его невидимых нитей.

Рейздан нагнул рабыню обратно к воде, грубо намотал её влажные волосы на свой кулак и начал вбиваться в неё еще сильнее, заставляя меня беспомощно смотреть.

Воздух в купальне казался раскаленным и душным. Горло пересохло, а в ушах стоял давящий гул от чужих стонов, всплесков воды и тяжелого дыхания мужчины.

Женщина протяжно вскрикнула, содрогаясь всем телом в судорогах мощного экстаза. Рейздан зарычал, делая финальный толчок до самого предела, и на несколько секунд замер, тяжело вздымая мощную грудную клетку и до боли сжимая её бедра.

Он разомкнул кулак, позволяя рабыне соскользнуть в воду. Его карие глаза скользнули по лицу тяжело дышащей женщины.

— Свободна, — бросил он.

Девушка послушно, не смея поднять глаз, мокрой тенью выбралась из бассейна, мгновенно растворяясь за боковой дверью.

Рейздан лениво повернулся в воде и в упор посмотрел на меня. Он окинул мое застывшее лицо насмешливым взглядом, вальяжно раскинув руки по бортикам бассейна.

— Видишь, Амира? — произнес он, и его губы тронула ухмылка. — Если мои рабы ведут себя хорошо и беспрекословно повинуются правилам они получают удовольствие ничуть не меньше, чем я. Всё зависит только от твоей покорности.

— Ты заставил её подчиниться, — холодно и твердо бросила я, стараясь не смотреть на капли воды, стекающие по его груди. Мой голос не дрогнул, хотя сердце колотилось как сумасшедшее. — Твоя магия сделала её покорной.

Рейздан рассмеялся. На его лице снова заиграла ухмылка, а в темно-карих глазах промелькнула опасная забава.

— Ошибаешься, дикарка, — произнес он, вальяжно поводя широкими плечами. — Мне не нужно использовать магию кукловода, чтобы женщина захотела меня. Смертные девчонки прекрасно знают, как доставить мне удовольствие добровольно.

— Они просто боятся вас, — я сделала шаг вперед, с силой сжимая пальцы на шёлке своего платья. Внутри всё клокотало от ярости. — Вас, вашей жестокости, ваших проклятых клейм и казней. Страх — единственное, что заставляет людей в этом дворце раздвигать перед тобой ноги.

— Рабы рады оказаться на наших землях, Амира, — размеренным тоном отчеканил он. — В Целестии их кормят досыта. У них есть теплая крыша над головой, чистая одежда и безопасность. Им больше не нужно жрать тухлятину и дохнуть от сырости в сточной канаве. А взамен от них требуется всего одна простая вещь. Подчинение.

— Я лучше буду медленно умирать от голода в Серой Гнили, — сквозь сцепленные зубы процедила я, и на моих глазах снова навернулись слезы бессильной злости. — Буду гнить в самой грязной подворотне трущоб, но никогда, слышишь меня, никогда не подчинюсь тебе по своей воле.

Рейздан замер. Его темно-карие глаза слегка сузились, а на лице впервые проступило искреннее, глубокое удивление. Он привык, что люди на аукционах Гнили продавали себя, свои души и тела за один единственный кусок хлеба, готовые на любое унижение ради выживания. Моя дикая, непродажная гордость ломала все его привычные шаблоны.

— Знаешь... это действительно меня удивляет, — произнес он, не сводя с меня пристального взгляда. — Большинство твоих земляков за горсть зерна приползли бы ко мне на коленях. А ты стоишь в чужом шёлке и выбираешь смерть в нищете. Поразительно.

Он повернулся ко мне спиной, полностью теряя интерес к разговору, и лениво бросил через плечо:

— Скоро начнется прием. И ты будешь сопровождать меня, Амира. Стража! — резко крикнул он на всю купальню.

Тяжелая дверь мгновенно распахнулась, и в помещение быстро зашли двое иверийцев с безразличными лицами.

— Отведите её обратно в комнату, — скомандовал Рейздан, не оборачиваясь. — Пусть рабы приведут её в порядок. Чтобы через час она сияла.

Меня опять уводили под конвоем по бесконечным коридорам дворца, а внутри меня всё сжималось от ледящего ужаса перед наступающим вечером.

Стража вела меня по бесконечным, залитым синеватым светом переходам, пока мы наконец не остановились перед моей комнатой. Гвардейцы бесцеремонно втолкнули меня внутрь, и засов за моей спиной защелкнулся.

В комнате меня уже ждали. Три рабыни застыли посреди спальни, словно безмолвные тени. Их головы были привычно опущены, а плечи поникли под тяжестью невидимых оков рабов. Они не издали ни звука, не сделали ни одного лишнего движения, просто ожидая, когда я подчинюсь их рукам. Но я лишь выдохнула и, проходя мимо них в сторону купальни, ледяным тоном отрезала, что вымоюсь сама. Спорить со мной никто не стал — женщины послушно и беззвучно склонились, отступая назад.

Оказавшись за закрытой дверью ванной комнаты, я быстро смыла с себя остатки чужого пара и терпких масел, которыми была пропитана купальня. Смывала яростно, до красноты растирая кожу ладонями, словно пыталась содрать саму память.

Когда пришло время одеваться, я снова подошла к платяному шкафу, наотрез проигнорировав то прозрачное, вызывающее платье с опущенными лямками, которое рабыни приготовили для приема. Мой выбор был непреклонен. Я вытащила плотный, тяжелый шёлк глубокого изумрудного цвета. Крой этого наряда был безупречным щитом: сзади платье полностью закрывало лопатки и весь позвоночник, а рукава плотно облегли руки ровно до локтей. Осмотрев себя в зеркале со спины, я убедилась, что ткань сидит монолитно. Ни один шов не просвечивал.

Выйдя в спальню, я молча позволила служанкам завершить образ. Они быстро высушили мои мокрые русые волосы, оставив их распущенными, лишь слегка закрутив мягкими волнами у самых концов, чтобы пряди плотной вуалью падали на закрытую шёлком спину.

Когда всё было готово, рабыни безмолвно отступили к дверям, а я осталась стоять посреди роскошной гостевой комнаты, чувствуя, как внутри всё завязывается в тугий узел.

Меня колотило от страха. Каждая секунда приближала меня к началу этого проклятого приема. Я прекрасно понимала, что через несколько минут окажусь в самом эпицентре логова хищников. Там соберутся самые опасные, жестокие твари этого мира — Высшие и великие Лорды Этера. Правители, которые ломали человеческие судьбы ради секундной забавы, выжигая рабские клейма на чужой коже.

«Мне нужно стать невидимкой, — лихорадочно, как безумная, повторяла я самой себе, прижимая ладони к шёлку юбки, чтобы унять дрожь. — Сделать всё, чтобы слиться со стенами этого зала. Не привлекать внимания. Быть тихой, серой тенью, на которую никто не захочет даже взглянуть».

Глубоко вдохнув, устремила взгляд на закрытую дверь спальни, за которой уже слышался тяжелый, приближающийся топот кованых сапог Иверийской стражи.

Тяжелые двери спальни с грохотом распахнулись, и двое гвардейцев привычным жестким жестом перехватили мои локти. Меня вывели в коридор и повели вниз, к главному бальному залу дворца. С каждым шагом гул голосов, звон хрусталя и звуки струнной музыки становились всё громче, пока мы наконец не пересекли порог арки.

Оказалась в огромном зале. Гостей из числа Высших здесь пока было не так много — прием только начинался, и они ленивыми группами прохаживались по залу, попивая вино из кубков. Но мое внимание мгновенно приковала дальняя стена. Там, на небольшом возвышении из полированного мрамора, высились три величественных правительственных кресла, больше похожих на суровые постаменты.

Посередине, вальяжно откинувшись на спинку и положив руки на резные подлокотники, уже восседал Рейздан. Я сразу поняла, для кого предназначались два других пустующих кресла по бокам. Для правителей, чьего прибытия с минуты на минуту ждал весь дворец.

Стража подвела меня прямо к его постаменту и наконец отпустила мои руки. Рейздан медленно перевел на меня свои глаза. Он окинул оценивающим, тягучим взглядом мое закрытое изумрудное платье и распущенные русые волосы, и на его безупречном лице снова появилась эта невыносимая улыбка.

— Надо же, Ами... — вкрадчиво, со своей неизменной бархатной издевкой произнес он вслух, и его баритон заставил меня внутренне сжаться. — Ты выглядишь по-настоящему прекрасно. Изумрудный цвет удивительно выигрышно подчеркивает дикость твоих глаз.

В ответ лишь упрямо смолчала, до крови сжав зубы и заставив себя смотреть строго перед собой.

— Встань сзади, — скомандовал он, и легкий ментальный импульс его силы послушно заставил мое тело сделать несколько шагов. — Скоро придут остальные правители. Стой смиренно и развлекай меня своей покорностью.

Укрывшись за его массивным креслом и широкой спиной, принялась осматриваться. Отсюда, из тени его постамента, мне открывался вид на весь зал.

Неподалеку от возвышения я заметила других рабынь. Девчонки из Гнили были одеты в невероятно красивые, дорогие и легкие платья, расшитые серебряной нитью Целестии, а их прически украшали драгоценные камни. Но то, как они себя вели, заставило мое горло перехватить от удушливой, тошнотворной брезгливости.

Они не прятались в тених и не пытались сбежать. Наоборот, эти человеческие рабыни буквально заглядывали Рейздану в рот, ловя каждый его мимолетный вдох, и отчаянно пытались привлечь его внимание. Они кокетливо поправляли волосы, стреляли глазами в сторону Высших аристократов в зале и изгибались всем телом, искренне, до дрожи желая, чтобы их заметили бессмертные господа. В их глазах не было страха — там горела слепая, унижительная жажда быть wybranными для развлечений на эту ночь.

К горлу подкатил тяжелый ком отвращения. Рейздан в купальне был абсолютно прав. Оказывается, магия кукловода была нужна далеко не всегда. Большинство людей за мешок зерна, чистую постель и фальшивую роскошь были готовы сами, добровольно стелиться перед Иверийцами, вымаливая их ласку на коленях и забывая про всякую человеческую гордость.

Глава 12

Тяжелые створки у входа в бальный зал с грохотом распахнулись. Гвардеец на входе вытянулся в струнку, и его раскатистый голос перекрыл шум толпы:

— Правитель Соляриса, Лорд Альтарес и его свита!

Затаив дыхание, подалась вперед, выглядывая из-за высокой спинки кресла Рейздана. В зал уверенным шагом вошел мужчина, и всё пространство вокруг него словно вспыхнуло невидимым пламенем.

Внешне он полностью соответствовал жестоким канонам Высших иверийцев, но в нем читалась совершенно иная, дикая боевая эстетика. Лорд Зенита был невероятно высок, а его широкие плечи и мощная грудная клетка едва сдерживались плотной тканью дорогой одежды. Острые скулы, волевой подбородок и жесткая линия губ выдавали в нем безжалостного воина, привыкшего выжигать врагов дотла. Одет он был в роскошный золотисто-белый колет, расширенный тяжелыми металлическими нитями, а за его спиной плавно струился легкий плащ цвета расплавленного солнца. На его лице застыло выражение неприкрытого, яростного превосходства.

Он поднял голову, и я на секунду онемела: у этого мужчины были невероятные, пронзительно-голубые глаза, чистые и светлые, как безоблачное дневное небо. Но стоило ему повернуть голову в нашу сторону и намертво встретиться взглядом с Рейзданом, как его небесная радужка запульсировала. Голубой цвет мгновенно испарился, уступая место магии Зенита — вокруг зрачков зажглись и бешено замерцали кольца раскаленного, жидкого золота.

По одному этому бешеному золотому отблеску я сразу поняла: эти двое искренне, до умопомрачения ненавидят друг друга.

Рейздан, сидевший передо мной, тихо и издевательски усмехнулся. Этот звук прозвучал как вызов.

Альтарес проигнорировал его издевку. Тяжело чеканя шаги по мраморным плитам, он поднялся на наше возвышение. Ни разу больше не взглянув на хозяина замка, он вальяжно опустился в правое пустующее кресло, закинув руку на подлокотник.

— Надо же, Альтарес... Ты даже не поздороваешься со старым другом? — лениво протянул Рейздан, не поворачивая головы.

Лорд Зенита откинулся на спинку постамента, устремив свой пылающий золотом взгляд в дальний конец зала. Его челюсти сжались до хруста, а голос прозвучал как глухой, вибрирующий раскат грома:

— Я нахожусь под твоим убогим Сводом исключительно из-за Излома, Рейздан. В любом другом случае я бы с огромным удовольствием выжег твой замок вместе с тобой еще до заката.

Рейздан цинично хмыкнул, и в его интонациях прорезалась ледяная сталь:

— Это взаимно, ублюдок. Мои гончие давно мечтают попробовать твою золотую кровь на вкус.

Альтарес медленно повернул голову. Золотые кольца вокруг его зрачков вспыхнули ярче, словно кто-то плеснул масла в огонь.

— Попробовали бы, если бы ты хоть раз вышел на поле боя раньше, чем битва закончится.

Улыбка Рейздана стала шире. Он даже не взглянул на собеседника, продолжая лениво рассматривать зал перед собой.

— Пока твои солдаты тысячами дошли на передовой, кто-то должен был думать головой. Желваки на скулах Лорда Зенита заходили ходуном.

— Думать? — презрительно выплюнул он. — Ты называешь это думать? Ты всю жизнь прятался за чужими спинами. За генералами. За советниками. За своими трюками. За шахматной доской.

— И именно поэтому мой Свод до сих пор стоит, — спокойно ответил Рейздан.

— Не начинай.

— Почему? Не нравится правда?

— Правда в том, что твой отец был таким же трусом.

Воздух между ними мгновенно потяжелел. Я заметила, как несколько аристократов внизу резко отвернулись, делая вид, что полностью поглощены разговорами, а музыканты у дальней стены словно начали играть тише. Даже слуги старались не смотреть в сторону возвышения.

— Осторожнее со словами, Альтарес.

— А что? — голос Лорда Зенита стал заметно ниже. Он чуть подался вперед, не сводя тяжелого взгляда с Рейздана. — Разве я не прав? Пока мой отец сражался за Этер, твой уже делил земли на картах.

— Забавно слышать это от наследника человека, который и начал Великую войну.

— Мой отец хотел объединить Этер, — его голос стал заметно ниже.

— Твой отец хотел владеть Этером, — ответил Рейздан.

— Хотя бы не прятался за чужими жизнями.

— Конечно, — Рейздан сухо усмехнулся, и сапфировый отблеск на мгновение мелькнул в его глазах. — Он просто отправлял на смерть десятки тысяч своих людей лично.

Несколько долгих секунд они молча смотрели друг другу в глаза. Мне показалось, что еще немного — и кто-то из них действительно поднимется со своего места. Напряжение между ними ощущалось почти физически, словно в любой момент могло прорваться наружу.

Но первым взгляд отвел Альтарес.

— Иногда я жалею, что Этер вообще расколол мир.

Бровь Рейздана лениво приподнялась.

— Правда?

— Да, — в голосе Лорда Зенита прозвучало раздражение. — Потому что тогда мне не пришлось бы смотреть на твою самодовольную рожу еще несколько столетий.

— И ты был бы уже мертв.

— Возможно. Зато честно.

Рейздан тихо хмыкнул.

— Именно поэтому вы всегда проигрывали. Вы предпочитаете красивую смерть скучной победе.

— А ты предпочитаешь победу любой ценой, — золотое сияние вокруг зрачков Альтареса вспыхнуло вновь.

— Поэтому я все еще здесь, — спокойно ответил Рейздан.

На несколько секунд между ними снова повисла тяжелая тишина. Затем Альтарес перевел взгляд на огромные окна Целестии, за которыми мерцали бесконечные звезды.

— Когда-нибудь Излом исчезнет.

Рейздан откинулся на спинку кресла.

— Возможно.

— И тогда между нашими Сводами больше ничего не останется.

Я заметила, как пальцы Альтареса медленно сжались на подлокотнике.

— Сейчас нас удерживают только Энтропы. Только Излом. Только страх того, что однажды весь Этер сожрут твари из разрывов, — он снова повернул голову к Рейздану. — Но однажды всё закончится.

— Поэтому я и не строю планы на один день.

— И тогда я лично приду за тобой.

Сапфировый отблеск мелькнул в глазах Рейздана.

— Встанешь в очередь.

— Не сомневайся

— Ты до сих пор считаешь, что сможешь победить меня силой? — лениво поинтересовался Рейздан.

— Нет, Рейздан. Я просто знаю, что однажды солнце доберется даже до самых темных углов твоего Свода.

— А я знаю, что ты никогда не научишься думать дальше следующего удара мечом.

— Вот поэтому ты меня бесишь больше всех, Кукловод, — Альтарес резко рассмеялся, и его смех больше напоминал глухое рычание хищника.

— Я всегда играю всей доской, пока остальные дерутся за одну фигуру, — ответил Рейздан, даже не изменившись в лице.

— Иногда мне кажется, что ты просчитываешь даже собственное дыхание, — желваки на скулах Лорда Зенита заходили ходуном.

— А мне кажется, что ты сначала бьешь кулаком в стену, а потом интересуешься, зачем она там стояла.

— И всё же я до сих пор жив, — Альтарес откинулся на спинку кресла и самодовольно усмехнулся.

— Это единственный аргумент, который ты используешь последние сто лет.

— Потому что он работает.

— Пока что, — тихо хмыкнул Рейздан.

Озоновый ветер Целестии смешивался с иссушающим жаром Соляриса, заставляя воздух между ними мелко дрожать от напряжения. Глядя на этих двух бессмертных монстров, я с пугающей отчетливостью поняла: их хрупкое, шаткое равновесие и весь этот призрачный мир Этера держатся на одном честном слове. Они не поубивали друг друга только из-за смертельной опасности, которая ломала их общие приграничные рубежи.

Двери зала снова распахнулись с резким стуком. На этот раз гвардеец на входе прокричал имя, от которого по залу пролетел ощутимый ледяной вздох, а Высшие аристократы мгновенно затихли:

— Правитель Стигии, Лорд Ксайдер и его свита!

Пальцы до боли впелись в спинку кресла. В проеме арки показался он, и внутри всё сковал парализующий страх.

Лорд Ночи превосходил Альтареса и Рейздана в звериной, пугающей мощи — широкоплечий, высокий, с безупречной, но хищной осанкой истинного палача. Его густые черные волосы были небрежно растрепаны, подчеркивая бледность резкого лица, острые скулы и жесткую, упрямую линию челюсти. Одет он был в антрацитово-черный камзол из тяжелой, матовой ткани, который казался сотканным из самой ночной мглы, а на его плечах покоился тяжелый плащ. От каждого его шага веяло такой силой и смертельной опасностью, что дышать в зале стало физически трудно.

Сперва его глаза казались почти полностью черными, бездонными омутами. Но стоило ему окинуть холодным взглядом зал, как его радужка запульсировала, наливаясь его личной, пугающей магией Вечного Затмения — зрачки вспыхнули глубоким, чернильно-фиолетовым неоновым огнем.

Ксайдер лениво повернул голову в сторону нашего возвышения, и его чернильно-фиолетовый взгляд намертво зацепился прямо за меня.

В ту же секунду земля ушла у меня из-под ног. Воздух в легких мгновенно застрял комом. Этот мужчина смотрел сквозь кресло Рейздана так, словно видел меня насквозь, читая каждую мою потаенную мысль как открытую книгу.

И вдруг мой разум сокрушительным ударом прошила вспышка.

Пространство зала исчезло. Передо мной вплотную стоял Ксайдер. Его сильные пальцы мертвой хваткой вцепились в мои русые волосы, с силой потянули назад и намертво прижали меня к холодной стене. В его чернильных глазах бешено пульсировал фиолетовый неон, а его хриплый, леденящий кровь голос прозвучал прямо у моих губ: «Что ты скрываешь, Амира?..»

Вспышка лопнула так же резко, как и началась, возвращая меня обратно в реальность зала.

На ватных ногах едва удавалось удерживать равновесие. Сердце колотилось в груди с такой бешеной скоростью, что ребра ломало от боли. Что это, черт возьми, только что было?! Безумный страх затопил мое сознание, выжигая остатки воли. Как он узнал мое имя?

Ксайдер сделал первый шаг к нашему подиуму, и я в панике резко опустила голову, утыкаясь взглядом строго в затылок Рейздана — лишь бы больше никогда в жизни не встретиться глазами с этим чудовищем. Мысли паническим ураганом крутились в голове, доводя до исступления: «Держи себя в руках, Амира! Зажми эмоции!».

Тяжело чеканя шаги, Лорд Ночи поднялся на возвышение и без лишних церемоний опустился в левое, последнее свободное кресло. Он лениво откинулся на спинку постамента, и его взгляд окинул сидящих рядом правителей с неприкрытым, брезгливым отвращением.

— Видеть ваши высокомерные лица — это худшее, что случилось со мной за этот месяц, — произнес Ксайдер, и от его голоса воздух в зале стал свинцовым.

— Можешь закрыть свои чернильные глаза, Ксайдер, — выплюнул Лорд Альтарес, и на его скулах заиграли желваки. — Нам твоя порочная Стигия здесь тоже поперек горла стоит.

На губах Ксайдера появилась едва заметная усмешка. Он лениво провел пальцами по подлокотнику кресла и окинул Лорда Зенита таким взглядом, словно перед ним сидел особенно надоедливый слуга.

— Какая неожиданность, — произнес он. — Каждый раз, когда мы встречаемся, ты говоришь одно и то же. За несколько столетий мог бы придумать что-нибудь новое.

— А ты мог бы перестать прятаться в своей Стигии и хоть раз выйти на свет.

— Зачем? — Ксайдер слегка склонил голову набок. — Чтобы стать таким же шумным, как ты?

— По крайней мере мои люди знают, за что умирают.

— Правда? — чернильно-фиолетовый неон в глазах Ксайдера медленно пульсировал. — А мне всегда казалось, что они умирают потому, что ты сначала действуешь, а потом начинаешь думать.

Альтарес резко подался вперед.

— Следи за языком.

— Или что?

От спокойствия, с которым был задан этот вопрос, по моей спине пробежал холод. Ксайдер даже не повысил голос. Не напрягся. Не изменился в лице. Но почему-то именно сейчас он выглядел опаснее всего.

— Когда-нибудь Излом исчезнет, — процедил Альтарес сквозь зубы. — И тогда посмотрим, как долго вы оба продержитесь без своих трюков.

— Когда-нибудь Излом исчезнет, — спокойно согласился Ксайдер. — И тогда весь Этер вспомнит, почему ваши отцы устроили Великую войну.

Повисла тяжелая тишина.

— Мой отец хотел объединить Этер, — жестко бросил Альтарес.

— Нет, — лениво ответил Ксайдер. — Твой отец хотел владеть Этером. Как и отец Рейздана. Как и все правители до них.

Я почувствовала, как напряжение между креслами стало почти осязаемым.

— Забавно слышать это от тебя, — наконец произнес Альтарес. — От человека, который держит весь свой Свод в страхе.

— Страх куда надежнее любви.

— Вот поэтому твоя Стигия прогнила насквозь.

На этот раз Ксайдер действительно улыбнулся. Холодно. Опасно. Так, словно услышал комплимент.

— Бросьте, мальчики, — с бархатной, издевательской усмешкой протянул хозяин замка, и в его глазах снова на секунду промелькнул сапфировый блеск кукловода. — Давайте оставим наши милые обещания перерезать друг другу глотки. Нам еще вместе Излом выжигать.

Воздух на мраморном возвышении между тремя креслами буквально трещал от концентрированной, бешеной магии трех Лордов. Сухой жар Соляриса, космический холод Целестии и удушливая тьма Стигии столкнулись в одной точке, заставляя пространство двоиться. А я продолжала стоять за спиной Рейздана, хрупкая и невидимая в своем изумрудном платье, чувствуя, как под моей кожей вдоль всего позвоночника трехцветная печать Излома начинает пульсировать, отзываясь на одновременное присутствие всех трех сил Этера.

— Амира, принеси мне вина, — лениво скомандовал Рейздан, слегка поведя ладонью.

Его ментальный приказ тут же мягко дернул мои мышцы, заставляя сделать шаг из-за кресла. Я не стала огрызаться, не проронила ни звука и послушно пошла вперед. Внутри я была даже благодарна этой марионеточной нити: мне жизненно необходимо было оказаться как можно дальше от их мраморного подиума, чтобы перевести дух и спрятаться от давящей мощи трех Лордов.

Пересекла зал и направилась в самый дальний, глухой конец помещения. Там, в тени массивных колонн, на длинном столе, укрытом белым шелком, стояли серебряные кувшины и хрустальные кубки. Вокруг не было ни одного гостя — все Высшие толпились ближе к центру. Оказавшись в уединении, нарочито медленно взяла тяжелый графин, изо всех сил натягивая время. Смаковала каждую секунду, лишь бы подольше не возвращаться к их тронам. Тонкая струя темно-пурпурного нектара с тихим журчанием полилась в хрусталь.

Мир вокруг покачнулся. Из ниоткуда, лавиной, прямо в разум ворвались не просто чужие чувства — это были живые, разрывающие душу кадры. Перед глазами уродливыми вспышками закружились картины.

Вот мы стоим в нашей тесной лачуге, прижимаясь спинами друг к другу, а в руках дрожат кухонные ножи. За тонкими стенами, прямо на улице, слышны тяжелые шаги и грубый хохот Ищеек, которые прочесывают сектор. Сердце обрывается от понимания: если дверь выбьют — нам конец.

Кадр сменяется, и я уже вижу нас посреди ледящего, беспросветного дня. На улице стоит дикий холод, в комнате ледяная сырость, у нас давно закончились дрова, и я сижу на полу, укутавшись в рваное одеяло, и крупно трясусь от этого сквозняка.

Новая вспышка — и в животе скручивается тот самый безнадежный голод трущоб, когда мы три дня не видели даже корки хлеба, а Митея тихо плакала в углу от истощения.

Меня затрясло, легкие сдавила судорога. Это как будто происходило прямо сейчас. Я физически почувствовала их страх, холод и удушающий голод, словно меня саму заживо прошили этими страданиями. Не понимая, что происходит, я резко обернулась.

В паре метров от меня, облокотившись широкой спиной о стену, стоял Ксайдер. Его чернильно-фиолетовые глаза горели в полумраке угла ядовитым, пульсирующим неоном Вечного Затмения. Он лениво скрестил мощные руки на груди и пристально смотрел прямо на меня. Пазл в голове мгновенно сложился: все эти жуткие, душащие картинки трущоб в моем разуме были его рук делом. Это он транслировал мне их, упиваясь моей реакцией.

— Пошел к черту из моей головы! — злобно выплюнула я, делая шаг назад и крепче сжимая серебряное горлышко кувшина.

Ксайдер медленно оторвался от стены. Его силуэт соткался из тени, полностью перекрывая мне любой путь к спасению. Мужчина шагнул ближе, и его голос прозвучал с пугающей стальной угрозой:

— Осторожнее с языком, маленькая рабыня.

В ту же секунду перед моими глазами снова ядовитой вспышкой прорезался визуальный образ нашей разваливающейся, нищей лачуги. Ксайдер наклонил голову, и его фиолетовые кольца в глазах запульсировали.

— Забавно. Несколько дней назад ты спала под дырявой крышей. А теперь носишь шёлк Целестии.

— Лучше бы я сгнила там, чем оказалась тут! Эта роскошь вызывает у меня только тошноту! — в упор глядя в его бездонные зрачки, яростно выдохнула я.

Лорд Ночи сделал еще полшага, нависая надо мной, как черная скала.

— Ты что-то скрываешь... — прошептал он, и его магия Затмения штырем вонзилась в мой мозг. — Дай-ка я посмотрю.

Мои собственные воспоминания, вся моя прошлая жизнь начали бешено прокручиваться перед глазами, рассыпаясь на куски и превращаясь в серый пепел. Его сила безжалостно перемалывала каждый потайной уголок моей души, слой за слоем пробиваясь к самому главному — к нашей тайне Паника затопила разум. Я поняла, что еще секунда — и этот монстр увидит наши трехцветные магические рисунки и узнает всё.

— Прекрати! Хватит! Перестань, тварь! — почти закричала я на весь угол, задыхаясь от ментальной боли и хватаясь руками за голову. Из глаз брызнули слезы, а зубы заскрежетали до крошева. Я дико боялась, что он сломает мою защиту.

Ксайдер в самый последний момент перед катастрофой, убрал свою силу. Давление исчезло, и я мешком попятилась назад, упираясь поясницей в фуршетный стол и тяжело хватая ртом воздух.

Лорд Ночи пристально посмотрел на мое бледное, исплаканное лицо, и в его фиолетовых глазах промелькнул хищный интерес исследователя, который наткнулся на неразрешимую загадку. Он понял, что наткнулся на мощный блок, но развивать атаку прямо посреди пира не стал.

— Мы еще закончим этот разговор, Амира, — ленивым тоном пообещал он, и от его слов по моей коже покатались мурашки. — Никто не может закрыть от меня свои мысли.

Мужчина вальяжно развернулся, и его тяжелый полуночный плащ плавно взметнулся, когда Лорд Ночи уверенным шагом направился обратно к мраморному подиуму, возвращаясь на свое место. А я осталась стоять в тени колонн, сжимая в дрожащих руках хрустальный бокал вина для Рейздана и понимая, что тучи над нашей тайной сгустились до предела.

Заставила себя сделать несколько глубоких вдохов, унимая бешеную дрожь в руках, и вернулась к подиуму. Держа бокал на весу, осторожно протянула его Рейздану. Мужчина лениво перехватил хрусталь, скользнув по моим заплаканным глазам секундным, пронизательным взглядом, но ничего не сказал.

Попытка отступить назад, снова спрятаться в тени его кресла, оборвалась на полушаге — ледяной голос хлестнул меня наотмашь:

— Станцуй для нас, Амира.

Воздух в легких мгновенно заледенел. Я ошарашенно посмотрела на Рейздана, а затем медленно перевела взгляд на остальных правителей.

Три пары глаз бессмертных Лордов намертво пригвоздили меня к месту. Альтарес сидел, вальяжно откинувшись на спинку своего кресла; в его золотисто-голубых глазах застыло полное, холодное равнодушие. Для него я была лишь очередным бесправным куском мяса, убогой человеческой вещью, которая не стоила и секунды его внимания. Ксайдер, напротив, смотрел на меня в упор, не отрываясь. Его чернильно-фиолетовый взгляд прошивал меня насквозь

— Лорд Ночи словно пытался разгадать скрытую головоломку, отчетливо видя, что под моей кожей прячется нечто гораздо более опасное, чем обычная рабыня. А Рейздан сидел прямо передо мной, упиваясь ситуацией. Он вел свою извращенную игру, желая прямо здесь, перед лицом своих главных врагов, наглядно показать мне, кто тут истинный хозяин и господин.

— Я не умею, — сквозь сцепленные зубы, едва сдерживая рвущиеся наружу слезы ярости, прошептала я.

— Танцуй, — ленивым, но не терпящим возражений тоном повторил он вслух.

Магия кукловода рванула за невидимые стальные нити внутри моих мышц, полностью уничтожая мою собственную волю. Мое тело дернулось. Совершенно без моего согласия ноги плавно развернулись и заставили меня сделать несколько механических шагов вперед.

Беспомощно шагнула прямо в центр подиума, под слепящие огни сапфирового зала. Руки сами собой поднялись вверх, пальцы изящно очертили воздух, и моё шёлковое изумрудное платье плавной волной взметнулось, когда тело, повинувшись чужому поводу, начало свой первый принудительный танец.

Мои ноги плавно скользили по холодному мрамору, выписывая идеальные, изящные круги, а в голове удушливым набатом гремел его ленивый, издевательский голос. Рейздан управлял каждым моим вдохом, каждым движением пальцев, превращая мой танец в изощренную, порочную пытку.

«Прогнись в пояснице, Ами... Закинь голову назад, пусть они увидят твою шею», — вкрадчиво приказывал кукловод прямо внутри моего черепа.

Чужие нити безжалостно рвали мышцы. Моё платье взметалось волной, шёлк ласкал ноги, а руки послушно взлетали вверх, рисуя в воздухе изысканные, покорные узоры. Со стороны это выглядело завораживающе красиво, но внутри меня всё выгорало от невыносимого, дикого стыда.

И всё это время я физически, кожей чувствовала на себе один-единственный взгляд. Ксайдер. Он не отрывался от меня ни на секунду. Его глаза горели в полумраке зала, прожигая изумрудную ткань платья насквозь. Лорд Ночи смотрел так, словно видел каждую ментальную нить, которой Рейздан опутал мое тело. Он ждал. Он гипнотизировал меня своим страшным, пронизательным взором, и от этого внимания земля уходила из-под ног.

Танец становился всё быстрее, ритмичнее. Рейздан упивался своей властью перед другими Лордами, его глаза полыхали триумфом.

И тут в моей голове раздался его финальный, самый жуткий приказ:

«Раздевайся. Сбрось это платье к моим ногам».

Дикий ужас и яростная гордость лавиной затопили сознание. Мои пальцы, уже начавшие было послушно подниматься к закрытому вороту изумрудного шёлка, намертво замерли в воздухе в паре сантиметров от ткани.

«Нет! — истошно, из последних сил взвыл мой разум. — Ни за что! Лучше убей меня, но не это!»

Я вложила в это сопротивление всю свою жизнь, всю ненависть к Иверийцам и всю любовь к девчонкам, оставшимся в Гнили. Под одеждой, вдоль всего позвоночника и по лопаткам, моя трехцветная печать Излома мгновенно отозвалась жаром. Магия трех Лордов внутри меня проснулась, вскипела и мощным, невидимым импульсом ударила изнутри, буквально перерубая ментальные пути Рейздана.

Пальцы намертво вцепились в ткань платья, когда я обхватила себя за плечи, защищаясь. Нити лопнули. У меня получилось. Сцепив зубы, я осталась стоять посреди зала, тяжело и хрипло дыша.

«Раздевайся!» — его голос громом грохнул прямо внутри моего черепа, наливаясь бешеной силой.

Я изо всех сил сжимала собственные плечи, до хруста впиваясь пальцами в шёлк платья и упрямо глядя ему прямо в лицо. Чужие ментальные нити дергались, пытались снова связать мои мышцы и заставить меня подчиниться, но они просто бессильно соскальзывали.

Рейздан поднялся со своего кресла. На его безупречном лице я впервые увидела улыбку.

Шок пригвоздил меня к месту. Я не понимала, что происходит. Всё сжалось от дурного предчувствия, а в голове удушливым набатом вдруг пронеслись его слова:

«Игра началась».

В следующую секунду Рейздан сделал два быстрых, хищных шага и вплотную приблизился ко мне. Прежде чем я успела отшатнуться, его пальцы мертвой хваткой вцепились в ворот моего платья. Одним резким движением он с силой рванул плотную ткань вниз, с треском разрывая шёлк до самой талии.

Глава 13

Ткань с треском лопнула, обнажая кожу, но я успела перехватить разорванные края шёлка на груди, мертвой хваткой прижимая их к себе. Тяжело дыша, я подняла глаза на Рейздана, готовая к новой вспышке его ярости.

Но вместо крика я услышала лишь его выдох:

— Так вот оно что.

Поднявшаяся изнутри ярость и страх окончательно выжгли мою маскировку. Я смотрела на него в упор, и мои глаза прямо сейчас бешено полыхали всеми тремя цветами. А на моей обнаженной спине, вдоль позвоночника и по лопаткам, прямо на глазах у всех пульсировала, наливаясь нереальным светом, трехцветная выпуклая печать Излома. Сапфировая синева Целестии, фиолетовый неон Стигии и расплавленное золото Соляриса.

Рейздан крутанул меня за плечо, заставляя повернуться спиной. Его пальцы впились в мою кожу, а взгляд намертво замер на открывшихся лопатках.

На безупречном лице ничего не дрогнуло. Лишь в глубине карих глаз на миг мелькнуло удовлетворение игрока.

Моя спина и лопатки полностью открылись. А вместе с ними — и наш самый страшный секрет.

Справа и слева раздался грохот отодвигаемых кресел. Ксайдер и Альтарес синхронно вскочили на ноги. Весь огромный бальный зал дворца в ту же секунду замер. Я кожей почувствовала, как сотни чужих глаз намертво пригвоздили меня к месту. Иверийские гвардейцы и Высшие плотными кольцами выстроились у подножия подиума, готовые в любую секунду с оружием в руках защищать своего правителя. За моей спиной поднялся нарастающий, панический шепот. Они переговаривались, тыкали пальцами, и в их голосах сквозило изумление.

— Полукровка! — яростно выкрикнул Альтарес, и золотые кольца в его глазах вспыхнули слепящим пламенем Соляриса.

— Она принадлежит Стигии и Солярису ничуть не меньше, чем твоей Целестии, кукловод, — ледяным, вибрирующим от опасной силы баритоном отчеканил Ксайдер, делая стремительный шаг вперед. Его чернильно-фиолетовый взгляд горел безумным огнем. — В этой девчонке заперта сила трех Сводов. И ты не утаишь её под своим замком.

Правители Этера смотрели на меня с пугающим блеском в глазах. Слияние трех Сводов в одном смертном теле было невозможным аномальным феноменом.

— Мы должны знать, что это значит! — перебил Альтарес, делая шаг к самому краю подиума. Его лицо перекосило от жадного, властного нетерпения. — Три Свода в одном человеке... Нам нужно выяснить, кто она, какая магия в ней заперта и что именно она умеет делать!

Собственнический инстинкт Рейздана сработал быстрее паники. Вдоль его предплечья мгновенно лавиной взметнулось пульсирующее синее свечение. Мужчина заслонил меня своим телом, поднял светящуюся руку навстречу шагнувшим к нам Лордам и яростно прорычал на весь зал:

— Не подходить! Она принадлежит мне!

— Эта девчонка не принадлежит здесь никому! — из груди Ксайдера вырвался рык, и вся его фигура напряглась, готовая к броску. Магия Стигии вокруг него начала сгущаться, затапливая подиум. — Ты не сможешь присвоить себе силу, которая по праву принадлежит всем трем регионам. Отойди от неё, Рейздан, пока я не стер твой замок в порошок!

Воздух на подиуме затрещал от дикого, взрывоопасного перегруза. Альтарес уже вскинул ладонь, готовую выгнать всё живое золотым огнем Соляриса, а Ксайдер стоял в шаге, едва сдерживая ярость. Лорды были готовы разорвать друг друга на куски прямо посреди пира ради

обладания этой силой. По залу прокатился синхронный лязг сотен мечей — гвардия каждого Свода приготовилась к бою, защищая своих господ.

Рейздан мертвой хваткой вцепился пальцами в мою шею, грубо дернул мою голову вбок и выставил напоказ перед их пылающими лицами свежее, синеватое клеймо созвездия.

— Она моя! — отчеканил он, и сталь в его голосе перекрыла гул зала.

Магия трех правителей столкнулась в одной точке, заставляя пространство двоиться. Рейздан удерживал меня перед собой как самый ценный трофей, и его взгляд метался между Ксайдером и Альтаресом. Что-то промелькнуло в его глазах. Короткое удовлетворение. Настолько мимолетное, что я могла бы поклясться — мне показалось.

Понимая, что удержать ситуацию в мирном русле больше не удастся, Рейздан резко обернулся к застывшим гвардейцам и крикнул:

— Стража! Немедленно увести её в комнату! Выставить лучшую охрану у дверей и окон!

Четверо подтянутых, бледных от страха солдат Целестии тут же взлетели на подиум. Они мертвой хваткой сгребли меня под руки, не давая уронить разорванный шёлк платья, и на бешеной скорости поволокли прочь из бального зала, утягивая в глубину коридоров под яростный рев трех готовых к войне Лордов.

Меня волокли по бесконечным, залитым синеватым светом переходам, но я не чувствовала под собой ног. Разум полностью онемел от шока. Правда раскрылась. На глазах у всей иверийской элиты и трех Лордов с меня сорвали маскировку, выставив напоказ трехцветный узор Излома.

«Они знают про Своды, но они еще не знают всего, — твердила я самой себе. Нельзя, чтобы они узнали про мои пророческие видения Излома.

В голове вихрем крутились варианты защиты. Если меня начнут допрашивать или пытаться, я буду до последнего стоять на своем: у меня нет никакой магии. Я просто пустой сосуд, отмеченный Изломом. И это в какой-то мере было чистой правдой. У меня действительно не было силы, похожей на дар Лордов и Высших Иверийцев. Я не умела подчинять чужую волю, читать мысли или управлять стихиями. Не могла призвать огонь, лед или тьму. Я была просто зрячей. И я обязана была молчать про существование подруг, даже если Лорды начнут выжигать мне душу. Если я сломаюсь — я погублю Талию и Митею.

Стража с грохотом распахнула дверь моей комнаты и впихнула меня внутрь. Снаружи тут же раздался тяжелый, синхронный лязг оружия, а засов закрылся с глухим, плотным щелчком. Рейздан сдержал обещание: за дверью выставили тройной конвой гвардейцев.

Я без сил дошла до кровати и мешком опустилась на мягкое покрывало. «Да лучше бы вы там все поубивали друг друга прямо на этом подиуме», — злобно, с ненавистью подумала я, утыкаясь лицом в ладони. Если бы Лорды Этера перерезали друг другу глотки, этот сломанный мир вздохнул бы с облегчением, а у нас с девчонками появился бы настоящий шанс на свободу.

Сил не осталось даже на злость. Горящее клеймо созвездия на шее ныло, спину ломало от пережитого магического перегруза, а в глазах стояли слезы бессильного отчаяния. Кое-как свернувшись калачиком прямо на краю кровати и не снимая разорванного платья устала в темный потолок.

Ответов не было. За окном спальни глухо рокотал чужой, враждебный замок, охраняемый тройным кольцом гвардии. Измученная страхом и усталостью, я закрыла глаза и медленно погрузилась в тяжелый, тревожный сон.

Сон навалился тяжелой лавиной, утягивая меня обратно, в туманы Серой Гнили. Мне снилась наша прошлая жизнь — бесконечные дни выживания в нищих трущобах. Вспыхивали рваные кадры, как мы с девчонками, натянув глубокие капюшоны, осторожно пробирались по каменистому полю Излома, разыскивая среди острых обломков куски ценного металла. Сырой, морозный ветер Стыка и то, как мы радовались каждой паршивой железке, которую можно было тайно сбывать на нижнем рынке ради горстки чистой крупы.

Затем картинка сменилась. Наша кривая кухонька в полуразрушенной лачуге. Мы сидели все вместе за старым, перемотанным кожаными ремнями столом и завтракали горячей ячменной кашей. Митея мягко улыбалась, убирая светлую прядь со лба, а Талия, хмурясь, отламывала пресную лепешку. В тот момент, несмотря на вечный голод вокруг, мы были по-настоящему счастливы. Потому что мы были вместе. Мы были семьей.

Но внезапно сон исказился. Безмятежность лопнула. Картинку затопила паника, топот кованых сапог и треск выбиваемой двери. Ищейки. Нас грубо хватили под руки, заламывали локти. Вспыхнул страх разлуки. Внутри этого кошмара я отчаянно боролась, сдерживая рвущийся наружу крик и силой воли закрывая свои самые главные тайны. Я не назвала ни имен, ни способностей, не показала рисунок на спине, сопротивляясь чужому давлению даже в собственном сознании.

Резко открыв глаза, я попыталась сделать глубокий вдох, но воздух мгновенно застрял в горле. Сердце ухнуло в пятки.

Прямо надо мной, в крошечной темноте запертой спальни, нависал черный силуэт. Первое, на что я наткнулась в упор — это его пронзительный взгляд. Чернильно-фиолетовые глаза Ксайдера горели в полумраке комнаты ядовитым, пульсирующим неоном Вечного Затмения. Он пробрался сюда сквозь тройную гвардию Рейздана.

Испуганно дернулась, открывая рот, чтобы закричать и позвать стражу, но не успела издать ни звука. Его жесткая ладонь мгновенно накрыла мой рот, лишая возможности звать на помощь.

— Тихе, — раздался его ледяной, едва различимый шепот прямо над моим ухом.

Я чувствовала жесткую кожу его пальцев и исходящий от него холод Стигии.

— Закричишь — сбежится охрана, — спокойно, без капли угрозы продолжил Ксайдер. Фиолетовые кольца в его глазах пульсировали в такт его размеренным словам. — А потом Рейздан узнает, что я был здесь.

Попытка вырваться оказалась бесполезной. Я дернулась, пытаюсь выкрутиться из-под его тела, ударить его или укусить за ладонь. Но он даже не пошевелился, удерживая меня с легкостью.

— Я бы с удовольствием посмотрел, как он взбесится, — в его баритоне проскользнула ленивая усмешка охотника, который полностью контролирует ситуацию.

Он наклонился еще ближе, так что его чернильный взгляд зажегся опасным фиолетовым огнем прямо перед моим лицом. В этом движении было столько угрозы, что я инстинктивно замерла.

— Сейчас я уберу руку, — предупредил Лорд Стигии, и его пальцы чуть сильнее надавили на мои губы. — Но если ты закричишь, Амира... поверь, я заставлю тебя пожалеть о том, что ты вообще появилась на свет.

Каждое его слово вибрировало силой, готовой раздавить меня в секунду. Я коротко кивнула, давая ему понять, что буду молчать. Мужчина медленно убрал свою руку от моего лица.

Возможность дышать вернулась мгновенно. Я тут же, не издав ни единого звука, поспешно отползла к самому изголовью кровати. Подтянув колени к груди, я вцепилась пальцами в плотный шёлк ночной сорочки. Сердце колотилось в ребра как бешеное, а в ушах стоял давящий гул.

— Но сейчас меня интересует другое, — спокойно закончил Ксайдер.

— Что тебе нужно? — выплюнула я в темноту, упрямо глядя в его светящиеся чернильные зрачки.

Ксайдер несколько секунд просто молча смотрел на меня. Он стоял у края постели, монументальный и неподвижный, словно ожившая тень.

— Сегодня ты солгала, — произнес он.

— Я ничего не говорила, — огрызнулась я, до боли сжимая пальцы.

— Именно, — Ксайдер едва заметно наклонил голову.

Этот ублюдок не собирался задавать глупых вопросов или требовать ответов, которые я могла бы заблокировать. Он не шел напролом, и не пытался вытрясти из меня правду силой. Он просто наблюдал, методично складывая куски головоломки в своей голове.

— Рейздан думает, что ты загадка, — продолжил Лорд Ночи, делая едва заметное движение плечом.

— А ты? — я заставила свой голос звучать твердо, хотя по позвоночнику уже полз липкий холод.

— Я думаю, что ты напугана.

Меня пробрало до самых костей, до крика в глубине души. Весь этот чертов дворец, все Высшие и Лорды на приеме смотрели исключительно на мою аномальную силу трех Сводов. Они видели во мне ходячий парадокс, опасное оружие или ценный трофей. И только этот монстр Стигии смотрел на мой страх. Он зрил в самую суть, безошибочно нащупав мою единственную уязвимость.

— Ты не боялась Рейздана, — его ледяной баритон вибрировал в тишине комнаты, плавно проникая под кожу.

— Боялась, — сквозь сцепленные зубы процедила я, заставляя себя удерживать его жуткий взгляд.

— Нет, — Ксайдер сделал один тяжелый шаг ближе к кровати, нависая надо мной как черная скала. — Ты боялась того, что он может узнать.

Воздух в легких окончательно закончился. Он нашел трещину в моей защите и теперь безжалостно давил на нее, ломая меня изнутри без всякой магии кукловода. Психологическая охота началась, и я понимала, что проигрываю её с каждым его словом.

— Интересно, — тихо произнес Ксайдер.

Он не сводил с меня своего взгляда, заставляя воздух в комнате казаться неподвижным.

— Что именно? — резко спросила я, крепче прижимая колени к груди.

— То, как ты реагируешь.

Я нахмурилась, отчаянно пытаюсь удержать маскировку:

— Не понимаю, о чем ты.

— Понимаешь.

Мужчина медленно опустился в кресло напротив кровати. Движение было плавным, будто он пришел сюда не тайно через тройную охрану Рейздана, а на обычную вечернюю беседу. Это спокойствие пугало сильнее открытой угрозы.

— Когда Рейздан говорил о твоей силе, ты боялась, — словно смакуя каждое слово, произнес Ксайдер, и в его баритоне скользнули пугающе мягкие нотки. — Когда Альтарес говорил о магии — тоже.

Он сделал небольшую паузу. Его взгляд стал еще тяжелее, не оставляя мне ни единого места для отступления.

— Но это был не тот страх, — лениво, но со стальной уверенностью вывел он.

По моей спине пробежал холод. Я до боли стиснула зубы, до хруста впиваясь пальцами в колено, и с трудом выдавила:

— О чем ты вообще говоришь?

— Люди боятся за себя, Амира.

Он произнес мое имя медленно, растягивая гласные и внимательно наблюдая за каждым, даже самым крошечным изменением моего лица. Каждая буква в его устах звучала как смертный приговор, от которого невозможно укрыться.

— А ты боишься за кого-то другого.

Нельзя было шевелиться. Нельзя моргать. Нельзя дышать слишком часто. Нельзя показывать этому ублюдку хоть что-то. Разум лихорадочно выстраивал стены, пытаясь запереть внутри образы Митеи и Талии.

Но Ксайдер лишь едва заметно усмехнулся. Этот жест был едва уловимым, торжествующим.

— Вот видишь. Каждый раз, когда разговор касается твоих тайн, ты думаешь не о себе.

Он наклонился вперед, упираясь локтями в колени. Чернильно-фиолетовый свет в его глазах сузился, превращаясь в две хищные точки.

— Значит, есть кто-то еще.

— Ты ошибаешься, — хрипло вытолкнула я из себя, пытаясь удержать ускользающий контроль.

— Возможно.

Лорд Стигии равнодушно пожал плечами.

— Но если бы я ошибался, ты бы сейчас не выглядела такой испуганной.

Не выдержав этого выворачивающего душу взгляда, отвернулась к стене. Кулаки под одеялом сжались так, что ногти вонзились в ладони.

Ксайдер несколько секунд молчал. В комнате стояла такая глубокая тишина, что было слышно, как морозный ветер бьется в оконное стекло. А потом он неожиданно произнес:

— Рейздан считает, что сможет тебя защитить.

Я недоверчиво повернула голову обратно и посмотрела на него. Нашелся, тоже мне, благодетель.

— Защитить? — в моем голосе прорезалась горькая усмешка.

— Да.

В его баритоне прозвучала странная, холодная насмешка. Лорд Ночи явно забавлялся недалёковидностью своего соперника.

— Он уже считает тебя своей.

— Я не принадлежу ему, — отчеканила я, вкладывая в эти слова всю свою ненависть к их проклятым рабским законам. — Ни ему, ни кому-либо еще из вас.

— Конечно, — спокойно отозвался Ксайдер.

Он медленно поднялся на ноги. Его фигура мгновенно заполнила собой половину спальни, отбрасывая длинную, плотную тень на мою кровать. Мужчина неспешно подошел к окну и лениво посмотрел на ночную Целестию, раскинувшуюся далеко внизу своими сияющими сапфировыми скалами.

— Знаешь, что сейчас происходит внизу? — спросил Ксайдер, нарушая воцарившуюся в спальне тишину.

Я промолчала, упрямо сжав губы и не собираясь облегчать ему задачу.

— Рейздан поднял весь свой замок на уши, — продолжил он, и его губы тронула едва заметная усмешка.

Он медленно повернул голову ко мне. Неон в его глазах мягко очертил силуэт у окна, придавая его фигуре еще более зловещий вид.

— Из-за одной человеческой девчонки.

— И что? — резко бросила я, упрямо вздернув подбородок.

— А то, что раньше он бы никогда этого не сделал, — ответил он.

Ксайдер прислонился плечом к стене, лениво скрестив руки на груди. Вся его фигура дышала абсолютным спокойствием, которое давило на меня сильнее любых магических оков.

— Рейздан уже считает тебя своей собственностью, — со стальной уверенностью в голосе добавил Лорд Ночи.

— А ты пришел сказать мне то же самое?

— Нет, — ледяным тоном отчеканил он.

Мужчина сделал шаг вперед, мгновенно убирая разделявшее нас расстояние. Его огромная плотная тень полностью накрыла мою кровать, заставляя меня инстинктивно вжаться в подушки.

— Я пришел сказать, что он ошибается.

В комнате стало тихо. Очень тихо. Лишь морозный ветер за окном продолжал глухо биться в толстые стекла дворца. Каждое слово Ксайдера падало тяжело и уверенно, безжалостно впечатываясь в мой разум.

— Альтарес хочет понять, что ты такое, — тихо продолжил он, делая небольшую паузу. Его взгляд стал еще тяжелее, проникая под кожу и выворачивая душу наизнанку.

— Рейздан хочет запереть тебя в золотой клетке и никому не показывать.

Он наклонил голову, и в его чернильных зрачках промелькнул хищный блеск охотника, настигшего свою добычу.

— А я...

На секунду повисла мучительная пауза. Мое сердце пропустило удар, а пальцы впились в одеяло. Я ждала его приговора.

— Я хочу узнать, что ты скрываешь, — прошептал Лорд Стигии.

Ксайдер тихо усмехнулся. В этой едва заметной ухмылке сквозило пугающее превосходство, от которого по телу побежали мурашки.

— Потому что впервые за сотни лет я увидел нечто, чего не могу объяснить. И именно поэтому ты стала самым опасным существом во всем Этере, Амира.

Его взгляд медленно опустился на мою шею, задерживаясь на том месте, где под воротом сорочки скрывалось сапфировое клеймо созвездия. Кольца в его глазах опасно вспыхнули, и я невольно напряглась. Лорд Ночи сделал шаг ближе, вторгаясь в мое пространство. На скулах жестко заходили желваки.

— Меня бесит эта дрянь, — тихо, но с явным раздражением произнес Ксайдер.

— Что? — резко спросила я.

— Клеймо, — ленивым пояснил он.

Его голос прозвучал резко, почти с физическим отвращением.

— Когда я на него смотрю, мне хочется содрать его вместе с кожей.

В груди неприятно потяжелело, но я упрямо заставила себя выдержать это психологическое давление.

— Это не твоё дело, — процедила я сквозь зубы.

Ксайдер хрипло усмехнулся, ни капли не задетый моей грубостью.

— Уже моё, — возразил он.

Мужчина медленно поднял руку и самым кончиком пальца коснулся моей шеи возле самого края воротника. Легко, едва ощутимо, но от этого прикосновения желудок неприятно скрутило.

— Рейздан думает, что эта дрянь делает тебя его собственностью, — с тихим придыханием продолжил Лорд Стигии.

В его баритоне снова зазвенела опасная насмешка.

— Самоуверенный идиот.

Я резко отдернула голову назад, убирая лицо от его холодных пальцев.

— Мне плевать, что вы оба думаете, — холодно бросила я.

— Верю, — спокойно отозвался Ксайдер.

Он медленно убрал руку, но его взгляд оставался тяжелым, собранным и опасным.

— Но это клеймо всё равно исчезнет.

— Что? — вытолкнула я из себя.

— Ты меня слышала, — Ксайдер наклонил голову, посмотрев прямо мне в глаза. — Рано или поздно я его сотру. И Рейздану это очень не понравится.

На его губах появилась усмешка охотника, который уже просчитал свой следующий ход в этой игре.

— Поэтому, возможно, я сделаю это с особым удовольствием.

Мужчина резко развернулся, стремительным шагом вышел на балкон и в ту же секунду бесшумно, словно призрачный дым, исчез в темной мгле ночной Стигии.

Глава 14

Шаги двух гвардейцев Целестии глухо отдавались от мраморных ступеней, пока они вели меня вниз, на первый этаж дворца. Я шла молча, поправляя плотный шёлк изумрудного платья. Тройной пост охраны у дверей моей спальни ясно давал понять: я по-прежнему оставалась под замком. Но вместо темных подземелий стражники распахнули передо мной резные двери малого обеденного зала и пропустили внутрь.

Я вошла и ошарашенно замерла на пороге.

За круглым столом спокойно сидел Рейздан. Перед ним дымился роскошный завтрак. Мужчина медленно поднял на меня свои карие глаза и вальяжно указал ладонью на противоположное кресло.

— Присаживайся, дорогая, — вкрадчиво, с непривычно мягкой вибрацией в голосе произнес он. — Позавтракай со мной.

В полном шоке уставилась на него, не веря собственным ушам. Никаких ментальных приказов. Никаких стальных нитей кукловода. Ничего. Только его обманчиво спокойный голос.

— Дорогая? — ошарашенно выдохнула я. — С каких это пор?

Я ждала чего угодно: новых кандалов, допросов или того, что меня снова назовут дикаркой или рабыней. Но эта новая игра пугала гораздо сильнее. Находясь в ступоре, я медленно подошла к столу и опустилась в кресло, не сводя с него настороженного взгляда зеленых глаз.

— Ты, наверное голодна, — лениво протянул Рейздан, — Не стесняйся.

Понимая, что голодовкой я ничего не добьюсь, я принялась накладывать себе еду. Я исподлобья следила за каждым его движением — Лорд Целестии спокойно ел, словно вчера на подиуме ничего не произошло. Справившись с замешательством, заставила себя приняться за завтрак.

И тут Рейздан поднял голову, в упор заглядывая мне в душу своим тяжелым взглядом.

— Расскажи мне, Ами... Как ты выживала в Гнили? — спросил он, слегка наклоняя голову набок.

Я замерла с вилкой в руке, мгновенно напрягаясь всем телом.

— Так же, как и все, — огрызнулась я, упрямо удерживая его взгляд. — Искала металл, дралась за корку пресного хлеба и спала в сырости.

— Наверное, тяжело было одной, — медленно, с особым акцентом произнес кукловод. — Удивительно, что ты не умерла от голода или от болезни.

Этот намеренный акцент на моем одиночестве заставил сердце испуганно пропустить удар. В висках застучала кровь.

Не выдержав этой дуэли, я со стуком бросила приборы на стол, резко подалась вперед и яростно выдохнула ему прямо в лицо:

— Какого чёрта происходит, Рейздан?! Это всё... это всё из-за моей метки?! Почему твоё отношение так резко поменялось?!

— Ты полукровка, — спокойно ответил Рейздан, откидываясь на спинку кресла и внимательно разглядывая меня. — Наполовину иверийка. Я просто перестал толкать фигуру, которая уже катится сама.

Нахмурившись, почувствовала, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия. Его слова звучали слишком гладко, слишком расчетливо.

— О чём ты вообще говоришь?

Рейздан проигнорировал мой вопрос. Он плавно переменял тему, и его взгляд стал пугающе пронизательным.

— Что Ксайдер хотел от тебя ночью?

— Откуда... откуда ты знаешь, что он был у меня ночью? — хрипло вытолкнула я из себя, тщетно пытаясь вернуть самообладание.

— Дорогая Ами, я знаю абсолютно всё, что происходит в моём дворце. Так что же он хотел?

В голове крутился ураган мыслей, но до меня быстро дошло: вилить и придумывать отмазки не было никакого смысла. Рейздан всё равно видел меня насквозь. Да и с какой стати я должна была покрывать Лорда Стигии? Мне было абсолютно плевать на Ксайдера, на его тайные визиты и на его высокомерные планы. Это были его личные проблемы, и пусть они с Рейзданом сами перегрызут друг другу глотки. Главное — отвести подозрения от Митеи и Талии.

— Он пришел с какими-то странными разговорами, — ответила я, упрямо скрестив руки на груди.

— Например? — уточнил Рейздан, подаваясь чуть вперед через стол. Его карие глаза хищно сузились.

— Он сказал, что рано или поздно сотрет это клеймо с моей шеи, — я дернула плечом, в упор глядя на кукловода. — И добавил, что тебе это очень не понравится.

Рейздан на секунду замер, а затем снова рассмеялся, отводя взгляд к окну. В его смехе звенело пугающее, торжествующее удовлетворение гроссмейстера, чей первый ход на доске сработал идеально.

— Так и знал, что он зацепится, — произнес он.

Пазл в голове стремительно складывался в одну жуткую картину — меня цинично использовали, разыгрывая как пешку в какой-то чужой, мерзкой партии.

— Ты знал, — не спросила, а констатировала я, до хруста сжимая пальцы на краю стола. — Ты нарочно пустил его в мою спальню сквозь свою охрану.

Я подалась вперед, в упор глядя в его глаза, и процедила сквозь зубы:

— Вам обоим весело играть живым человеком, да? Один заявляется ночью с угрозами, а второй сидит на следующее утро и радуется, что его ловушка сработала. Вы, Иверийцы, просто повернутые на своей власти уроды.

Рейздан лишь лениво окинул меня взглядом, ни капли не задетый моей яростью.

— Я слишком давно знаю Ксайдера, Ами, — произнес он. — Лорд Стигии просто обожает загадки, которые не может разгадать. А ты — как раз одна из таких загадок. Твоя непокорность для него как красная тряпка.

— Во мне ничего нет! — яростно выплонула я ему прямо в лицо, упрямо вздернув подбородок. — Я обычный человек из Гнили. Оставь меня в покое и катись к черту вместе со своим Ксайдером!

— Мы же вдвоем знаем, что ты что-то скрываешь, Ами, — произнес Рейздан, и его голос стал холодным. — Ты не с тем играешь. Тебе не переиграть меня.

Ответом стало молчание. Перечить ему или упрямо доказывать свою правоту сейчас было бессмысленно. Слишком опасно. Чтобы хоть как-то заглушить эту тишину и не продолжать разговор, я опустила взгляд на тарелку и принялась есть, прокручивая в голове его слова.

Рейздан спокойно наблюдал за моим вынужденным молчанием. Внезапно он замер. Мужчина медленно поднял голову, перевел свой пристальный карий взгляд на массивные дубовые двери зала и произнес:

— У нас гости.

Я ошарашенно посмотрела на него, и вилка едва не выскользнула из моих пальцев. «Какие еще, к черту, гости?» Во дворце Целестии после вчерашнего скандала гвардия дежурила на каждом углу, и появление кого-то постороннего в закрытом обеденном зале Лорда казалось невозможным.

В ту же секунду тяжелые резные створки с глухим стуком распахнулись. Стоявший на пороге слуга склонил голову и громко объявил на весь зал:

— Правитель Стигии, Лорд Ксайдер.

Внутри меня всё сокрушительным ударом рухнуло вниз, а кожа мгновенно покрылась ледяным потом. Я застыла в кресле, вжимаясь спиной в мягкую обивку.

«Вот только его мне здесь сейчас не хватало...» — в полном ужасе пронеслось в моей голове, пока черный силуэт Лорда Ночи уверенно переступал порог комнаты.

— Ксайдер, — Рейздан откинулся на спинку кресла и лениво покрутил в пальцах бокал. — Рад тебя видеть.

Лорд Ночи прошел вглубь зала, и его тяжелый черный плащ плавно взметнулся следом.

— Давай без твоих паршивых игр, Рейздан, — Ксайдер окинул стол ленивым взглядом. — Я тоже бесконечно рад созерцать твое лицо.

Рейздан нахмурился, и его карие глаза на долю секунды налились опасной сапфировой синевой.

— Во вчерашнем разговоре ты, кажется, кое-что упустил, — ледяным тоном произнес хозяин замка. — Я ясно дал понять, что эта девчонка остается в Целестии. А ты убираешься обратно к себе в Стигию.

Ксайдер проигнорировал его выпад. Он вальяжно прошел к столу, отодвинул свободный стул и сел, мгновенно разрушая наше уединение.

— Решил присоединиться к вам на завтраке, — спокойно констатировал он.

Взгляд метался между двумя бессмертными монстрами, а спина всё сильнее вжималась в кресло. Между ними в воздухе буквально искрило от бешеного напряжения. Пространство зала казалось наэлектризованным, готовым взорваться от любой искры.

— А пробираться посреди ночи в чужие комнаты в моем дворце — это, по-твоему, тоже нормально? — прямо в лоб спросил Рейздан, буравя соперника тяжелым взглядом.

Ксайдер даже бровью не повел. На его безупречном лице не отразилось ни капли удивления. Он лениво подпер подбородок ладонью и в упор посмотрел на кукловода.

— Это ведь было с твоего личного разрешения, — спокойствием ответил Лорд Стигии. — Я прекрасно знаю, Рейздан: если бы ты действительно захотел меня остановить, я бы ни за что не пробрался сквозь твою охрану. Мне вот только интересно Зачем ты это сделал? Хочешь, чтобы я разгадал тайну этой полукровки вместо тебя? Потому что сам ты додуматься до сути не можешь.

Рейздан цинично хмыкнул, скрестив руки на груди.

— Она уверяет, что никакой магии в ней нет, — равнодушно бросил он, кивнув в мою сторону.

— И я уверен, что ты ей не веришь, — отчеканил Ксайдер.

Мужчина повернул голову ко мне, и его взгляд намертво приковал меня к месту. В глубине его зрачков бешено запульсировал цвет Вечного Затмения.

Мой разум ударом прошла его ментальная сила. Ксайдер безжалостно начал залезать прямо ко мне в голову. Перед моими глазами паническим вихрем снова пронеслись обрывки жизни в Гнили: каменистое поле, дырявая крыша лачуги и кривая кухонька. Я до боли сцепила зубы, изо всех сил выстраивая блоки и сопротивляясь его давлению. Я упрямо смотрела прямо в его фиолетовые кольца зрачков, отказываясь ломаться.

— Хватит копать в её голове, Ксайдер, — резко прервал его Рейздан, и вдоль его предплечья мгновенно взметнулось сапфировое свечение.

Ксайдер лениво убрал силу, и его глаза снова стали темными. Давление мгновенно исчезло. Я схватила ртом воздух. Он перевел холодный взгляд на хозяина замка и спокойно произнес:

— Но мы же оба хотим узнать правду.

— Но не такими методами, — холодно перебил его Рейздан, и сапфировое свечение на его руках стало ярче. — Ты ей просто мозг поджаришь своими грубыми вторжениями.

— Я всё равно докопаюсь до правды, Рейздан, — ровным, вибрирующим силой голосом ответил Лорд Стигии. — Это лишь вопрос времени.

— Это последний раз, когда ты являешься в мой дворец без приглашения, Ксайдер, — отчеканил Кукловод. — Ами остается здесь. И даже если в ней действительно скрыта какая-то магия — это тебя не касается. Я вчера ясно дал понять перед всем Этером: она моя рабыня. На ней стоит моё клеймо. Разговор окончен.

Ксайдер не мигая посмотрел прямо на него. Чернильно-фиолетовый неон в его зрачках вспыхнул с такой бешеной мощью, что тени за нашими спинами уродливо вытянулись по стенам, словно живые. Это была безмолвная, страшная демонстрация силы Лорда Ночи.

Рейздан выдержал этот давящий взгляд, упрямо расправив плечи, и жестко добавил:

— Я думаю, тебе пора.

Я замерла, боясь сделать даже вдох, уверенная, что они прямо сейчас начнут крушить этот зал.

Но Ксайдер лишь медленно поднялся на ноги. Его фигура мгновенно заполнила собой половину пространства, заслоняя утренний свет. Мужчина поправил воротник своего камзола, посмотрел на Рейздана.

— Ты же прекрасно знаешь меня, Кукловод. Если я чего-то хочу — я всегда этого добиваюсь. А я еще не закончил.

Он развернулся и уверенным шагом направился к выходу. Его тяжелый плащ взметнулся, когда двери зала с грохотом закрылись за его спиной, оставляя нас с Рейзданом в тишине.

Стоило дверям за Ксайдером захлопнуться, как в глубине моего черепа сработал жуткий детонатор. На секунду в глазах потемнело. Очередной приступ адской боли Излома ударил по нервам с такой силой, что я едва не соскользнула с кресла.

Пальцы до белых костяшек впились в край стола в отчаянной попытке удержать ускользающее сознание. Зрачки мгновенно расплавились, а глаза бешено загорелись, переливаясь всеми тремя цветами Сводов. Рисунок на позвоночнике и лопатках отозвался жаром под тканью платья.

Перед глазами кровавой лавиной понеслись первые четкие картинки нового пророчества. Я видела пограничные рубежи Этера. Разрыв Излома происходил на самой границе между Стигией и Солярисом, в глухом, Богом забытом месте. Реальность трещала по швам, и из расширяющейся черной бездны уже лезли Энтропы. Их было много — около пятидесяти адских тварей, которые безостановочно вылезали на каменные насыпи.

— Ты в порядке, Амира? — сквозь гул в ушах донесся голос Рейздана.

— Да, — хрипло, едва ворочая языком, выдохнула я, сглатывая слюну. — Просто голова... чуть-чуть заболела.

— Не думаю, что ты настолько сильно огорчилась уходу Ксайдера, — на его безупречном лице снова заиграла ленивая ухмылка. Он вальяжно крутил в пальцах бокал, ведя свою привычную игру. — Я ведь прекрасно вижу, Ами, что в тебе прямо сейчас вспыхнула магия. Твои глаза светятся слишком ярко для обычной головной боли.

Стоило попытаться выпрямиться, как новая судорога скрутила внутренности. Терпеть это было невозможно. Глухо застонав от разрывающей боли, я согнулась пополам, обхватив голову руками и уткнувшись лбом в край стола.

Рейздан мгновенно отложил бокал и поднялся. В два широких шага он оказался рядом со мной, его высокая фигура заслонила утренний свет.

— Расскажи мне, Амира, что именно ты видишь? — потребовал он, наклоняясь ниже.

— Я ничего не вижу! — прошептала я, — Ничего... у меня просто разрывается голова! Оставь меня!

Его воля стальным штырем вонзилась прямо в мой разорванный болью мозг. Находясь в таком состоянии я физически не могла выстроить защитные блоки.

— Рассказывай, что ты видишь, — приказал Кукловод у меня над ухом.

Чужая магия рванула за нервы, и мой рот сам собой открылся вопреки моей воле. Я отчаянно пыталась замолчать, кусала губы, мысленно умоляла себя остановиться, чтобы не выдать Кукловоду свой дар, но у меня ничего не получалось. Дикая боль Излома и чужой ментальный приказ ломали меня пополам, заставляя выплескивать ему всю правду:

— Разрыв... на границе Стигии и Соляриса... — слова вылетали из меня рваными толчками. Я цеплялась пальцами за свои волосы, продолжая говорить сквозь рыдания: — Там... ближе к Гнили. Через два часа барьер рухнет. Они вылезают... Энтропы. Их около пятидесяти, они идут нескончаемым потоком Разрыв не сильный, но они лезут... лезут из бездны!

Адская боль в голове резко отпустила, оставив после себя лишь глухое, давящее эхо в висках. Я тяжело задышала, пытаюсь прийти в себя после этого ментального кошмара, и медленно подняла глаза на Рейздана. На его безупречном лице не осталось и следа от прежней ленивой ухмылки — его карие глаза бешено полыхали сапфировым огнем. Он жадно впитывал каждое мое слово, мгновенно осознавая, какая невероятная, пророческая сила Излома только что открылась перед ним.

— Видения будущего... — произнес он, — Так вот что ты скрывала от нас, Ами.

Мой секрет был полностью растоптан, а защита разрушена. Рейздан сделал один короткий шаг назад от стола, не сводя с моего бледного лица своего взгляда, в котором уже всю выстраивалась новая шахматная партия.

Глава 15

Хрустальный, морозный свет звезд заливал балкон, когда я поймала себя на том, что слишком долго всматриваюсь в парящие скалы Целестии. Пахло озоном, хвоей и чистым воздухом, которого никогда не было в Серой Гнили. Пальцы до боли затекли, сжимая каменные перила, и я медленно отпустила их, растирая ладони. Полдень под вечным ночным куполом Свода ничем не отличался от утра — всё те же гигантские сапфировые утёсы, неоновые синие бутоны цветов на мостовых и мосты, перекинутые через бездну. Настоящий мертвенно-нежный рай.

Но этот рай вызывал у меня только тошноту. В голове до сих пор крутился утренний завтрак. Рейздан играл со мной. Его заботливый тон, еда, это вкрадчивое «дорогая» — всё казалось ловушкой кукловода. Я совсем запуталась и больше не понимала, какой следующий ход.

Сидеть в четырех стенах спальни стало невыносимо. Я развернулась, пересекла комнату и подошла к двери. Хватит. Если я пленница, то хотя бы изучу этот замок. Мне хотелось подняться на самый верх башен, рассмотреть коридоры и переходы, пока есть время.

Ручка двери оказалась холодной. Я нажала на неё, створка плавно, без единого скрипа подалась назад, и я шагнула в длинный коридор гостевого крыла.

И тут же замерла, оглядываясь.

Тройного поста охраны, который Рейздан со скандалом выставил вчера, не было. Коридор встретил меня пустотой. Ни одного гвардейца, ни одной безмолвной рабыни. Что за чертовщина происходит в этом дворце? Ещё утром здесь всё трещало от напряжения, а сейчас замок словно вымер.

Липкий страх комом застрял в горле, но я заставила себя дышать ровнее и быстро пошла вперед. Мои туфли почти бесшумно скользили по гладкому мрамору. Я миновала несколько темных поворотов, запоминая каждый изгиб стен, пока впереди не показалась широкая парадная лестница, ведущая вниз в холл. Но стоило мне дойти до первой ступени, как я резко затормозила.

Внизу, прямо у подножия парадной лестницы, стоял Рейздан. Он лениво опирался ладонью о резные перила, и его карие глаза мгновенно поймали мое появление.

— Ами, — произнес он, и его голос мягко разнесся по пустому холлу. — Я как раз тебя искал.

— Зачем? — резко спросила я, не делая ни шага вниз.

Рейздан оттолкнулся от перил и пошел вверх мне навстречу. В его движениях сквозило пугающее, наигранное гостеприимство. Он вел себя так, словно между нами не было вчерашней сцены на подиуме, сорванного платья и его ментальных приказов.

— Полагаю, я встретил тебя не самым лучшим образом, — произнес он, останавливаясь на пару ступеней ниже меня.

Мужчина плавно протянул мне ладонь, раскрывая её внутренней стороной вверх.

— Мне бы хотелось исправить эту ситуацию. Позволь мне показать тебе свой Свод. Мои земли. Ты ведь ничего не видела в Целестии.

В голове не укладывалось, что в нем так резко изменилось. Неужели всё дело было в том, что вчера на приеме вскрылась моя аномалия? Из-за того, что он увидел мое пророческое видение Излома и понял, какая сила заперта под моей кожей? Только поэтому его отношение ко мне перевернулось за считанные часы?

— Я рабыня, Рейздан, — процедила я, упрямо пряча руки за спину и отказываясь принимать его жест. — Разве с рабынями в твоём дворце принято так обращаться? Приглашать их на прогулки по своим землям?

Рейздан не убрал руку. Он лишь слегка склонил голову набок, и его карие глаза хищно сузились, сканируя мое лицо.

— Амира, — мягко, но с железной уверенностью в голосе произнес он. — Давай просто забудем про аукцион и про то, что я тебя купил. Отныне ты в моем дворце гостя, а не рабыня.

С губ сорвалась насмешка, которую я даже не попыталась скрыть. От этой извращенной, лицемерной логики Иверийцев меня начинало тошнить. Этот мужчина всегда, в каждую секунду своего существования играл людьми. Он видел исключительно собственную выгоду и просчитывал каждый свой вдох. Буквально вчера на Стыке я была для него нищим человеческим скотом, грязным товаром, который можно швырять на стол и ломать ментальными нитями ради забавы. Но стоило ему узнать, что я полукровка со способностью видеть будущее Излома, как я по щелчку пальцев превратилась в «гостью».

Если бы не этот проклятый трехцветный рисунок на моей спине, я бы нафиг ему не сдалась. Я бы прямо сейчас драила его сапфировые мостовые на коленях или гнила в нижней темнице рядом с Итаном. И он даже не скрывал этого. Его фальшивое дружелюбие было шито белыми нитками.

— А ты, как я вижу, совершенно не умеешь быть благодарной, — лениво протянул Кукловод, улавливая мою ярость. — Или ты бы предпочла остаться обычной рабыней и прислуживать Высшим в этом зале до конца своих дней?

В его интонациях скользнул явный, издевательский факт: он давал мне понять, что без своих скрытых сил я для него — пустое место. Я видела его насквозь. Видела этого расчетливого гроссмейстера, который просто менял тактику, чтобы втереться ко мне в доверие и вытащить остальные секреты.

Рейздан выдержал паузу, продолжая удерживать руку перед моим лицом.

— Давай забудем, с чего началось наше знакомство, Ами, — повторил он, и сапфировые кольца в его глазах снова лениво мазнули по моей коже. — И начнем всё заново.

Я молча посмотрела на его раскрытую ладонь. Пальцы едва заметно дрожали от ночного холода, всё еще сидевшего под кожей, но в голове уже щелкнула холодная, расчетливая мысль. «Черт с ним. Я подыграю тебе в эту чушь». Мне в любом случае нужно было выбраться из четырех стен спальни, осмотреть территорию и понять, как устроен этот парящий замок снаружи. Любая лазейка могла стать ключом к спасению Митеи и Талии.

Я протянула руку и опустила свои пальцы в его широкую ладонь. Кожа Рейздана была теплой, а его хватка оказалась на удивление мягкой, но надежной. Мужчина плавно развернулся, увлекая меня за собой вниз по парадной мраморной лестнице холла.

Мы вышли на широкую внутреннюю площадку дворцовой территории. Хрустальный свет огромных звезд Целестии ослепил после полумрака замка, а морозный озоновый ветер мгновенно взметнул подол моего платья. Возле невысокого бортика нас уже ждала та самая массивная серебряная карета. Четверо подтянутых иверийцев в тяжелых полуночных доспехах застыли впереди, их руки слабо пульсировали синей магией.

Рейздан сделал шаг вперед, лично распахнул передо мной тяжелую дверцу кареты и чуть отступил, приглашающим жестом указывая на мягкое сиденье. Я прошла внутрь, шёлковая ткань юбки плавно скользнула по порогу, и я опустилась на прохладную бархатную обивку. Лорд Целестии сел на противоположное кресло, дверца с глухим щелчком захлопнулась, и гвардейцы впереди синхронно взмахнули руками. Карета мягко, без единого толчка оторвалась от площадки и плавно взмыла ввысь.

Карета сделала широкий вираж над бездной, и передо мной во всем своем безупречном величии раскрылась ночная столица Свода. Миллиарды искр расчерчивали темноту неба. Гигантские сапфировые скалы парили друг над другом, соединенные изящными светящимися арками мостов, а крыши полупрозрачных домов переливались глубоким синеватым сиянием.

Из окон экипажа этот город больше не казался мертвенно-нежным — он дышал хрустальной, завораживающей красотой.

Рейздан спокойно наблюдал за тем, как я разглядываю его земли. В его взгляде больше не было той давящей силы, что пугала меня в обеденном зале.

— Мы спустимся чуть ниже, Ами, — произнес он, привлекая мое внимание. — Прокачимся по центральным улицам. Я хочу показать тебе парки Целестии и наши скрытые водные каналы. Вблизи они выглядят совершенно иначе.

Карета пошла на плавное снижение, пролетая под одним из мостов и заходя на посадку прямо в самом центре парящего Свода. Серебряная махина аккуратно замерла на мостовой, которая мягко светилась под колесами.

Рейздан первым поднялся со своего места, открыл дверцу и шагнул на плиты. Он повернулся ко мне, подставил свою крепкую руку, согнутую в локте, и помог мне аккуратно спуститься по ступенькам на землю.

Я помедлила долю секунды, глядя на его безупречный профиль, а затем уверенно перехватила его под руку, опираясь на его сильное плечо. Мы медленно пошли по широкой мостовой вглубь цветущего неоновом парка, и тонкие стволы диковинных деревьев начали плавно смыкаться над нашими головами, укрывая нас своей листвой.

Мы медленно шли по дорожкам парка. Я невольно ловила себя на том, что то и дело смотрю на Рейздана. В его уверенной походке сквозила сила человека, привыкшего командовать и получать желаемое, но сейчас он шел рядом спокойно, подстраиваясь под мой шаг. Эта прогулка до сих пор казалась чем-то неправильным и почти нереальным, но тепло его руки, согнутой в локте, за которую я держалась, было абсолютно настоящим.

Вскоре синие бутоны деревьев расступились, и мы вышли на одну из центральных площадей города. Вокруг нас текли толпы Иверийцев, и я заворуженно рассматривала их. Все Высшие выглядели безупречно: статные, высокие мужчины с подтянутыми фигурами в дорогих колетах и женщины в струящихся шелках. В их правильных чертах лица и идеальной осанке не было ни капли той изнуренности, что клеймила каждого жителя Серой Гнили. Они двигались с ленивой грацией хозяев этого мира.

Я внимательно огляделась по сторонам, подмечая одну странную деталь, и негромко спросила:

— Почему на улицах совсем не видно рабов? Во дворце их много, а здесь — ни одного.

— Рабы редко появляются в самом городе, Ами, — спокойно ответил Рейздан, увлекая меня дальше по мостовой. — В основном их отправляют на городские рынки или в лавки только по особым поручениям хозяев. Хотя, по закону Целестии, они могут передвигаться здесь так же свободно, как и Высшие.

Он сделал небольшую паузу, кивнув в сторону массивной арки, где у блестящих перил застыли двое подтянутых гвардейцев в полуночных доспехах.

— Но если патрули поймают в черте города человека без клейма созвездия, — его баритон на секунду стал жестче, — это считается тяжелейшим нарушением правил Свода. Обычным людям из Гнили находиться здесь запрещено. И это карается немедленной смертью.

— Это для того, чтобы голодные бедняки не бежали в ваши сытые земли? — горько усмехнулась я. — Чтобы не воровали и не устраивали разбоев.

— Да, — прямо и без капли лицемерия подтвердил Рейздан. — Наши законы строились веками. Жители Гнили прекрасно знают, что им не попасть на парящие скалы незамеченными. Любой чужак без метки будет схвачен в первую же минуту. Страх перед казнью — лучший замок для наших границ.

Мы свернули на торговую улицу, и я напрочь забыла о его страшных словах. Город не был похож на тесные, убогие деревушки или заваленные мусором рынки Стыка. Вокруг тянулись

изящные полупрозрачные домики лавок с витринами из чистейшего хрусталя. Все вывески светились, а за стеклами поблескивали диковинные товары.

У одной из ювелирных лавок я инстинктивно притормозила. Мой взгляд намертво приковал к себе бархатный поднос, на котором лежали тончайшие ожерелья. Я замороженно подавалась вперед и, не удержавшись, аккуратно взяла в руки одно из них. Тонкие серебряные нити переплетались с крошечными сапфировыми искрами, которые в моих пальцах загорелись хрустальным звездным светом.

— Какая красота... — едва слышно выдохнула я, бережно очерчивая подушечкой пальца холодные драгоценные камни. После серости трупоб эта вещь казалась осколком самого неба.

Рейздан даже не стал рассматривать ожерелье. Он лишь мазнул взглядом по моим сияющим глазам, повернулся к ошарашенному продавцу и коротко бросил:

— Заверните. Я забираю его.

В полном шоке я уставилась на Кукловода, едва не выронив украшение обратно на поднос. Щеки мгновенно вспыхнули жаром, а сердце испуганно заколотилось в груди.

— Что? Нет, Рейздан, зачем?! Мне это не нужно, я просто посмотрела!

— Тебе идет этот свет, Ами, — мягко перебил он меня, забирая из рук торговца бархатную коробочку.

Мужчина аккуратно открыл её, достал ожерелье и, зайдя мне за спину, плавно приподнял мои распущенные волосы. Его холодные пальцы легонечко, дразняще скользнули по моей коже, застегивая замок. По позвоночнику прошел электрический разряд, а сердце на мгновение сбилось с ритма.

Весь оставшийся день превратился в какое-то безумное, сладкое наваждение. Рейздан был невероятно обходительным, заботливым и внимательным. Он лично показывал мне скрытые водные каналы, где хрустальная вода с тихим журчанием текла по желобам прямо между парящими скалами, и подставлял свое сильное плечо каждый раз, когда мы переходили через крутые ажурные мосты. Я полностью забыла, что этот мужчина — опасный ментальный монстр и безжалостный Кукловод Свода. Мне было по-настоящему хорошо с ним. Я искренне смеялась над его редкими шутками, с удовольствием принимала его легкие, мимолетные прикосновения к моей ладони и чувствовала себя не бесправной зверушкой, а желанной Высшей гостьей, ради которой Лорд готов перевернуть весь свой безупречный мир.

После прогулки мы вернулись во дворец. На парящей террасе малого зала рабы уже накрыли ужин. Хрустальные бокалы отражали свет звезд Целестии, а легкий озоновый ветер шевелил подол моего платья. Все страхи на время отступили. Вечер казался спокойным. Я сделала небольшой глоток вина, посмотрела на Рейздана и решила задать вопрос, который давно не давал мне покоя.

— Вы всегда враждовали с другими Сводами? — тихо спросила я, нарушая тишину.

Рейздан отложил приборы. Он лениво откинулся на спинку кресла и устремил взгляд в темное небо.

— Нет, Ами, — спокойно ответил он. — Давным-давно, когда мой отец еще правил Целестией, между нами был мир. Точнее, его видимость.

Я нахмурилась, ставя бокал на стол.

— Что тогда случилось? В Гнили я слышала истории о том, как Свод неба разделился и появились эти осколки. Но никто не знает правды.

Рейздан едва заметно усмехнулся. Его карие глаза в полумраке террасы казались бесконечно глубокими.

— Люди в Гнили мало что понимают, — произнес он. — В те времена миром правили три могущественных Лорда. Каждый из них обладал колоссальной, почти безграничной силой. Это были наши родители.

— Но если они были Лордами... как они погибли? — я подалась вперед. — Я думала, Иверийцы бессмертны.

— Мы не умираем от старости или болезней, это правда, — Рейздан повернул голову ко мне. — Иверийцы растут быстро, как обычные люди, примерно до двадцати лет. А потом наше время просто замедляется. Нас можно убить в бою. Энтропы могут забрать наши жизни, или другие Иверийцы.

— Так почему же небо расколосось? — спросила я.

— Из-за слепой жадности, — в голосе Кукловода прорезалась холодная сталь. — Раньше Свод неба над Этером был единым. Но Лорды не могли поделить территории. Сначала это были обычные мелкие столкновения на границах. Но с каждым десятилетием конфликт становился всё кровавее. Погибали армии, уничтожались целые города, гибли тысячи людей и Иверийцев.

Рейздан сделал небольшую паузу, и его пальцы сильнее сжались на ножке бокала.

— Три Лорда со своими армиями сошлись в одной точке. В ярости они одновременно выпустили всю свою первородную магию. Столкновение было настолько сокрушительным, что само небо не выдержало этого удара. В тот день единый Этер расколосся. Небо над материком буквально разорвалось на части. Море поднялось, горы сдвинулись, сама реальность навсегда изменилась.

— И так появились наши Своды? — тихо выдохнула я, пытаюсь осмыслить услышанное.

— Да, — кивнул Рейздан. — Единый мир исчез навсегда. Изменились и сами Иверийцы, наша прежняя общая магия разделилась на три части. Наша кровь обрела цвет своих покровов. Так возникли три великих региона: Вечный Зенит Соляриса, Вечное Затмение Стигии и Вечный Звездопад Целестии.

Я опустила взгляд на свои ладони, лихорадочно складывая куски этой древней истории.

— А Энтропы? — я снова посмотрела на него. — Они ведь тоже появились тогда?

— Именно, — Рейздан сузил глаза. — Раны, оставшиеся в самой ткани мира после той катастрофы, так и не затянулись до конца. Это и есть Изломы. Именно из этих трещин пространства спустя годы начали появляться Энтропы. Существа, которых невозможно назвать ни людьми, ни зверями. Они словно родились из обломков разрушенной реальности, остатков древней магии и осколков пространства после Великого раскола. С тех пор минули века

— Значит, сам мир наказал вас за жадность, — тихо произнесла я, не отрывая взгляда от его лица.

Рейздан оказался удивительным, завораживающим рассказчиком. Я ловила себя на том, что с каждым его словом мне становится всё интереснее разгадывать этого мужчину. Изглодавшийся по знаниям разум впитывал историю Этера, а внутри росло странное, новое для меня притяжение к Лорду Целестии.

Мужчина перевел взгляд на мою руку, лежащую на столе. Его длинные пальцы плавно скользнули по скатерти и мягко накрыли мою ладонь. Я замерла, остро ощущая тепло его кожи, но руку не убрала. Я осталась сидеть неподвижно, глядя в его потемневшие карие глаза.

— Можно сказать и так, — ответил Рейздан, и его большой палец едва заметно погладил мою кожу. — Появление Энтропов — это цена нашей гордыни. Существа, способные убивать бессмертных Иверийцев, родились как кара за то, что наши отцы не смогли поделить земли. Этер вернул нам долг кровью.

— Значит, не только люди в Гнили страдают, — я горько усмехнулась, чувствуя, как его тепло разливается по моим пальцам.

— Страдают все, Ами, — Рейздан чуть сжал мою ладонь. — Возможно, ваш народ погибает от голода, нищеты и болезней в трущобах. Но мы, Иверийцы, точно так же умираем на Изломах, сгорая в когтях Энтропов. Смерть просто приходит к нам в разном обличье.

Услышанное никак не укладывалось в голове, но один вопрос всё равно продолжал мучить меня. Самый болезненный.

— Я всё равно не понимаю, — я посмотрела на наши сцепленные руки. — При чём здесь обычные люди? Почему Этер так жестоко наказал человеческий род, заперев нас в Серой Гнили? Что люди сделали не так?

Рейздан вздохнул, и его ухмылка на секунду исчезла.

— До Великого раскола люди и Иверийцы жили на одной земле, — спокойно начал он объяснять. — Да, человеческая раса всегда была слабее, у вас не было магии Сводов. Но люди не были бесправным скотом. Вы были обычными слугами, селились в наших городах, работали во дворцах, и за этот труд вам платили золотом. Не было никакого рабства. Но когда мир треснул на части, всё изменилось. Каждый Свод замкнулся в себе, а выжившие люди оказались отрезаны и заперты в Серой Гнили — на клочке бесплодной, отравленной земли.

Он замолчал, и его взгляд стал пугающе холодным.

— Мир раскололся, и все стали намного злее, Ами. Но рабство в Серой Гнили... его создали не Иверийцы.

Я ошарашенно подняла на него глаза. В ушах поднялся глухой гул.

— О чем ты? — хрипло спросила я.

— Люди, запертые в нищете, первыми начали продавать друг друга, чтобы выжить, — безжалостно отчеканил Рейздан, и каждое его слово било наотмашь. — Те самые Ищейки, которые сегодня держат в страхе все трущобы, ловят девчонок и парней, ломают им жизни и везут на аукционы — это ведь не Иверийцы, Ами. Это люди. Ваши же соплеменники организовали этот грязный бизнес веками назад. Не мы превратили людей в рабов. Это ваш собственный народ сделал это с вами. Мы лишь покупаем то, что вы сами продаете.

Я застыла в глубоком, парализующем шоке. Разум истошно отказывался верить, но я прекрасно, до тошноты понимала: он говорит чистую, горькую правду. Это были не бессмертные монстры. Это наши собственные люди из Гнили ради мешка крупы и лишнего глотка чистой воды предавали своих же, и продавали Высшим. Омерзение к собственному роду удушливой волной подкатило к горлу, и я бессильно прикусила губу, не в силах вымолвить ни слова.

Рейздан молча наблюдал за тем, как с моего лица стремительно сходит краска. Он не торопил меня, давая этой страшной правде полностью осесть в моей голове. Наконец мужчина поднял ладонь и сделал короткий, едва заметный жест в сторону дверей. Из полумрака террасы тут же беззвучно вынырнули рабы.

— Уберите всё, — ровным тоном приказал Рейздан.

Слуги с поразительной скоростью очистили стол от серебряных блюд, хрустала и остатков ужина, оставив скатерть совершенно пустой. Рейздан проводил их ленивым взглядом и добавил:

— И принесите шахматы.

Я оторвала взгляд от своих рук и ошарашенно посмотрела на него:

— Шахматы? Зачем?

— Хочу сыграть с тобой, Ами, — спокойно ответил он, даже не меняясь в лице.

— Я не умею, — отрезала я, упрямо скрестив руки на груди. — В Гнили не до настольных игр, там пытаются не сдохнуть до утра.

В этот момент рабы вернулись, бережно опустив на стол тяжелую, высеченную из цельного обсидиана доску и бархатную шкатулку с фигурами. Рейздан не спеша открыл крышку. Плиты террасы заливал мягкий хрустальный свет звезд, когда Лорд Целестии принялся одну за другой расставлять резные фигуры на черно-белые клетки.

— Это не сложно, — произнес он, и его длинные пальцы уверенно коснулись короля. — Послушай меня, Ами... Большинство игроков совершают главную ошибку: они проигрывают свою партию еще до первого хода. Потому что смотрят только на свои фигуры, забывая про чужие мысли.

С раздражением наблюдая за его движениями, я всё сильнее хмурилась. Фигуры Высших Иверийцев выглядели пугающе красиво.

— Иногда на доске приходится жертвовать пешкой ради великой победы, — Рейздан плавно выставил в первый ряд мелкую резную фигурку воина. — Пешка думает, что она идет вперед сама, но на самом деле её просто двигает чужая рука. Понимаешь?

Я молчала, абсолютно не понимая, к чему он всё это объясняет. Зачем этот бред с правилами среди ночи? Это ведь была всего лишь обычная игра.

— Твой ход, — Рейздан вальяжно откинулся на спинку кресла, приглашающе указав ладонью на доску.

Я сделала глубокий вдох и наугад двинула одну из фигур вперед, просто чтобы побыстрее закончить этот фарс. Рейздан лениво усмехнулся и сделал встречный ход, попутно объясняя мне, как ходят кони и офицеры. Мы поиграли всего несколько минут, но я быстро начала злиться. Я играла чистыми эмоциями. Стоило Рейздану выставить под удар своего коня, как я, поддавшись азарту, тут же бросилась спасать свою мелкую пешку на другом фланге, пытаясь защитить её от его нападения.

Рейздан отреагировал мгновенно и с пугающим хладнокровием. Он даже не посмотрел на мою попытку спасения — его ладья одним плавным движением пересекла доску, и Лорд Целестии спокойно заколотил и забрал половину моей доски, подчистую вырезая все мои тылы.

Взгляд намертво прилип к опустевшим клеткам. Внутри всё закипало от обиды и замешательства.

— Вот поэтому ты и проиграла, Ами, — произнес он, глядя на мое растерянное лицо.

— Потому что я хотела спасти фигуру? — яростно выплюнула я ему прямо в лицо. — Это, по-твоему, ошибка?!

— Нет, — Рейздан наклонился чуть ближе через стол, и его глаза стали бездонно-темными. — Ты проиграла потому, что увлеклась одной мелкой деталью и забыла про всю партию целиком. Ты спасала пешку, пока я забирал у тебя всё.

В этот момент между нами в воздухе буквально искрило от бешеного, давящего напряжения. Я смотрела в его пронизательные глаза и с леденящим ужасом понимала: этот мужчина не просто сидел напротив меня. Рейздан жил стратегией. Каждое его слово, каждый взгляд, каждый вдох были просчитаны на сто ходов вперед. Он сам был главной, несокрушимой фигурой на этой доске, а у меня — обычной девчонки из Гнили — никогда не было и не будет ни единого шанса переиграть великого Кукловода Свода.

Рейздан поднялся со своего кресла и протянул мне руку. Я на секунду замешкалась, глядя на его широкую ладонь, но затем аккуратно вложила в нее свои пальцы. Он уверенно сжал их и помог мне встать.

— Надеюсь, тебе понравилась прогулка, Ами, — произнес он, не выпуская моей руки. — И время, которое мы провели вместе.

Я подняла голову и внимательно посмотрела на него. В полумраке террасы его мужественное лицо с резкими скулами казалось невероятно спокойным. Я вглядывалась в его глубокие карие глаза. Прямо сейчас, без воздействия силы, его зрачки были абсолютно обычными, темными и глубокими. В них не горело то пугающее сапфировое пламя магии кукловода, которое обычно лишало меня воли. И именно сейчас, глядя в этот чистый, искренний взгляд, я впервые за все дни пребывания в его дворце поймала себя на странной мысли. Мне действительно понравилось. Мне было хорошо с ним. Весь этот день, его забота, ожерелье на моей шее и эта долгая беседа стерли из памяти весь прежний ужас.

Рейздан плавно увлек меня за собой, провожая обратно через тихие, залитые синеватым светом коридоры дворца. Мы дошли до дверей моей спальни, и он остановился, заставив меня развернуться к себе лицом.

Мужчина поднял руку. Его пальцы едва ощутимо, дразняще коснулись моей щеки, очерчивая линию челюсти. Я вздохнула, разум панически закричал, что нужно немедленно отшатнуться, убрать лицо и сбежать за дверь. Но мое тело словно приросло к мраморному полу. Я почему-то не сделала ни одного движения назад. Сердце бешено заколотилось в груди, а внутри всё болезненно сжалось. Я совершенно не понимала, что происходит с моим телом и почему мое собственное сопротивление предательски рухнуло.

Рейздан плавно наклонился к самому моему лицу. Его горячее дыхание обожгло губы, заставляя меня затаить дыхание. От него исходила такая мощная, притягательная мужская сила, что воздух между нами казался раскаленным.

Он остановился в каком-то сантиметре от моих губ, заглядывая в мои растерянные зеленые глаза, и вкрадчиво прошептал:

— Спокойной ночи, Ами.

Он отстранился, убрал руку и одарил меня своей ленивой ухмылкой. Я поспешно открыла дверь спальни и юркнула внутрь, прячась в темноте комнаты. Сердце продолжало испуганно биться о ребра, а в голове удушливым набатом крутился только один вопрос: что это, черт возьми, сейчас было?

Глава 16

Потолки библиотеки уходили так высоко вверх, что шпили книжных стеллажей терялись в глубоких, полупрозрачных тенях. Под ногами глухо шуршал мягкий ковер. Здесь пахло старой кожей, сухими чернилами и тем самым озоновым, леденящим воздухом Целестии, который проникал сквозь узкие стрельчатые окна.

Я медленно вела пальцами по корешкам старинных фолиантов, вчитываясь в тусклые серебряные тиснения. «Великая война Сводов», «Хроники расколотого Этера», «История Вечного Звездопада»... Тысячи свитков и тяжелых книг хранили в себе тайны бессмертных, к которым обычному человеку никогда не было доступа.

Но мысли мои были заняты совершенно другим. Ладони до сих пор помнили тепло рук Рейздана, а на шее, прямо над рабским клеймом, едва ощутимо весило ожерелье, купленное им вчера в городе.

Внутри меня шла жестокая ментальная борьба. Как бы обходительно и заботливо ни вел себя Рейздан, я не была душой. Люди из Серой Гнили не выживают, если верят в сказки. Я не могла вслепую довериться Иверийцу, который еще пару дней назад ломал мою волю своими невидимыми марионеточными нитями. Один день не мог изменить монстра. Возможно, я ошибалась. А возможно — всё это являлось лишь очередной, самой изощренной и опасной игрой великого Лорда, решившего втереться ко мне в доверие.

И всё же... я запуталась. Разум превратился в сплошное месиво из противоречий. В какой-то момент, когда Рейздан подставлял мне свое сильное плечо или бережно касался пальцами моей щеки, я видела в нем мужчину. Умного, сильного, пугающе притягательного правителя, рядом с которым мое тело предательски замирало, отказываясь подчиняться здравому смыслу. Мне искренне понравился вчерашний день. Нам было хорошо вместе. Но в следующую секунду перед глазами вспыхивал образ Кукловода, безжалостно срывающего с меня одежду на глазах у Высших, и к горлу подкатывала тошнота.

«Меня ждут Талия и Митея, — я до крови прикусила губу, силой выдерживая себя из этого плена иллюзий. — Я должна любыми способами выбраться из этого проклятого дворца. Ради них. Чего бы мне это ни стоило».

Сделав несколько медленных вдохов, я заставила себя успокоиться. Если Рейздан решил поиграть в гостеприимство, я приму его правила. Буду вести себя спокойно, покорно и послушно, пока ищу лазейку наружу.

Я потянула на себя тяжелый, обитый потемневшим серебром свиток, надеясь отыскать среди древних текстов хоть какое-то упоминание о таких, как я. Должно же быть хоть что-то про полукровок. Хоть какая-то зацепка, объясняющая, почему под моей кожей горит трехцветный огонь Излома.

— Если ты ищешь ответы на то, кто ты такая, Ами — раздался за моей спиной тихий, бархатный баритон.

Я испуганно вздрогнула, едва не выронив свиток, и резко развернулась.

Рейздан стоял всего в паре шагов от меня, лениво прислонившись широким плечом к массивному стеллажу. Я даже не почувствовала, как он вошел. Его карие глаза смотрели на меня спокойно, без прежней хищной ухмылки, но взгляд прошивал насквозь.

— ...то в этих книгах ты ничего не найдешь, — размеренно закончил Лорд Целестии, делая шаг ко мне и заглядывая в мое бледное лицо. — За все века существования Этера после Великого раскола ты — первая полукровка, которая родилась на этих землях. Ты ходячий парадокс, и хроники прошлого тебе не помогут.

— Я не понимаю, — произнесла я, медленно возвращая серебряный свиток на полку и стараясь унять внезапную дрожь в пальцах.

Я развернулась к нему, чувствуя, как лицо заливают смущенный, горячий румянец. Задавать такие вопросы бессмертному Лорду было неловко, но любопытство и страх оказались сильнее гордости.

— Неужели за все эти века... ни у кого из Высших не рождались дети от рабынь? — я отвела взгляд в сторону, разглядывая ковер под ногами. — Вы ведь... ну... вы же спите с человеческими женщинами.

Рейздан искренне рассмеялся, отчего по залу разнеслось мягкое эхо. Он оторвался от стеллажа и сделал еще один шаг ко мне, так что я ощутила тонкий запах его дорогих масел и морозного озона.

— Дело вовсе не в рабынях, Ами, — спокойно ответил он, и в его глазах промелькнул серьезный, холодный блеск. — То, о чем ты говоришь — это еще одно проклятие Этера, обрушившееся на нас после Великого раскола.

Я нахмурилась, упрямо возвращая свой взгляд к его карим глазам.

— Какое проклятие?

— До катастрофы всё было иначе, но после того, как единое небо разорвалось на части, природа Иверийцев изменилась навсегда, — Рейздан закинул руки в карманы брюк, и его голос стал глубже. — Во-первых, от союза Иверийца и человека никогда, ни при каких условиях не рождаются дети. Кровь Сводов просто выжигает человеческое семя, это биологически невозможно. Между нашими расами веками стояла стена.

Он наклонил голову, пристально сканируя мое ошарашенно застывшее лицо.

— А во время Великого раскола изменилась и сама магия нашей крови. Осколки Сводов больше не способны смешиваться между собой. Если женщина-иверийка из Целестии разделит ложе с воином из Соляриса или Стигии, у них никогда не будет потомства. Наша кровь принимает и продолжает жизнь только внутри своего собственного Свода. Рождение ребенка возможно лишь тогда, когда оба родителя принадлежат к одному и тому же региону.

Воздух в легких мгновенно закончился, а разум превратился в звенящую, леденящую пустоту.

«Боги... Мы не просто аномалии, — в полном, парализующем шоке подумала я, вцепившись пальцами в ткань платья. — Мы ходячий, невозможный кошмар для всего этого мира».

В моей голове паническим вихрем крутились его слова. Если Иверийцы веками физически не могли иметь детей от людей, а магия Сводов намертво отторгала чужую кровь, то наше существование ломало все законы вселенной. Внутри меня, внутри Талии и внутри Митеи каким-то безумным образом не просто выжила кровь бессмертных — в нас сошлись, переплелись и ужились все три расколотых осколка Этера. Целестия, Солярис и Стигия. Мы были тройным, запретным парадоксом, который никогда не должен был появиться на свет.

Рейздан молча наблюдал за тем, как с моего лица стремительно сходит краска. Его карие глаза хищно сузились, фиксируя мою панику, и на его губах снова медленно поползла ленивая, обещающая усмешка кукловода, который заставил свою пешку замереть в глубоком ужасе.

— Значит, во мне три осколка, — тихо повторила я, заставляя свой голос звучать ровно, хотя в груди всё клокотало.

— Верно, Ами, — Рейздан сделал шаг вперед, сокращая расстояние между нами. Он лениво скользнул взглядом по моим волосам. — В тебе уживаются все три Свода. Возможно, твоя кровь несет в себе связь с каждым из регионов Этера.

«Связь со всеми Сводами Боги, неужели поэтому на приеме у каждого из них в глазах загорелось это дикое желание обладания?» Картинка того столкновения вспыхнула в памяти. Лорды синхронно встали со своих мест, их радужки полыхали магией, и в каждом взгляде читалось одно и то же: они хотели забрать меня себе. Каждый жаждал обладать этой неизвестной силой.

И тут до меня дошло то, от чего по коже покатился настоящий, леденящий холод. Ребенок. Если какая-то из его теорий окажется правдой. Что, если дитя от полукровки трех Сводов унаследует силу всех трех великих Лордов? Это же будет абсолютное, несокрушимое оружие, способное перевернуть весь Этер. «Неужели Рейздан удерживает меня здесь именно ради этого? Ради сильного наследника, который подчинит ему весь мир?» От этой мысли к горлу подкатила удушливая тошнота.

Я глубоко выдохнула, пытаясь унять кашу в голове, и в упор посмотрела на него. Нужно было перевести тему, увести его мысли подальше.

— И что ты думаешь? — я упрямо вскинула подбородок. — Раз во мне три осколка, ты считаешь, я способна на что-то большее, чем просто видения?

Рейздан лениво улыбнулся. Его глаза оставались темными, но в них читался лихорадочный, хищный азарт исследователя.

— Да, Ами, — спокойно ответил он. — Я считаю, что твоя магия сейчас просто спит.

Я нахмурилась, отступая на полшага назад и опираясь поясницей в стеллаж с книгами.

— Что ты имеешь в виду?

— Хотя ты и полукровка, но в твоём теле заперты три могучих осколка Этера, — Рейздан подался вперед, нависая надо мной. — Я не верю, что ты совершенно не обладаешь никакой магией. Скорее всего, эта сила просто еще не проснулась внутри тебя.

— Это невозможно, — ответила я, качая головой. — Столько лет я жила в Серой Гнили, каждый день боролась за выживание, и во мне никогда не было ни капли магии. Никакой силы.

Рейздан задумчиво прищурился, продолжая свою тонкую, неспешную игру. Он протянул руку и кончиком пальца легонько поддел прядь моих русых волос, убирая её с лица.

— Это нам еще предстоит раскрыть, дорогая Ами, — тихо произнес он. — Тайны Излома не открываются по первому щелчку.

Замерев под его пальцами, я чувствовала, как внутри всё сжимается от паники. Абсолютно не понимала, что этому человеку нужно от меня на самом деле. Чего он добивался? Возможно, он действительно считал, что я смогу управлять магией всех трех Сводов. Или планировал запереть меня в золотой клетке, чтобы я родила ему сильного наследника с силой троих. Любая из этих теорий пугала до дрожи.

Я вспомнила про Талию и Митею. Какая судьба ждет меня и моих девчонок, если Рейздан окажется прав? Нас просто разорвут на части. Великие Лорды Этера устроят кровавую бойню за право обладать такой силой, и девчонок вытащат из подвалов Гнили, превращая в таких же бесправных подопытных. Я обязана была во что бы то ни стало молчать и бежать из этого сапфирового ада, пока его ловушка не захлопнулась окончательно.

Пытаясь унять колотящееся сердце, я задумчиво провела пальцами по тяжелому кожаному переплету соседней книги. Но стоило коснуться шероховатого тиснения, как глубоко в черепе сработал жуткий детонатор. На секунду в глазах полностью потемнело.

Очередной приступ адской боли Излома ударил по нервам с такой силой, что у меня потемнело в глазах. Я глухо застонала, хватаясь руками за голову. Разум мгновенно затопило дикое, ослепляющее марево, и перед закрытыми глазами кровавой лавиной понеслись четкие, страшные кадры нового пророчества.

Прямо на границе Целестии и Серой Гнили реальность трещала по швам. Пространство Свода крошилось, как тонкое стекло, и из расширяющейся черной бездны Излома уже лезли Энтропы, готовые нести смерть.

Ноги предательски подкосились, и я начала стремительно валиться на пол, теряя контроль над собственным телом. Но упасть мне не дали. Рейздан среагировал мгновенно. Его сильные руки мертвой хваткой перехватили мою талию, подхватывая на весу и не позволяя рухнуть на ковер. Мужчина с силой прижал мое дрожащее тело к своей твердой груди, бережно удерживая меня в своих надежных объятиях.

— Амира! — его голос прозвучал прямо над моим ухом. В нем сквозило чистое, глубокое волнение. — Что ты видишь? Расскажи мне, Ами.

Я до хруста в челюсти сцепила зубы, из последних сил сдерживая рвущийся из груди крик. Боль разрывала мозг, а его теплое, крепкое присутствие было единственным, что удерживало меня в сознании. Скрывать магию больше не было смысла — я задыхаясь от спазмов, принялась выдавливать из себя слова:

— Твоя граница... — каждая буква давалась с колоссальным трудом, я сильнее вжималась лбом в его плечо. — Граница Целестии и Гнили... Там Излом. Он открывается.

Рейздан еще крепче прижал меня к себе, укрывая от всего мира, и его ладонь мягко легла на мою спину, пытаясь успокоить эту бешеную, непрекращающуюся дрожь.

— Сколько у нас есть времени? — тихо, но собранно спросил он, и его дыхание обожгло мой висок.

— Часа два... — сквозь слезы боли прошептала я, цепляясь пальцами за ткань его дорожного колета. — Не больше двух часов, Рейздан.

Леденящая вспышка в моей голове начала стремительно гаснуть. Адская боль резко отступила, оставив после себя лишь глухое, давящее эхо в висках.

Тяжело дыша, я медленно приходила в себя в его руках и смотрела прямо в его глаза. Мой взгляд полыхал расплавленным неоновым светом Излома, выдавая всю аномалию трех Сводов. Но Рейздан даже не вздрогнул. Он смотрел на меня своими глубокими карими глазами — обычными, темными и пугающе нежными. Мужчина бережно поднял руку и ласково, успокаивающе провел ладонью по моим распущенным волосам, убирая влажные от слез пряди с лица.

— Всё закончилось, Ами, — произнес он, продолжая удерживать меня в этом кольце своих сильных рук. — Всё уже позади. Ты в безопасности.

Прижатая к его груди в полумраке огромной библиотеки, я смотрела в его глаза и чувствовала, как между нашими телами буквально искрит раскаленный воздух. В этот момент окончательно стерлась грань между расчетливой игрой Кукловода и тем, что происходило сейчас.

— Ты поедешь со мной, Ами, — твердо произнес Рейздан, помогая мне удержать равновесие. — Моя армия выдвигается немедленно. Ты покажешь точное место разрыва, чтобы мы встретили Энтропов в ту же секунду, как они полезут из бездны. Мы должны отбить удар сразу, на самой кромке, чтобы твари не прорвались вглубь Свода.

Всё, на что меня хватило под этим давящим, пронизательным взглядом — это просто покорно кивнуть.

— Не бойся, — тише добавил он, и его пальцы в последний раз ласково коснулись моих волос. — Ты будешь со мной. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось на этой границе.

Его слова звучали настолько уверенно и надежно, что внутри вопреки здравому смыслу на секунду разлилось странное тепло. Рейздан плавно отстранился, помогая мне встать на ноги, и окинул взглядом мое платье.

— Тебе нужно переодеться, — Кукловод кивнул в сторону выхода из библиотеки. — Платье не подойдет. Надень плотные штаны и куртку для верховой езды. На каретах к самому Излому не подобраться, там слишком крутые скалы и ядовитые испарения Гнили. Мы отправимся верхом на целестах. Приведи себя в порядок, у тебя есть пятнадцать минут.

Я молча развернулась и быстрым, почти судорожным шагом покинула огромный зал библиотеки. Мои туфли глухо стучали по мрамору коридоров, пока я возвращалась в свою спальню.

Этот мужчина пугал меня до безумия. Его внезапная, обжигающая близость, эта нежная забота в руках, его обещание защитить меня на поле боя — всё это уродливой лавиной сносило

мои защитные барьеры. Я ловила себя на страшной мысли, что начинаю тонуть в его присутствии, начисто забывая, какую опасную партию ведет этот Лорд.

Задумавшись, я совершенно потеряла бдительность. На одном из темных поворотов перехода я на всем ходу врезалась в кого-то очень большого и крепкого.

От неожиданности я испуганно отпрянула назад, едва не запутавшись в длинной шёлковой юбке. Передо мной, покорно согнув голову и опустив плечи, застыл мужчина в простой рабской тунике. Но его широкие плечи и литые мышцы показались мне слишком знакомыми.

— Итан? — едва слышно выдохнула я, округлив глаза. — Это ты?

Мужчина поднял голову, огляделся по сторонам и, убедившись, что в коридоре никого нет, облегченно выдохнул:

— Амира.

— Как как тебя выпустили? — я сделала шаг к нему, лихорадочно соображая. — Почему ты больше не в темнице, не в этой железной клетке? Что произошло?

— Я сам до сих пор в шоке, — Итан горько, но тихо усмехнулся, бросив быстрый взгляд на потолок. — Вчера вечером меня выволокли из каземата. Оказывается, мой прежний Высший хозяин официально отказался от меня, посчитав бракованным бойцом после того бунта на ринге. Но Лорд Рейздан неожиданно сжалился. Сказал, что я слишком хороший воин, чтобы сгнить в подвале, и дал мне второй шанс. Меня перевели на службу во дворец.

— На какую службу? — нахмурилась я.

— Теперь я надзиратель над другими рабами, — Итан дернул плечом. — Должен присматривать за прислугой, следить за порядком во дворцовом крыле и делать так, чтобы среди людей не было никаких бунтов или разборок. Я сам удивился такой щедрости, Ами. Но самое главное — я весь день искал тебя.

Он подался чуть ближе, и его голос упал до едва различимого, заговорщицкого шепота, от которого сердце пропустило один тяжелый удар.

— У нас появился реальный шанс, Ами. Теперь, когда меня вытащили из кандалов, я могу спокойно разгуливать по дворцу. Я уже начал осматривать посты, запоминать смены гвардейцев и искать скрытые лазейки на нижних ярусах. Мне нужно буквально немного времени, чтобы всё подготовить и спланировать до мельчайших деталей. Я вытащу нас отсюда.

Радостная лавина облегчения затопила мою грудь. До этого момента, сидя в четырех стенах, я твердо знала: если я решусь на побег, то обязательно вернусь в подвалы и попытаюсь открыть замок его клетки. Но теперь Итан был на свободе. У меня официально появился сильный, преданный союзник прямо внутри этого проклятого замка.

— Неужели... неужели мы правда сможем сбежать? — взволнованно прошептала я, чувствуя, как на глазах закипают слезы надежды.

— Тише, — Итан мягко предостерег меня, косясь на пустую арку коридора. — Не говори об этом вслух. Я найду тебя сам, как только полностью разучнаю расписание стражи и составлю безупречный план. А сейчас иди. Нам нельзя стоять вместе слишком долго.

Быстро кивнув ему, изо всех сил удержала на губах счастливую улыбку и почти бегом направилась к своей спальне.

Глава 17

Застыла у массивной арки, ведущей на огромную поляну с противоположной стороны дворца. Рабыни в спальне быстро управились: на смену изумрудному шёлку пришли плотные кожаные штаны, высокая обувь и жесткая приталенная куртка, а русые волосы служанки туго перехватили на затылке. Но стоило мне выйти наружу вслед за Рейзданом, как весь мой боевой настрой мгновенно испарился.

Я впервые видела армию Целестии. На бескрайней изумрудно-синей поляне, уходящей к самому обрыву парящей скалы, плотными рядами выстроились сотни Иверийцев в тяжелых полуночных доспехах. Но страшнее всего были их верховые звери.

Целесты. В Серой Гнили до сих пор водились обычные рабочие лошади — замороженные, худые, привычные человеку. Эти существа отдаленно напоминали их очертаниями и крупными размерами, но на этом любое сходство заканчивалось. В них было гораздо больше от тех огромных адских псов, что напали на меня в лабиринте. Вальяжные, поджарые хищники с мощными лапами, покрытые жесткой, лоснящейся шерстью, нетерпеливо переступали с ноги на ногу. Их длинные клыки скалились, а из пастей вырывалось тяжелое, рокочущее рычание. Их глаза слабо, но зловеще пульсировали тем самым глубоким сапфировым неоном. Было очевидно: эти твари тоже несли в себе часть проклятой магии осколков. Они выглядели ужасно противными и смертельно опасными.

— Мы поедем на этом? — я ошарашенно повернулась к Рейздану, указывая пальцем на ближайшего монстра, который как раз глухо зарычал и забил копытами по земле.

Рейздан посмеялся над моим выражением лица. Он шел впереди, уверенно чеканя шаг в своих глухих боевых доспехах, которые делали его плечи еще шире.

— Не бойся, Ами, — весело отозвался он, даже не оборачиваясь. — Они безобидные.

— Я бы очень сильно поспорила насчет их безобидного вида, — огрызнулась я, изо всех сил стараясь не выдать, как у меня подкашиваются ноги от одного взгляда на эти клыкастые пасти.

Мужчина снова усмехнулся, останавливаясь возле самого крупного, вожака стаи, чья шкура отливала металлом под хрустальным светом звезд.

— Они просто так выглядят, — Рейздан повернулся ко мне, и его карие глаза обманчиво тепло заблестели. — Наездников они никогда не трогают. Тем более ты поедешь со мной. Иди сюда.

Мне было до безумия страшно и противно даже приближаться к этой клыкастой твари, от которой веяло сырым, звериным жаром. Но выбора не было. Рейздан уверенно перехватил меня за талию. Его сильные руки с легкостью приподняли мое тело, помогая забраться на широкую спину целеста. Жесткая шерсть монстра неприятно колола ноги даже через плотную кожу штанов. Зверь под моим весом недовольно глухо рыкнул, заставив меня вцепиться пальцами в переднюю луку седла.

В следующую секунду Рейздан одним плавным движением взлетел следом, усаживаясь прямо позади меня. Его облаченное в доспехи тело монолитной скалой прижалось к моей спине, намертво блокируя любые пути к отступлению. Сильные руки Лорда уверенно легли поверх моих, перехватывая поводья и буквально обнимая меня сзади, беря под защиту.

Он наклонился к самому моему уху, и его горячее дыхание коснулось кожи.

— Ами, — мягкой вибрацией в баритоне прошептал он прямо мне в раковину. — Ты со мной. С тобой ничего не случится.

Сердце на мгновение сбилось с ритма от его низкого, бархатного голоса, прозвучавшего слишком близко. Рейздан заговорил именно с той стороны шеи, где чуть ниже уха горело его сапфировое клеймо созвездия.

Этот контраст сработал как удар под дых. Сперва меня крупно передернуло от этой интимной, пугающей близости и от того, как бережно и надежно он закрывал меня своим телом. Но в ту же секунду метка на шее болезненно ожила. Клеймо созвездия не запылало огнем, но неприятно, предупреждающе заныло, обдавая кожу сухим, стягивающим жаром. Этот короткий укол боли мгновенно отрезвил меня, разбивая вдребезги всю иллюзию его заботы. Метка жестко напоминала: не смей забываться, Амира. Не смей тонуть в его голосе. Ты для него — всего лишь вещь. Всего лишь его рабыня.

Я до хруста сцепила зубы, загоняя румянец обратно и превращаясь в холодный, неподвижный камень в его руках.

Рейздан резко натянул поводья, целест под нами издал оглушительный рев, и вся огромная армия Целестии синхронно сорвалась с места, устремляясь с парящего утеса прямо вниз, навстречу пылающим разрывам Излома.

— Выдвигаемся на границу с Гнилью! — громовым голосом скомандовал Рейздан, и этот приказ мгновенно разнесся над рядами армии.

Целест под нами мощно оттолкнулся от земли, и мы с дикой скоростью сорвались с места. Ветер с силой ударил мне в лицо, выбивая из легких остатки воздуха. Я зажмурилась на секунду, а когда открыла глаза, то едва не вскрикнула от удивления. Пейзаж вокруг превратился в сплошную, смазанную сине-черную полосу. Эти звери не просто бежали. Они мчались с какой-то нереальной, пугающей скоростью, едва касаясь копытами плит мостовой. Они словно порхали над бездной, перепрыгивая огромные расселины между парящими скалами так легко, будто гравитация Свода на них вообще не действовала.

Превозмогая бешеное сопротивление ветра, я с трудом повернула голову и посмотрела на Рейздана.

Вблизи его лицо казалось каменной маской. Но самое главное — его глаза прямо сейчас бешено полыхали ослепительным сапфировым огнем. Тонкие кольца магии пульсировали вокруг его зрачков, наливаясь тяжелой силой.

— У вас... у вас какая-то связь с этими монстрами? — крикнула я, перекрывая свист ветра и яростный рокот сотен копыт за нашей спиной.

Рейздан слегка наклонил голову к моему лицу, и его сапфировый взгляд на мгновение мазнул по моим глазам. На его губах, несмотря на скорость, играла всё та же уверенная ухмылка.

— Да, Ами, — ответил он, и его низкий голос прозвучал на удивление четко, пробиваясь сквозь грохот скачки. — Когда я активирую свою магию, между мной и целестом образуется прямая ментальная связь. Я буквально заставляю зверя ускоряться, делясь с ним частью своей энергии. В этот момент мы становимся единым целым, и он беспрекословно подчиняется каждому движению моих мыслей.

Я отвернулась обратно, крепче вцепляясь в луку седла и пытаюсь переварить услышанное. Этот мужчина управлял не только людьми. Его нити могли подчинять себе даже этих жутких хищников, заставляя их лететь вперед на грани невозможного. Армия Целестии стремительно приближалась к рубежу, а впереди уже сквозь ядовитые туманы проступали очертания места будущего прорыва, обещающая скорое и неизбежное столкновение с Энтропами.

— Какое именно место ты видела, Ами? — выкрикнул Рейздан, когда впереди сквозь пелену тумана наконец показалось пульсирующее сапфировое марево границы Свода.

Я приподнялась в седле, преодолевая бешеный поток воздуха, и уверенно указала пальцем вперед, в сторону глухого стыка скал:

— Вон там! Посередине, прямо у рубежа с Гнилью и Целестией! Вон за тем выступом!

Рейздан резко перехватил поводья, направляя нашего целеста в указанную сторону. Вся армия единым грозным монолитом перестроилась на лету вслед за вожакom. Мы стремительно

приближались к кромке парящего утеса, и когда до сияющего барьера оставались считанные метры, я истошно крикнула ему прямо в ухо:

— Это здесь! Стой!

Повинуясь ментальному приказу Лорда, хищники синхронно затормозили, взрывая копытами землю. Колонна замерла, не доезжая до мерцающей границы Свода. Стояла звенящая, напряженная тишина, нарушаемая лишь тяжелым рычанием целестов и свистом ветра.

— Прошло почти два часа, — произнес Рейздан, не сводя глаз с барьера. — Значит, с минуты на минуту. Приготовиться!

Позади нас послышался стремительный топот, и к нам на своем крупном звере подскочил Дарэн. Лицо командира было суровым, а рука сжимала рукоять тяжелого меча.

— Лорд! Все готовы к бою! — отрапортовал он, бросив быстрый взгляд на меня.

— Отлично, — Рейздан резко развернулся ко мне, и его доспехи глухо звякнули. — Дарэн, позови верного солдата. Амира останется в тылу, под его присмотром.

Командир коротко кивнул и отдал приказ. Из первых рядов тут же выделился подтянутый, рослый ивериец. Рейздан мягко, но уверенно перехватил меня за талию и с легкостью помог пересесть в седло к своему воину. Перед глазами всё плыло, я ухватилась за ремни чужой сбруи, а Лорд Целестии в упор посмотрел на подчиненного. Его глаза на секунду вспыхнули ледяным сапфировым огнем.

— Ты отвечаешь за неё головой, — отчеканил он, и в его баритоне звенящей сталью прорезалась жуткая, непреклонная угроза. — Если с её головы упадет хоть один волос — я лично содрю с тебя кожу живьем. Держитесь как можно дальше от разлома и не вмешивайтесь.

Взгляд сам метнулся к Рейздану. Внутри снова всё перевернулось от его бешеного, неприкрытого волнения за мою жизнь. Но времени на размышления не осталось.

Прямо перед нами реальность Этера начала ломаться.

Мерцающая стена Свода, вдруг запульсировала и пошла уродливыми, рваными зигзагами. Раздался оглушительный, потусторонний треск, от которого заложило уши, а земля под копытами целестов мелко задрожала. Прямо посреди пространства, разрывая марево, поползла черная трещина. Она расширялась на глазах, извиваясь как живая змея, и из этой жуткой бездны Излома со свистом вырвался ледяной, мертвенный туман, мгновенно поглощая свет звезд. Граница Свода рухнула, открывая проход в истинную преисподнюю.

Из черной трещины Излома с оглушительным свистом повалил леденящий дым. И в ту же секунду из бездны с потусторонним хрустом, от которого у меня заложило уши, хлынула лавина Энтропов.

Я намертво застыла в седле целеста. Сердце колотилось так сильно, что ребра ломило от боли. Накатил парализующий страх. Энтропов мне уже доводилось видеть раньше, но масштабы этой катастрофы заставили кровь застыть в венах. В них не было ничего человеческого или звериного. Это была жуткая, меняющаяся масса, сотканная из застывших ключев дыма и острейших осколков пространства, которые выглядели как парящие куски битого зеркала. Сквозь них проглядывали оголенные кости и дикая магия.

Монстры передвигались со страшным скрежетом, ломаясь при каждом шаге и с сухим треском выворачивая собственные суставы. У них полностью слезли глаза, они были слепы, но их пустые морды синхронно повернулись в сторону армии.

— В бой! — приказ Рейздана разорвал тишину Свода. — Держать кромку! Не дать им ступить на плиты!

Армия Целестии отреагировала моментально. Лорд вместе с Дарэном первыми бросились в самую гущу прорыва. Гвардейцы на целестах пошли на таран. Воздух наполнился оглушительным лязгом сотен клинков, звоном бьющегося зеркального пространства и утробным ревом чудовищ. Земля под нами непрерывно ходила ходуном.

Рейздан дрался в первых рядах. Его тяжелый клинок с плеча разрубал дымные тела монстров, заставляя осколки разлетаться в пыль. Дарэн не отставал от своего повелителя, точными ударами мечей снося одну тварь за другой. Армия действовала как единый стальной капкан.

Прямо на моих глазах один из Энтропов вывернул шею и мертвой хваткой вцепился в подскочившего всадника. Тварь не вонзила зубы, но парящие зеркальные куски вокруг неё запульсировали. Магия воина начала стремительно иссякать, буквально высасываясь из его тела прямо в черное нутро монстра.

Воздух вокруг них мгновенно стал ледяным, до боли забивая легкие. До меня долетел удушливый, тошнотворный запах жженой плоти и серы, смешанный с металлическим ароматом чужой крови. Звон бьющегося пространства, сопровождавший каждое движение монстра, смешался со страшным, свистящим хрипом, с которым сила иверийца уходила в бездну. Ивериец истошно закричал, его глаза закатились, а изо рта и ушей хлынула густая синеватая кровь, пачкая обсидиановую шерсть зверя. Мужчина бессильно обмяк в седле и рухнул вперед.

Я зажала рот ладонью, едва сдерживая крик ужаса. От этого зрелища меня едва не вывернуло наизнанку. В ушах звенело от дикого грохота, лязга стали и потустороннего воя, а земля под копытами целеста непрерывно ходила ходуном.

Но в этот же миг до моего разума дошло нечто странное. Несколько Энтропов прорвались чуть глубже, проскочив мимо мечей Дарэна, и со скрежетом промчались в нескольких метрах от нашего тылового поста. От их дымных, рваных тел повеяло таким могильным холодом, что у меня мгновенно сдавило грудную клетку, а по коже покатились волны колючих мурашек. Я инстинктивно сжалась, зажмурилась и прижалась к спине гвардейца, ожидая смертельного удара, но монстры даже не повернули пустые безглазые морды в мою сторону.

Они проигнорировали меня, обычного человека, чье сердце панически билось в груди. Мимо меня пронесся лишь шлейф их ледяного тумана и хруст выворачиваемых суставов. Твари бросились прямо на соседа-гвардейца, чья магия горела ярким огнем, полностью подчиняясь своему голоду.

«Им не нужно человеческое мясо, — ошарашенно подумала я, содрогаясь от каждого удара мечей. — Они слепы к людям. Их единственная еда — чистая магия Иверийцев. Мы для них просто пустое место».

— Закрывать брешь! Левый фланг, щиты! — безостановочно выкрикивал приказы Рейздан, и его баритон перекрывал весь этот адский грохот битвы.

Его глаза пылали. Рейздан находился в самом центре сражения, и одно его присутствие словно придавало воинам новые силы. Армия Целестии сражалась яростно и слаженно, не позволяя Энтропам прорвать рубеж. Рейздан выглядел несокрушимым. Он сокрушал тварей клинком, а когда натиск стал слишком плотным, Лорд вскинул ладони вперед. Из его рук вырвались мощные, плотные жгуты чистой энергии, которые, словно живой таран, смели целый ряд Энтропов, зашвыривая их обратно в бездну. Мечи гвардейцев методично добивали уцелевших, превращая их в гаснущий пепел.

Сила Рейздана буквально вколачивала чудовищ обратно в бездну, не оставляя им шанса. Когда последний Энтроп с глухим воем рухнул в трещину, Лорд Целестии сделал глубокий вдох, направил обе ладони прямо в жерло Излома и высвободил сапфировую волну, запечатывая проход.

Пространство вздрогнуло. Черная змея раскола со страшным гулом начала сжиматься. Края Свода поползли навстречу друг другу, и через секунду стена реальности намертво захлопнулась, возвращая барьеру его прежнее мерцающее сияние. Тяжелый дым начал медленно рассеиваться в морозном воздухе. Всё было кончено.

Солдат помог мне слезть на землю. Ноги едва держали, и я все еще пребывала в глубоком шоке от увиденного. Сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами до сих пор стояла

эта жуткая, меняющаяся зеркальная масса Энтропов и синеватая кровь раненого всадника. Потрескавшаяся кромка Излома казалась краем самой настоящей преисподней.

Рейздан подошел ко мне уверенным шагом. Его тяжелые доспехи глухо звякнули. Не говоря ни слова, он притянул меня к себе и чуть приобнял, закрывая от холодного ветра.

— Испугалась? — спросил он.

Меня все еще крупно трясло. Рейздан обнял меня крепче, утыкаясь подбородком в мои волосы, и мягко поцеловал в макушку. Этот жест был настолько неожиданным и теплым, что я даже не попыталась отстраниться. Я просто уткнулась лицом в его жесткий наплечник, тяжело хватая ртом морозный воздух.

— Никогда не видела ничего настолько жуткого... — выдохнула я, содрогаясь от воспоминаний. — Это просто ходячий кошмар.

— Всё закончилось, Ами, — тихо произнес он, и его ладонь успокаивающе легла мне на спину. — Теперь всё позади. С твоей помощью Целестия всегда сможет точно знать, когда и где появится очередной разлом. Мы сможем предотвратить любую катастрофу. Энтропы больше никогда не доберутся до нашего города незамеченными.

Внутри меня шевельнулось странное чувство. Я не была злой и уж точно не желала Иверийцам мучительной смерти от когтей этих слепых чудовищ. Осознание того, что мои видения помогут спасти жизни, принесло мимолетное облегчение. Каким бы жестоким ни было их отношение к рабам, после вчерашней истории Рейздана о происхождении Ишеек я начала смотреть на этот мир иначе. Не бессмертные монстры превратили людей в товар. Люди сделали это сами.

Но Рейздан отстранился, заглядывая мне в лицо, и его губы тронула холодная ухмылка.

— Зато другие Своды будут продолжать дохнуть, — ровным тоном добавил он, и в его глазах вспыхнул опасный блеск.

В моей голове будто что-то со скрежетом повернулось. Облегчение мгновенно сменилось ужасом, а пазл в сознании начал складываться в совершенно иную, уродливую картину. С помощью моих пророчеств Целестия станет неприступной крепостью, пока Солярис и Стигия будут медленно истекать кровью, по кусочкам скармливая свои армии прорывам Излома. Рейздан не собирался спасать Этер. Он планировал использовать меня как идеальное, скрытое оружие, чтобы выиграть вековую войну с Ксайдером и Альтаресом, просто дождавшись, пока их регионы истощат себя сами.

Я ошарашенно смотрела на его мужественное, спокойное лицо, чувствуя, как мысли окончательно превращаются в неуправляемую кашу. Я совсем запуталась. Кто он? Заботливый мужчина, защитивший меня на поле боя, или расчетливый гроссмейстер, который видит во мне лишь редкий, выгодный инструмент для уничтожения своих врагов? Я не понимала, что Рейздану на самом деле нужно от меня, и эта пугающая неизвестность давила сильнее любого ментального поводка.

Глава 18

Мы вернулись во дворец. Тяжелые двери парадного холла глухо закрылись за нашими спинами, отсекая морозный ветер Целестии. Рейздан лениво отстегнул крепления наручей, и его доспехи звякнули в тишине.

— Иди отдохни, Ами, — спокойно произнес он, поворачиваясь ко мне. — Ты устала. После всего, что ты сегодня увидела на Изломе, тебе нужен покой.

— Теперь мне будут сниться исключительно кошмары, — выдохнула я.

И тут вся его обходительность и бережная забота, которую он проявлял на поле боя, мгновенно испарились. Лорд Целестии резко сделал шаг вперед. Прежде чем я успела сообразить, его сильная ладонь жестко легла на мою талию, и Рейздан одним мощным движением прижал мое тело к себе, напрочь лишая возможности сдвинуться с места.

— Я могу помочь тебе расслабиться, — прошептал он прямо мне в губы.

Я ошарашенно уставилась на него, и мое сердце испуганно пропустило удар. Внутри всё заледенело от его внезапной, дикой резкости и этой пугающей, секундной смены масок. Из надежного защитника он за миг снова превратился в опасного, непредсказуемого хищника. Я инстинктивно уперлась ладонями в его твердую грудную клетку, пытаюсь оттолкнуть бессмертного Лорда.

— Отпусти меня, — прерывисто, едва сдерживая накотившую панику, выплюнула я ему в лицо.

Рейздан лениво склонил голову набок, явно упиваясь моим испугом, но продолжать напор не стал. Он плавно разомкнул пальцы и отступил на шаг назад, вальяжно закинув руки в карманы брюк.

— Иди отдыхай, — повторил он.

Освободившись, я практически побежала прочь. Я стремительно взлетела по широкой мраморной лестнице на второй этаж, пронеслась по пустым коридорам гостевого крыла и ворвалась в свою спальню.

Бессильно опустившись на край кровати, я обхватила колени руками и попыталась выровнять рваное дыхание. Меня мелко трясло. Разум панически крутился вокруг Рейздана, превращаясь в сплошное месиво из противоречий. Мне нужно было немедленно, любыми способами убираться из этого дворцового кошмара. Я окончательно перестала понимать, что мне думать о нем, о его извращенных ментальных играх и скрытых планах. Его намерения и мотивы были заперты за железным замком, и я не могла предугадать ни одного его следующего шага. Он то оберегал меня от смерти, то выставлял рабыней на подиуме, то ласково целовал в макушку, а теперь — снова сжимал до боли, напоминая о своей власти.

Внезапно в тишине комнаты раздался тихий, осторожный стук в дверь.

— Войдите, — удивленно и настороженно вывела я, приподнимаясь с матраса.

Дверь медленно приоткрылась, и в спальню бесшумно проскользнул мужчина в простой рабской тунике, тут же закрывая за собой проход.

— Итан?! Что ты здесь делаешь?

— Амира, я всё подготовил, — Итан быстро подошел ко мне, говоря едва различимым шепотом. — Завтра вечером мы сможем уйти. Через поляну позади дворца, где собиралась армия.

Я вслушиваясь в его слова. Надежда острой иглой прошила грудь.

— Там крутые скалы, пешком нам не спуститься к Гнили, — продолжал он, косясь на дверь. — Поэтому я тайно подготовлю одного целеста. Спрячу его в кустах на окраине поляны. Но есть проблема. Гвардейцы часто разбивают лагерь прямо там, у подножия башен. Если они будут на месте, мы не прорвемся к зверю. Нас схватят в первую же секунду.

В голове мгновенно шелкнул утренний кошмар в обеденном зале. Пазл сложился, и я резко вскинула на него глаза:

— У меня есть идея.

— Какая? — Итан нахмурился, всматриваясь в мое лицо.

— Я скажу Рейздану, что у меня снова было видение, — решительно ответила я, сжимая кулаки. — Скажу, что Излом опять открылся.

Мужчина ошарашенно отступил на шаг, округлив глаза:

— Какое еще видение, Ами? О чем ты говоришь?

— Не бери в голову, — отмахнулась я, не собираясь тратить драгоценные секунды на объяснение лора полукровок и пророческого дара. — Главное, что он мне поверит. Я отправлю его и всю армию на противоположную сторону Целестии. Скажу, что прорыв готовится на стыке с Солярисом. Рейздан снимет все посты и уведет гвардию туда, а для нас граница с Гнилью останется полностью свободной.

Итан долго молчал, взвешивая мои слова. В темноте спальни его лицо казалось каменным.

— Ты уверена, что у тебя получится его обмануть? — тихо спросил он. — Ты понимаешь, чем мы рискуем, если этот Кукловод почует ложь?

— Уверена, — твердо отчеканила я, заставляя свой голос не дрожать. — У меня получится.

— Хорошо, — Итан решительно кивнул и сделал шаг обратно к выходу. — Тогда будь готова. Завтра вечером, как только стемнеет, я приду за тобой.

Он уже взялся за ручку двери, собираясь бесшумно выскочить в пустой коридор, но я не выдержала и тихо позвала его вдогонку:

— Спасибо тебе, Итан. За всё.

Мужчина обернулся, его губы тронула теплая, подбадривающая улыбка, и в следующую секунду он бесшумно растворился в темноте перехода, оставляя меня наедине с бешено колотящимся сердцем.

Быстро переделась в простую ночную сорочку, смыла с лица дорожную пыль и устало опустилась на постель. Тело ломило от напряжения. Мне жизненно необходимо было выспаться и набраться сил перед завтрашним днем. Ведь завтра — побег. Завтра решится всё.

Свернувшись калачиком под тяжелым одеялом, я закрыла глаза и почти мгновенно провалилась в тяжелый, душный сон.

Но отдых принес лишь новый кошмар. Мне снился Излом. Небо над головой с оглушительным треском разорвалось, обнажая черную бездну. Прямо из этой трещины лавиной хлынули Энтропы. Они окружили меня плотным кольцом, щелкая зеркальными осколками своих тел. Один из монстров со страшным скрежетом вывернул шею и мертвой хваткой вцепился в мои плечи. Острые куски пробili кожу, и тварь начала жадно высасывать мою разноцветную кровь. Я чувствовала, как вместе с ней уходит сама жизнь. Я отчаянно пыталась закричать, позвать на помощь, но из горла не вылетало ни звука. Голос просто пропал.

Я резко открыла глаза и рывком села на кровати, тяжело лоя ртом воздух.

Грудь высоко вздымалась, а лоб покрылся холодной испариной. Приступ паники постепенно отступал, возвращая в реальность. В спальне стояла кромешная темнота. Лишь хрустальный свет звезд Целестии едва заметно проникал сквозь балконное окно, очерчивая силуэты мебели.

Я попыталась успокоить бешеное биение сердца, как вдруг замерла. Воздух в комнате казался неестественно холодным. Пахло морозной ночью и чем-то чужим, терпким.

В паре метров от кровати, прямо у стены, неподвижно стояла темная тень. Сердце ухнуло куда-то вниз, а по спине пробежал липкий холод.

— Кто здесь? — хрипло, едва удерживая дрожь в голосе, спросила я в темноту, инстинктивно натягивая одеяло до самого подбородка.

Тень медленно отделилась от стены и сделала первый шаг в мою сторону, заставив воздух в комнате окончательно остыть.

— Ты можешь сопротивляться ментальным приказам Рейздана, — раздался ледяной голос Ксайдера, ломая звенящую тишину.

Он шагнул вглубь спальни, и хрустальный свет звезд Целестии плавно скользнул по его фигуре. Рядом с ним комната вдруг показалась теснее. Антрацитово-черный плащ тяжелыми складками тянулся за спиной, а руки он лениво держал в карманах брюк. В глубине его темных глаз медленно разгоралось фиолетовое сияние Вечного Затмения.

— Но во сне человек слишком уязвим, — продолжил он, делая еще шаг к кровати. — Чтобы бороться с моей силой, Амира, тебе нужно нечто большее, чем просто упрямство.

Я испуганно сжалась, понимая, что до сих пор нахожусь под впечатлением от жуткого кошмара с Энтропами. Пророческие кадры, где тварь высасывала мою кровь, до сих пор стояли перед глазами.

— Что ты здесь делаешь? — выплюнула я в темноту, сильнее прижимая к себе одеяло.

— Я же говорил тебе, что люблю загадки, которые не могу объяснить, — Ксайдер усмехнулся. В этой тихой ухмылке сквозило пугающее превосходство. — Но с тобой всё оказалось слишком легко. И даже неинтересно.

Сердце испуганно пропустило удар, а разум затопила ледяная лавина паники. «Неужели он догадался?.. — в полном ужасе пронеслось в мыслях. — Он прочитал мой кошмар? Он увидел Излом и девчонок в моей голове?»

Лорд Ночи мгновенно поймал эту микрореакцию. Он замер в паре шагов от постели, нависая надо мной как черная скала.

— Твои эмоции так быстро меняются, маленькая рабыня, — произнес он, и в его голосе прорезалось опасное удовлетворение. — И они настолько сладкие... Я буквально чувствую твой страх на вкус.

— Проваливай отсюда! — я резко вскочила с кровати, напрочь забыв о том, что на мне лишь тонкая ночная сорочка.

Я подлетела к нему вплотную, упрямо вздернув подбородок. Ярость вытеснила остатки страха, требуя защищать свои границы.

— Вон из моей комнаты, пока я не закричала!

Ксайдер лишь лениво приподнял бровь, ни капли не напуганный моим выпадом. Чернильно-фиолетовый неон в его зрачках вспыхнул с новой силой, заполняя всю глубину его глаз.

По венам лавиной ударил импульс, от которого у меня внизу живота тугой судорогой скрутилось желание. Я замерла, ошарашенно ловя ртом воздух, пока этот внезапный огонь заставлял мои ноги подкашиваться.

Мужчина сделал шаг вперед, сокращая расстояние между нами до нескольких сантиметров. Он медленно поднял руку и плавно провел ладонью по моей шее, спускаясь ниже к ключицам. Тонкая ткань сорочки слегка просвечивала под хрустальным светом звезд, и Ксайдер, не разрывая зрительного контакта, дразняще мазнул пальцами по груди, задевая мой напряженный сосок. Из моего горла вырвался тихий вздох.

— Что бы вы с Рейзданом ни задумали, маленькая рабыня, — произнес он, наклоняясь еще ближе к моему лицу, — пусть он знает, что у вас ничего не выйдет. Я всегда на шаг впереди.

Разум кричал, умоляя меня немедленно отшатнуться, ударить его или сбежать, но тело полностью отказывалось повиноваться. Я понимала, до безумия отчетливо понимала, что хочу его. Хочу, чтобы этот опасный мужчина прямо сейчас сорвал с меня сорочку.

Я сделала попытку отодвинуться назад, разрывая эту удушающую близость, но Ксайдер среагировал молниеносно. Его сильная ладонь жестко перехватила мою талию, одним мощным

рывком притискивая мое безвольное тело к своей груди. Мужчина низко нагнулся к моим губам. Напор его стал сильнее, он оказался настолько близко, что почти коснулся моих губ. Намеренно и жестко он протиснул свою ногу между моих ног, видя, как сильно я их зажимаю в попытке совладать со своим телом. Я затаила дыхание, а в мыслях паническим набатом билась лишь одна безумная потребность — я до дрожи в коленях хотела, чтобы этот поцелуй наконец случился.

Лорд Стигии замер в миллиметре от моего рта, упиваясь моей беспомощностью и тем, как вздымается моя грудь. На его губах заиграла хищная ухмылка охотника.

— Видишь, Амира? — прошептал он мне прямо в губы. — Я могу сломать тебя даже без прикосновения. Могу заставить тебя умолять по одному щелчку пальцев.

Он разомкнул свои железные объятия, лишая меня опоры и заставляя покачнуться. Фиолетовый огонь в его глазах медленно угас, возвращая им привычную темную бездну. Ксайдер отступил на шаг, поправил полы своего черного плаща и бросил на меня последний взгляд:

— Запомни: если ты решишь играть заодно с Кукловодом против меня, я уничтожу тебя первой. И сделаю это с особым удовольствием.

Ксайдер повернулся, уверенно переступил порог балкона и вышел на свет звезд. Я застыла посреди спальни, сквозь прозрачное стекло безотрывно наблюдая за его силуэтом. Его фигура на мгновение превратилась в неподвижную черную тень на фоне ночного неба. Вокруг него вспыхнула плотная дымка черной магии, полностью поглощая этот темный контур, и Ксайдер просто испарился.

Тьма рассеялась. Балкон оказался пуст. Я осталась стоять одна, хватая ртом холодный воздух и пытаюсь унять предательскую дрожь в руках.

Всю оставшуюся ночь и половину следующего дня я просто пролежала в кровати, уставившись в потолок и наотрез отказываясь подниматься. Мне не хотелось видеть вообще никого. Внутри выжгло абсолютно всё, и единственным желанием было, чтобы все эти Иверийцы раз и навсегда исчезли из моей жизни. Ксайдер со своими леденящими кровью угрозами, Рейздан со своими изощренными ментальными играми, которые я до сих пор не могла разгадать. Они превратили мою душу в руины. Но я прекрасно знала: мне необходимо взять себя в руки. Я обязана была сыграть эту последнюю партию. Мне нужно было пойти к Рейздану и хладнокровно обмануть его, соврав про новое видение Излома, чтобы вечером он вместе со своей гвардией покинул дворец. Только так мы с Итаном сможем сбежать.

Желания видеть Лорда Целестии не было вообще. Кое-как преодолевая свинцовую тяжесть в теле, я заставила себя сползти с матраса и подошла к ростовому зеркалу в углу спальни.

Из полупрозрачного стекла на меня смотрело измученное отражение. Глаза казались невероятно уставшими, вокруг них залегли темные тени от бессонницы и вечного страха. Я медленно повернула голову через плечо и опустила взгляд на шею, где чуть ниже уха уродливым синеватым огнем пульсировало клеймо созвездия. В груди мгновенно закипела глухая, яростная злость. Глядя на этот рабский знак, я с пугающей отчетливостью подумала, что, возможно, никогда не смогу стереть эту дрянь со своей кожи. Она останется со мной навсегда, напоминая о пережитом.

Но вслед за яростью пришло другое воспоминание, заставившее меня вздохнуть. Талия. Митея. Перед глазами вспыхнули родные лица девчонок, запертых в клетках на нижнем рынке Стыка. Я отчетливо вспомнила ту ночь, когда мы, прижимаясь к ржавым прутьям, дали друг другу нерушимую клятву. Что бы ни случилось, как бы жестоко нас ни раскидал этот проклятый мир, мы будем бороться до последнего вдоха и обязательно найдем друг друга. Я не имела права ломаться. Наша клятва была сильнее моих страхов.

Решимость лавиной затопила сознание, выжигая остатки слабости. Всё, время пришло. Мне нужно пойти к Рейздану и соврать так правдоподобно, чтобы этот чертов Кукловод ни на

секунду не усомнился в реальности моего пророчества. От того, насколько искусно я сыграю свою роль, зависела свобода моей семьи.

Я сделала глубокий вдох, собирая волю в кулак, и подошла к массивному платяному шкафу. Дверцы плавно поддались, открывая ряды дорогих, тяжелых нарядов Иверийцев. Выбрав простое, закрытое платье, я принялась переодеваться, мысленно прощаясь с сапфировыми стенами этого замка. Обратного пути не было. Завтрашний день я встречу на свободе, либо не встречу вовсе.

Я толкнула массивную дверь спальни и вышла в коридор. Шаги давались с трудом, но я упрямо шла вперед, пока не наткнулась на одного из гвардейцев, застывшего у панорамного окна.

— Где я могу найти Лорда Рейздана? — спросила я, стараясь не выдать дрожь в голосе. Ивериец вежливо склонил голову и указал рукой на дальнее крыло замка:

— Правитель у себя в кабинете. Прямо по переходу до конца.

Кивнула и пошла в указанном направлении. Возле тяжелых дверей из темного дерева остановилась. Сердце колотилось как бешеное. Заставила себя сделать глубокий вдох, собрала в кулак всю оставшуюся волю и осторожно постучала.

— Войди, — донесся изнутри его ровный, глубокий баритон.

Я толкнула створку и шагнула внутрь, мгновенно замирая на пороге. Кабинет Рейздана дышал строгой роскошью. Сам он восседал за огромным столом, высеченным из цельного обсидиана, заваленным свитками и древними картами Сводов. Он выглядел собранным и опасным. Плотный темный колет подчеркивал мощный разворот его широких плеч, сильные руки с длинными пальцами лениво покоились на столешнице, а темно-коричневые волосы были безупречно зачесаны назад. Его карие глаза смотрели собранно и пронизательно.

Увидев меня, Рейздан лениво откинулся на спинку кресла, и в его взгляде проскользнула обманчиво мягкая забота.

— Амира, — тихо произнес он, сканируя мое бледное лицо. — Я как раз собирался подняться к тебе. Думал, ты заболела. Выглядишь неважно. Что-то случилось?

— Ночью я почти не спала, — ровным тоном ответила я, делая шаг к его столу. — Всю ночь снились те твари с Излома. Уснуть получилось только под утро.

— Кошмары — естественная реакция после того, что ты пережила на границе, — понимающе кивнул он.

Я снова собрала все свои силы, сделала вид, что мне тяжело говорить, и глухо произнесла:

— Я здесь не из-за кошмаров, Рейздан. Буквально недавно у меня было новое видение.

Рейздан мгновенно изменился в лице. Всё его ленивое спокойствие испарилось за долю секунды. Он рывком поднялся из-за стола, и его глаза хищно сузились:

— Где? — коротко, как выстрел, бросил он.

— На стыке твоих земель и Соляриса, — уверенно соврала я, глядя ему прямо в глаза и надеясь, что мои зрачки не выдадут фальшь. — На противоположной стороне Целестии. Излом откроется прямо на границе с Вечным Zenитом Альтареса.

— Когда? — Лорд Целестии подался вперед, и его пальцы жестко впились в край стола.

— Через четыре часа, — выдохнула я, с трудом сдерживая притворную слабость. — У нас есть около четырех часов, не больше.

Рейздан тяжело выдохнул, и на его волевом лице проступило сдержанное раздражение. Он не стал орать или паниковать, но его челюсти сжались до хруста.

— Чёрт... — сквозь зубы процедил он, устремляя взгляд на карту Сводов. — Только вчера мы отбили тяжелый разрыв, а сегодня Излом открывается снова. В Этере явно что-то происходит, расколы случаются всё чаще и чаще. Ткань мира трещит по швам.

Мужчина выпрямился во весь рост, поправляя воротник колета. В его глазах снова зажегся тот самый холодный, расчетливый огонь командира.

— Хорошо, что у нас есть время подготовиться, — Рейздан посмотрел на меня, и его голос стал жестким, собранным. — Будь готова, Ами. Через четыре часа мы выдвигаемся.

Внутри всё похолодело от ужаса. Поехать с ним? Но если я отправлюсь на эту границу, мой обман раскроется в первую же секунду, как только армия прибудет на пустое место. Нет. Этого нельзя было допустить. Мне необходимо было остаться во дворце. Любой ценой. Иначе весь наш план рассыплется прежде, чем успеет начаться.

С трудом сглотнула и посмотрела на него умоляющим, полным фальшивого испуга взглядом.

— Рейздан, пожалуйста... — почти шепотом произнесла я, делая шаг назад. — Я не хочу видеть это снова. Я не выдержу еще одну бойню.

Он нахмурился, и его глаза стали жестче. Лорд Целестии качнул головой:

— Ты мне нужна там, Ами. Ты должна показать точное направление, чтобы мы не теряли драгоценные минуты на поиски.

Паника удушливой волной подкатила к горлу, но мой разум лихорадочно заработал. Нужно было описать место так, чтобы он сам понял, о чем речь, и избавил меня от поездки. Описать что-то приметное, но размытое, что есть на любой границе.

— Я... я видела там, у самого обрыва, огромную каменную арку... древний пограничный пост, — заговорила я, нарочно запинаясь и делая вид, что пытаюсь вспомнить детали видения. — И там, прямо над ущельем, высится старая сторожевая...

— Сапфировая сигнальная башня Третьего рубежа, — резко перебил меня Рейздан, и в его глазах вспыхнуло узнавание.

— Да! — я быстро закивала, ухватившись за его подсказку как за спасательный круг. — Да, именно это я и видела. Разрыв откроется прямо под ее основанием, в темном ущелье.

— Я знаю, где это находится, — собранно произнес он, бросив быстрый взгляд на карту.

— Пожалуйста, Рейздан, — я прижала ладони к груди, заставляя свой голос предательски дрожать от подкатывающих слез. — Оставь меня здесь. Я просто сойду с ума, если снова окажусь в том аду.

Рейздан молча всматривался в мое исплаканное, измученное лицо. Прямо сейчас, после тяжелой бессонной ночи, кошмаров и визита Ксайдера, я выглядела по-настоящему ужасно — бледная, с синяками под глазами, дрожащая от напряжения. Ивериец долго смотрел на меня, и вдруг в его суровых глазах промелькнула неприкрытая, искренняя жалость. Его лицо смягчилось, теряя боевую жесткость.

— Хорошо, Ами, — произнес он, делая шаг ко мне от стола. — Раз ты дала точные координаты и я знаю эту башню, тебе не обязательно ехать со мной на Излом.

— Спасибо... — едва слышно прошептала я.

Рейздан не спускал с меня пристального, обеспокоенного взгляда. Он подошел ближе, и в его голосе снова скользнула та пугающая, мягкая забота:

— Ты уверена, что не заболела? На тебе лица нет, Ами.

— Нет, все в порядке, — я поспешно отступила на полшага, укрывая свои эмоции за маской усталости. — Просто... наверное, мне действительно стоит вернуться в свою комнату и лечь.

— Да, возвращайся к себе, — Рейздан согласно кивнул, провожая меня взглядом до дверей. — Отдыхай и ни о чем не думай. Если тебе станет хуже — немедленно позови меня через стражу. Я пришлю врачей.

Он помолчал, а затем его губы тронула едва заметная улыбка.

— И постарайся не влипнуть в неприятности до нашей следующей встречи, Ами.

Я лишь покорно кивнула, развернулась и поспешно вышла из его кабинета. Тяжелая дверь со стуком закрылась за моей спиной.

Оказавшись в пустом, тихом коридоре, я прислонилась спиной к холодной стене и наконец-то сделала глубокий, полноценный вдох. Внутри все ходило ходуном от пережитого дикого страха. Мысли паническим ураганом крутились в голове, а сердце колотилось в ребра как безумное. «Боги Неужели у меня правда получилось? — ошарашенно подумала я, растирая дрожащие ладони. — Он поверил. Он полностью заглотнул наживку».

Глава 19

Три часа тянулись как бесконечная, удушающая вечность. Я мерила шагами спальню, не находя себе места и вздрагивая от каждого шороха за дверью. Времени оставалось в обрез. Разлом из моей фальшивой сказки должен был открыться через четыре часа, а значит, Рейздан вместе со своими отрядами обязан был сорваться с места заранее, чтобы успеть перебросить силы к сигнальной башне.

В голове творился настоящий хаос. С одной стороны, внутри ликовала безумная, горячая радость — у меня получилось, он поверил! Но стоило этой мысли затихнуть, как её мгновенно перебивал леденящий, парализующий страх. За эти дни я слишком хорошо узнала Рейздана. Он просчитывал чужие жизни до секунды, управлял судьбами и читал людей как открытые книги. Как он, великий Лорд и безжалостный Кукловод Свода, мог так легко повестись на мою паршивую актерскую игру? Неужели я действительно смогла переиграть того, кто сам всю жизнь дергает за невидимые нити?

— Чёрт, да какая разница! — выдохнула я в пустоту комнаты, с силой потеряв лицо ладонями. — Главное, что он поверил. Амира, это просто твои нервы. Хватит. Успокойся. Ты сделала то, что должна была.

Я резко бросилась к шкафу, распахнула дверцы и начала вытряхивать одежду. На этот раз шёлковое платье полетело на пол. Вместо него я быстро натянула плотные кожаные штаны, рубашку и жесткую куртку. Эта одежда не сковывала движений и идеально подходила для бешеной скачки.

Прошло еще долгих тридцать минут, но Итан так и не появился. Атмосфера в спальне накалилась до предела, а давящая тишина заставляла сходить с ума. Каждый удар сердца отдавался в ушах оглушительным набатом. Где он? Почему его так долго нет? Что, если его поймали на нижних ярусах, когда он пытался вывести целеста? Что, если Рейздан прямо сейчас ломает ему пальцы в казематах? Мысли лавиной сносили остатки моего самообладания.

И вдруг в дверь раздался короткий, едва различимый стук. Я мгновенно вскочила с кровати, резко оборачиваясь к выходу. Спина вспыхнула сухим жаром, а легкие перехватило.

— Войдите, — тихо, почти беззвучно вывела я.

Дверная ручка медленно повернулась, створка приоткрылась, и в полумрак комнаты скользнул высокий силуэт Итана. Засов за его спиной закрылся без единого звука.

Все мои барьеры рухнули, и я буквально бросилась к нему, с размаху утыкаясь лицом в его крепкую грудь и намертво обвивая руками его шею. Меня крупно трясло от пережитого ужаса.

— Боже, Итан... — прерывисто прошептала я, задыхаясь от нахлынувшего облегчения. — Как я переживала за тебя. Я думала, всё сорвалось.

— Амира, тише, всё в порядке, — Итан мягко, но уверенно обнял меня в ответ, слегка похлопав по спине, а затем осторожно отстранил за плечи. Его темные глаза смотрели сосредоточенно. — Я всё подготовил. Рейздан вместе со всей своей армией уже покинул замок. Они улетели на целестах на противоположную сторону Свода.

Я сделала глубокий, полноценный вдох. Напряжение в груди наконец-то ослабло, уступая место чистой, окрыляющей вере в свободу. Всё-таки получилось. Рейздан ушел. Лагерь у подножия башен пуст.

— Не знаю, что именно ты наговорила этому монстру и как смогла его уговорить, — Итан горько, но с восхищением усмехнулся. — Но у тебя получилось.

Мужчина крепче сжал мои плечи, и его лицо мгновенно стало суровым и серьезным.

— Надо уходить, Ами. Время пошло. Идем, — одними губами скомандовал Итан.

Мы бесшумно выскользнули из спальни. В переходах Целестии царила пугающая пустота, но каждый шорох заставлял меня вздрагивать. Пахло озоном, дорогим воском и холодом. Мы едва успели миновать первый поворот, как впереди, на стыке главного коридора, раздался отчетливый, размеренный звон кованых сапог. Патруль.

Итан среагировал мгновенно. Он железной хваткой вцепился в мое плечо и резко впечатал меня спиной в темную нишу между массивными стеллажами, закрывая своим телом. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что мне казалось, его стук разносится по всему этажу. Шаги гвардейцев приближались. По прозрачной стене скользнули отсветы их лат. В голове панически билась мысль: «Если они заглянут сюда — всё кончено». Один из стражников что-то глухо буркнул, на секунду остановившись прямо напротив нашей ниши. Итан замер, его дыхание было частым и горячим, а голова оставалась низко опущенной. Прошла вечность, прежде чем патруль двинулся дальше, и звон их доспехов наконец затих в дальнем крыле.

Итан осторожно отстранился, шумно выдохнув, и повернулся ко мне. Его голос прозвучал как едва различимый шелест:

— На парадных ярусах всё еще опасно. Если кто-то покажется снова, я мгновенно приму вид покорного раба. Опущу голову, отойду к стене. А ты просто иди рядом, уверенно, как гостя Лорда. Смотри в оба.

Я быстро кивнула, перехватывая инициативу. Стараясь не стучать подошвами обуви по гладкому мрамору, я пошла впереди, осторожно выглядывая из-за каждого угла. Мы двигались короткими перебежками. На следующем переходе я едва не вскрикнула: сверху, со стороны парадной лестницы, послышался звон хрусталя. Итан резко дернул меня за руку назад, увлекая в сторону от опасного участка. Мы едва не зацепили стоявшую на столике вазу — она жалобно звякнула, качнувшись на ножке. Я обернулась в полном ужасе, но Итан успел перехватить холодное стекло в сантиметре от падения. Мы замерли на несколько секунд, вслушиваясь в темноту, пока слуги наверху не ушли в глубину залов.

— Сюда, быстрее, — одними губами выдохнул Итан.

Он увлек меня прочь от парадной зоны. Мы свернули в глухой, неприметный проем, где пряталась узкая винтовая лестница для прислуги. Ступени здесь были из простого, неотесанного темного камня, а воздух пах сыростью, гарью от факелов и застоявшейся водой. Мы стараясь не шуметь, спускались вниз, на первый этаж. Из-за неплотно прикрытых дверей кухонного крыла доносился глухой стук посуды и тяжелый запах специй, жареного мяса и печного дыма. Кто-то из поваров громко ругался. Мы буквально проползли мимо этой арки, прижимаясь спинами к влажному камню, и наконец выскочили наружу через тяжелую, обитую железом служебную дверь.

Мы оказались как раз на той самой огромной поляне с обратной стороны дворца. Морозный ветер Целестии мгновенно обдал лицо леденящим озоном после душных кухонных переходов. Трава под ногами глухо шуршала, выдавая каждый наш шаг, поэтому мы сорвались на бег, низко пригибаясь к земле и прячась в тени огромных парящих выступов.

Итан лихорадочно осматривал пространство, ведя меня за собой.

— Наш целест спрятан за теми дальними кустами, — он указал рукой в сторону самого обрыва. — Специально подальше от дворца, чтобы патруль не наткнулся на него при обходе. Идем.

Мы добежали до пышных неоновых зарослей. Из тени на нас прерывисто и глухо зарычал огромный, обсидианово-черный целест, нетерпеливо переступая мощными лапами. Его сапфировые глаза тускло пульсировали в темноте, а из клыкастой пасти веяло сырым звериным жаром. Мне до безумия было противно и страшно даже приближаться к этому хищному монстру, но Итан жестко перехватил меня за талию и с легкостью забросил в кожаное седло. Сам он мгновенно взлетел следом, перехватывая поводья.

— Но! — Итан резко дернул ремни, и целест сорвался с места, устремляясь прочь от замка.

Зверь бежал тяжело, его копыта с глухим стуком вбивались в каменистую почву. В этой скачке не было той безумной, порхающей легкости, которую я видела, когда им управлял Лорд. Целест тяжело дышал, спотыкался на крутых склонах и двигался на удивление медленно.

— Мы не сможем передвигаться так же быстро, как Иверийцы, — тяжело дыша мне в затылок, крикнул Итан, уводя монстра в глубокую тень утесов. — У нас нет ментальной связи с этими тварями, Ами!

Оглянулась через плечо. Отчетливо помнила, с какой безумной скоростью неслись конь Рейздана. Сейчас мы ехали медленно, едва преодолевая крутые подъемы, но когда сапфировый силуэт замка начал стремительно уменьшаться вдаль, я наконец-то сделала первый полноценный вдох.

Наступил глубокий вечер. Огромные хрустальные звезды в вышине светили уже не так ярко, их сияние подернулось туманной дымкой, и впереди, над бескрайними провалами Свода, почти ничего не было видно. Опасная, морозная темнота окутывала нас со всех сторон. Но внутри меня лавиной разливалась радость. Наперекор всему, сквозь ментальные капканы и удушающий страх, у нас получилось. Мы вырвались.

Мы двигались вперед, и эта дорога казалась мне бесконечной, удушающей вечностью. Каждую секунду я содрогалась, вслушиваясь в темноту Свода и ожидая, что из-за очередного утеса выскочит патруль, солдаты Рейздана или он сам, если уже обнаружил мое исчезновение из дворца. Паника не отпускала ни на мгновение, заставляя вцепляться в куртку Итана.

Наконец, Итан резко натянул поводья, заставляя целеста остановиться на небольшой каменистой площадке.

— Граница уже почти рядом, Ами, — тихо произнес он, тяжело дыша и оглядываясь назад. — Дальше ехать нельзя, зверь привлечет внимание патрульных на самом рубеже. Нам придется отпустить целеста и продолжать путь пешком.

Итан первым соскользнул на землю и бережно, придерживая за талию, помог слезть мне. Ноги после долгой скачки покалывало, но я нашла в себе силы поднять голову и посмотреть на блеклые, окутанные туманом звезды Целестии. На моих губах появилась слабая, облегченная улыбка. Неужели это правда? Неужели я действительно скоро окажусь дома, в Серой Гнили? Хоть это место и было самым нищим, грязным и ужасным во всем Этере, сейчас я была безумно рада туда вернуться. Там всё было привычным и понятным.

Но вместе с радостью в груди болезненным спазмом забилось волнение. Я сжала кулаки. «Только бы их еще не продали на аукционе Господи, пусть они до сих пор сидят в тех железных клетках на нижнем рынке». Сердце кровью обливалось при мысли о Талии и Митее. Я прекрасно понимала, что этот побег — лишь первая, самая легкая моя победа. Вызволить из лап работорговцев в одиночку было невыполнимой задачей. Одна я просто погибну.

Я обернулась и посмотрела на Итана. В полумраке его фигура казалась надежной стеной, а суровые черты лица внушали уверенность. Я вспомнила его недавний рассказ о том, как они с Митеей вместе выросли в Гнили, когда она была еще совсем маленькой. «Раз он так дорожит Митеей, возможно, он мне поможет, — пронеслось в моей голове, даря робкую надежду. — Вдвоем у нас будет гораздо больше шансов спасти девчонок». Говорить об этом вслух я не стала, но решимости внутри прибавилось.

Итан шлепнул целеста по крупу, заставляя хищника бесшумно раствориться в ночных зарослях, и скомандовал:

— Двигаемся дальше. Смотри строго под ноги, Ами, здесь крутые тропы. И прислушайся к каждому шороху — на этих пограничных стыках часто водятся волки.

Я нахмурилась, осторожно шагая по ломаным камням вслед за его широкой спиной:

— Волки?

— Это не обычные волки, а местные дикие твари, — не оборачиваясь, хмуро пояснил Итан, прорубая рукой дорогу сквозь ветви кустов.

В моей памяти мгновенно вспыхнули те огромные черные псы с сапфировыми глазами и длинными клыками, которые едва не разорвали меня в дворцовом саду Рейздана. Кожа покрылась ледяным потом.

— Только не говори, что они выглядят так же, как те жуткие гончие во дворце, — выдохнула я, инстинктивно прижимаясь ближе к его плечу.

— Именно так они и выглядят, Ами, — отчеканил Итан, и в его баритоне звенящей нитью прорезалась сталь. — Только эти — голодные и никем не прирученные. На этих землях опасно. Так что прислушивайся к каждому шуму. Один неверный шаг — и мы трупы.

Я вздрагивала от каждого треска ветки под ногами, изо всех сил вглядываясь в морозную темноту вокруг. Страх липкими тисками сжимал горло, заставляя ловить ртом воздух. Но когда я переводила взгляд на широкую спину Итана, мне становилось спокойнее. Он двигался уверенно и собранно. Заметив мою панику, мужчина на ходу вытащил небольшой клинок и крепко сжал рукоять, демонстрируя, что готов защищать нас до последнего вздоха. Рядом с ним, за его могучими плечами, я действительно чувствовала себя в безопасности.

Спустя время сквозь плотные заросли кустов наконец прорезалось знакомое сапфировое марево.

— Итан... — едва слышно прошептала я, указывая пальцем вперед.

— Тихо. Я вижу, — отозвался он, даже не повернув головы. — Мы почти дошли.

В груди бешеной лавиной разлилась чистая, окрыляющая радость. Неужели это правда? Мы сделали это! Граница Свода Целестии была всего в нескольких шагах.

Мы приблизились к пульсирующей стене реальности и одновременно перешагнули через мерцающий барьер.

Переход оглушил меня. Звездное небо исчезло, а в лицо сокрушительным ударом била удушающая жара Серой Гнили. Воздух здесь был тяжелым, спертым, пахнущим гнилыми досками и сыростью трущоб. Я инстинктивно зажмурилась и поморщилась — после вечной ночи парящих скал непривычно яркое, палящее солнце Гнили нещадно резало глаза. Но мне было плевать. Наперекор всему, я была дома.

Я счастливо улыбнулась и резко повернулась к своему спутнику:

— Итан! Мы это сделали! У нас получилось!

Мужчина повернулся ко мне. На его лице не было ни капли ответной радости. Оно казалось абсолютно каменным, лишенным каких-либо эмоций, а в темных глазах застыла горечь. Он не сделал ни шага навстречу, продолжая крепко сжимать клинок в руке.

— Извини, Амира, — произнес он. — Но у меня приказ Лорда Рейздана.

В ушах застучала кровь, а земля ушла из-под ног. Я нахмурилась, отступая на шаг назад, к самому пульсирующему барьеру, и ошарашенно выдохнула:

— Что... что это значит?

— Я не хотел этого, Амира, — произнес Итан, опуская клинок, но не сводя с меня своего потемневшего взгляда.

— Чего ты не хотел? — ошарашенно выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — О чём ты говоришь, Итан?

— С самого начала это была игра Рейздана, — Итан отвел взгляд в сторону, и на его лице застыла мрачная тень. — Он дергал меня за ниточки. Каждую секунду.

— Что?..

— Весь этот план, Ами. Запереть нас вдвоем в той темнице. Устроить нашу встречу. Весь наш разговор, который у нас там был... это всё его сценарий. Рейздан дергал меня за нити, заставляя говорить то, что ему нужно.

В ушах поднялся гул, а внутри всё перевернулось от закипающего бешенства. Перед глазами лавиной завертелись вспышки недавних воспоминаний. Картина в моем разуме начала лихорадочно складываться в одну жуткую, безумную мозаику, и от этого осознания меня едва не вывернуло наизнанку.

Вот я пытаюсь сбежать из его дворца, пробираясь к выходу, но Рейздан ловит меня и запирает в темнице. Там, в сырой глубине казематов, от страха, паники и бессилия во мне вспыхнула ярость. Из-за этого перегруза мои защитные барьеры треснули, маскировка рухнула, и радужка глаз бешено запульсировала всеми цветами Излома. И тогда в темноте я услышала чужой голос. Итан тогда всё увидел. Он сразу понял по этим светящимся неоновым кругам, что я иверийка. Но вместо того чтобы замолчать и закрыться, я сама, как полная дура, доверилась ему после наших разговоров. Сама потянулась к единственному человеку, надеясь найти защиту у раба, который казался своим.

Вспыхивает его фраза: «Маленькая девочка со светлыми волосами...» И тут до меня доходит леденящий душу удар. Боги, ведь это я сама, поддавшись панике, первая назвала имя Митея! Это не он его знал. Он просто перехватил мою подсказку, мгновенно подхватил это имя и заставил меня поверить, что он друг семьи. Всё это время я сама скармливала ему свои тайны, шагая прямо в расставленный капкан. Злость на собственную глупость душила.

— Но как? — хрипло, едва удерживая слезы ярости, вытолкнула я из себя. — Как он понял, кто я?

— Ты просто не знаешь Рейздана, Ами, — Итан горько усмехнулся, убирая клинок в ножны. — Он раскусил тебя практически с самого начала. Ни один человек на этой земле физически не способен сопротивляться магии Лорда Целестии. А ты смогла.

Новая вспышка воспоминаний больно ударила по мыслям. Перед глазами снова возникла та карета. Приказ Рейздана поднять майку. Мои дрожащие пальцы, которые медленно тянули ткань вверх, и тот отчаянный внутренний бунт, когда я собрала всю свою волю и заставила руки остановиться. Тогда мне казалось, что он просто развлекается, наслаждаясь моей беспомощностью. Но теперь, оглядываясь назад, я всё яснее понимала странную вещь. Рейздан не разозлился. Не усилил давление своей магии. Не наказал меня за неповиновение. Напротив — он смотрел на меня с таким вниманием, словно получил именно тот результат, которого ожидал.

Эта мысль заставила меня вспомнить и другие моменты. Террасу. Лабиринт. Темницу. Все те случаи, когда ему удавалось вывести меня из себя, довести до предела или загнать в угол, а затем наблюдать за моей реакцией с этим странным интересом. Тогда я принимала это за жестокое удовольствие кукловода, которому нравилось мучить новую игрушку. Но теперь некоторые воспоминания начинали выглядеть иначе.

Даже тот прием, на котором он разорвал мое платье перед всеми Лордами Этера, вдруг предстал в новом свете. Раньше я была уверена, что он сделал это исключительно ради унижения. Чтобы растоптать мою гордость на глазах у всего зала. Но чем больше я вспоминала его взгляд в тот момент, тем сильнее меня преследовало ощущение, что Рейздан добивался чего-то другого. Словно ему было необходимо, чтобы присутствующие увидели то, что скрывалось под тканью. Увидели мой рисунок.

От этой догадки по спине пробежал холодок. Слишком многое в его поведении вдруг переставало выглядеть случайностью. Слишком часто вместо злости он проявлял интерес. Слишком внимательно наблюдал за каждым случаем, когда мне удавалось хоть немного сопротивляться его воле. И чем больше я вспоминала, тем сильнее крепло неприятное ощущение, что всё это время Рейздан не просто пытался меня сломать.

— Неужели... неужели он знал всё с самого начала? — прошептала я, чувствуя, как лицо становится бледным от нарастающего замешательства.

— Нет, — покачал головой Итан. — Но он догадался, что с тобой что-то не так. Идельно подстроил нашу встречу в подземелье, а дальше ты сама всё рассказала мне. До последнего слова.

— Я считала тебя человеком, Итан... — процедила я сквозь зубы, преодолевая удушливый ком в горле. — Единственным хорошим человеком в этой проклятой Гнили, которого я встретила за столько лет.

— Извини, — повторил он, упрямо пряча глаза. — Если сперва Рейздан действительно просто дёргал меня за нити, подчиняя своей воле, то потом... потом он предложил мне золото за помощь в твоём побеге. Столько золота, сколько люди в Гнили не видят за всю жизнь.

Я ошарашенно округлила глаза, окончательно теряя остатки самообладания. Злость, обида и страх смешались в один безумный коктейль.

— Помочь мне сбежать? — вскричала я, сжимая кулаки до крови. — Так он всё знал?!

Итан тихо посмеялся, и эта ухмылка на его лице заставила меня содрогнуться от отвращения.

— Амира, ты всего лишь пешка на его шахматной доске, — ответил он, делая шаг назад к зарослям. — Каждый твой шаг, каждый твой ход... Рейздан сам двигал тебя по этим клеткам. Ты сделала ровно то, что он запланировал.

— Что он хочет?! Что этот чертов ублюдок от меня хочет?!

— Рейздан просил передать: он сделал свой ход, теперь твоя очередь сыграть свою партию, — ровно произнес Итан, делая шаг назад.

— О чем ты говоришь?! Что это значит?! Что он хочет от меня, черт возьми?!

— Ты должна отправиться к Ксайдеру, — Итан посмотрел мне прямо в глаза. — Войти в его доверие, сблизиться с ним и заставить этого чертова ублюдка полюбить тебя.

На секунду мне показалось, что я ослышалась. Из груди вырвался истеричный смешок. Я смотрела на Итана как на безумца, готовая просто расхохотаться ему в лицо.

— Серьезно?! — вскричала я, и мой голос сорвался на яростный хрип. — Да я никогда в жизни этого не сделаю! Можешь послать своего Рейздана куда подальше и передать ему эти слова! Я не пешка в его мерзких играх!

Итан не шелохнулся. На его лице не дрогнул ни один мускул, а взгляд стал пугающе холодным.

— У тебя нет выбора, Амира.

— С чего это?! — выплюнула я, делая шаг к нему.

— Потому что Митея и Талия у него, — спокойно отчеканил он.

Воздух в легких мгновенно закончился, а в висках сокрушительным ударом застучала кровь. Я пошатнулась, едва не рухнув на сухую траву Гнили.

— Что?.. — выдохнула я. — Что ты сказал?!

— Когда Рейздан окончательно подтвердил свои догадки насчет твоей аномалии, а ты в темнице рассказала мне про свою жизнь и подруг, он начал собирать информацию о тебе, — ровным тоном продолжил Итан, и его безжалостные слова заживо резали душу. — Он нашел Талию и Митею на аукционе, прямо в клетках. Увидел их метки и забрал к себе. Они обе сейчас в его власти, Ами.

Капкан Кукловода захлопнулся намертво, и его рабский поводок стянул мою шею гораздо сильнее, чем любое клеймо. Моя семья была заложницей в его руках.

— Поэтому теперь твой ход, — добавил Итан.

— Что он задумал?! Хочет через меня подобраться к Ксайдеру? Думает, я смогу втереться к нему в доверие, вытащить какие-то секреты и принести их обратно? Да Лорд Стигии убьет меня в первую же секунду! Он никогда мне не поверит! Как я должна добиться хоть какого-то расположения, если Ксайдер просто сотрет меня в порошок?!

— Ксайдер заинтересовался тобой, — ответил Итан, убирая руки в карманы. — Рейздан уверен, что он пустит тебя на свой Свод. А дальше... дальше это уже не его проблемы. Кукловод сказал, что ты должна научиться играть. Если тебе дороги жизни подруг, ты обязана выиграть эту партию.

Я снова горько усмехнулась, сглатывая злые слезы.

— Он что, хочет, чтобы я стала такой же, как он? Безжалостным кукловодом, монстром, который думает только о своих целях и идет по чужим головам?!

— Я передал все, что от меня требовалось, — Итан проигнорировал мой срыв. — Извини, Ами.

Он резко развернулся, собираясь уйти.

— Итан! — закричала я ему в спину, чувствуя, как из груди рвется последняя надежда. — Это очередное доказательство того, что все люди в Этере гнилые до самого основания! В тебе не осталось ничего человеческого!

Итан на секунду замер. Он даже не обернулся — лишь тихо усмехнулся, сделал шаг вперед и стремительно растворился в сухих зарослях Гнили.

Глава 20

Итан исчез в сухих зарослях, и посреди палящего зноя Серой Гнили я осталась одна. Земля уходила из-под ног. Глаза мгновенно застлало слезами, и я яростно смахнула их тыльной стороной ладони, заставляя себя дышать. Внутри всё разрывалось от боли. Весь мой побег, каждая надежда, каждый робкий вдох свободы — всё оказалось грязной, просчитанной ложью. «Талия и Митея у него... Боги, что этот монстр сделает с ними?» Но следом за паникой пришло упрямое, дикое сомнение. «А что, если Итан снова врет? Что, если это очередная ментальная ловушка Рейздана, чтобы сломать меня и заставить покорно ползти в Стигию?» Верить им на слово я больше не могла. Не после всего, что произошло.

Несмотря на удушающую жару, я натянула воротник жесткой куртки повыше, до упора, пытаясь надежно спрятать сапфировое клеймо созвездия от чужих глаз. Если патруль Ищеек или работорговцы увидят эту метку на шее человека в Гнили, меня скрутят в ту же секунду.

Нужно было срочно узнать правду. Выяснить, действительно ли Рейздан забрал девочку, или они до сих пор заперты в железных клетках на нижнем рынке аукциона. Я решительно развернулась и пошла прочь от границы Свода. Единственным шансом получить информацию был третий сектор трущоб. Талия знала там местных подпольных скупщиков, которым она когда-то тайно сбывала ценный металл. У этих контрабандистов всегда были уши на всех невольничьих рынках. Если девочку выкупили и увезли — скупщики обязаны об этом знать.

Я шла по иссушенной, каменистой пустыне, где раскаленный воздух дрожал над землей, а затем углубилась в саму Серую Гниль. Знакомая, уродливая разруха трущоб встретила меня привычным запахом тухлой воды, нечистот и гниющих досок. Вокруг громоздились кривые лачуги, слепленные из кусков ржавого железа и обломков шифера, готовые рухнуть от любого порыва ветра.

Быстро пробиралась через узкие переулки третьего сектора, утопая по щиколотку в липких лужах грязи. Вокруг кипело жалкое, полусмертное человеческое существование. Медленно брели люди с серыми, испитыми голодом лицами и потухшими, пустыми глазами. Источенные дети в грязных лохмотьях сидели прямо в пыли, вымаливая горсть пресной крупы. Хроническая нищета и безысходность Серой Гнили удушливой волной давили на грудь.

Вспышка ярости внутри заставила спину болезненно нагреться. Я испуганно замерла посреди улицы и крепко зажмурилась, делая медленный вдох. «Успокойся, Ами. Сожми это, заблокируй!» — истошно приказала я самой себе. Если я сейчас потеряю контроль над эмоциями, ментальный барьер рухнет, и трехцветное кольцо Излома вспыхнет в моих глазах на глазах у всей толпы. Я до боли прикусила губу, загоняя силу обратно в самую глубь души, и когда открыла глаза, они снова были обычно-зелеными.

Я вышла на центральный рынок третьего сектора. Здесь царил оглушительный, безумный хаос. Сотни людей толкались в узких проходах между хлипкими деревянными прилавками. Торговцы истошно орали, пытаясь сбыть плесневелый хлеб или гнилые овощи, где-то в углу навзрыд плакала женщина, у которой Ищейки отобрали последнее имущество. Пахло гарью, сыростью и дешевым пойлом.

Стараясь затеряться в этой толпе и пониже опуская голову, я принялась медленно просматривать торговые ряды. Я лихорадочно выискивала глазами ту самую неприметную лавку скупщиков, надеясь увидеть среди сотен серых лиц фигуры нужных мне мужиков.

Начала проталкиваться сквозь плотную, пахнущую потом и дешевым табаком толпу, расталкивая плечами серых от голода людей. Наконец в самом конце грязного ряда, за покосившимся прилавком, увидела их.

Двое скупщиков сидели на ящиках, лениво пересчитывая какие-то ржавые детали. Выглядели они жутко. Грязные, в сальных кожаных жилетах, надетых прямо на голое тело,

с застарелыми шрамами на лицах и черной грязью под ногтями. От них веяло перегаром и сыростью.

Я буквально подлетела к прилавку, тяжело дыша и вцепляясь пальцами в сырые доски:

— Мне нужна информация. Срочно.

Мужики подняли на меня головы. Один из них, с порванным ухом, окинул меня оценивающим, сальным взглядом и цинично сплюнул под ноги:

— Девка, в Гнили за информацию тоже платят. Гони монету, тогда поговорим.

— Мне нечем платить, — хрипло вытолкнула я из себя, подаваясь вперед. — Неужели вы просто не можете, чёрт побери, помочь?! Это вопрос жизни и смерти!

Второй скупщик, плотный, с гнилыми зубами, уродливо расхохотался, обнажая потемневшие десны:

— Помочь? Просто так? Всё в Гнили стоит золота, милочка. Если у тебя нечем платить — пошла вон отсюда, не занимай место.

Они оба уставились на меня, и тут их взгляды замерли, сканируя мой внешний вид. Я вся сжалась под этим тяжелым, липким прицелом. Хоть на мне и были обычные походные штаны, рубашка и куртка, одежда была безупречного кроя, из дорогой плотной ткани, чистая и без единой латки. Контраст с их рваным тряпьем был слишком очевидным. Мужики хищно прищурились, явно соображая, откуда у нищей девки из третьего сектора такие вещи и кого я ради них обокрала.

Последняя надежда сокрушительным ударом разбилась вдребезги. Разум затопила парализующая беспомощность. Без золота в этих трущобах ты никто, и никто не скажет мне ни слова про Талию и Митею. Я осталась совершенно одна, без единой зацепки, не зная, куда идти и как выведать правду.

И тут до меня резко дошло. Рука сама взметнулась к груди, нащупывая сквозь плотную ткань рубашки холодный металл. Цепочка с сапфировым кулоном. Та самая, которую Рейздан купил мне во время нашей прогулки по Целестии. Уходя, я была уверена, что сбросила с себя все вещи Иверийцев, но про эту крошечную деталь совсем забыла.

Рванула ворот куртки, на секунду испугавшись, что движением обнажу клеймо созвездия, но тут же поправила ткань, скрывая шею. Одним резким движением сорвала цепочку. Серебряные звенья с тихим треском лопнули, и в ладони остался сверкающий сапфировый кулон, испускающий мягкий хрустальный свет.

Снова подлетела к прилавку и с размаху опустила драгоценность перед грязными лицами скупщиков.

— Вот, — задыхаясь от хлынувших эмоций, выдохнула я. — Это дорогое украшение Иверийцев. Настоящий сапфир Целестии. Всё, что я прошу взамен — просто информация.

Глаза мужиков мгновенно загорелись диким, алчным огнем. Они уставились на кулон, как голодные псы на кусок мяса. Один из них быстро накрыл сапфир своей мозолистой ладонью и хрипло спросил:

— Что ты хочешь узнать, девка?

Я с трудом сглотнула, вытирая рукавом новые слезы, и изо всех сил попыталась удержать барьер, чтобы магия Излома не затопила мои зрачки.

— Вы ведь знаете Талию. Она говорила, что пару раз вела с вами дела.

— Ну, знаю, — неохотно буркнул тот, что был с порванным ухом, пряча цепочку в карман жилета.

— Её и мою вторую подругу забрали на аукцион, — я подалась вперед, вцепляясь в край прилавка. — Мне нужно знать, там ли они еще. В клетках на нижнем рынке.

Скупщики переглянулись. Плотный мужик с гнилыми зубами цинично сплюнул на землю и покачал головкой.

— Какое-то время назад Ищейки перерыли все трущобы, чтобы найти нормальный товар для этих торгов, — неохотно заговорил он. — Они выгребли всех чистых девок. Половину продали на первом аукционе, а остальных придержали для второго, который прошел пару дней назад. Сейчас на нижнем рынке пусто. Никого из людей не осталось, да и смысла нет кого-то держать — следующий аукцион неизвестно когда теперь будет. Так что твоих девок там точно нет. Их продали. Если не на первом, то на втором — их сто процентов забрали Высшие.

Земля ушла из-под ног, а в груди заняла страшная, невыносимая пустота. Слова Итана безжалостным набатом зазвучали в ушах: «Он нашел твоих подруг на аукционе... Увидел их метки и забрал к себе». Пазл сошелся окончательно. На первом аукционе купили меня. Значит, Талию и Митею оставили для второго. И раз он прошел на днях — девчонок действительно выкупил Кукловод. Они в его власти. Итан не врал.

Слезы снова обожгли глаза, но я упрямо сдержала их, до крови прикусив губу. Я просто молча развернулась, оставив украшение на грязных досках прилавка, и пошла прочь.

Я брела обратно через бурлящую толпу рынка третьего сектора, бездумно толкая плечами людей. В один миг для меня пропали все звуки. Оглушительный гул базара, крики торговцев, плач и ругань — всё это превратилось в далекий, глухой шум, который больше не долетал до моего сознания.

В таком состоянии я дошла до нашей лачуги, если это место вообще можно было назвать домом. Я толкнула покосившуюся, скрипучую дверь и перешагнула порог.

В нос сразу ударил знакомый запах сырости, пыли и старого дерева. Я медленно подняла голову и посмотрела на потолок, где у самого стыка стен виднелась наспех заколоченная дыра. Горло мгновенно сдавило удушливым комом, а перед глазами яркой вспышкой пронеслось воспоминание о нашем последнем дне здесь. Пошел сильный ливень, крыша безжалостно текла, и мы все вместе пытались спасти наши припасы.

«Сильнее прижимай, Тея!» — кричала я вниз Митее, которая изо всех сил удерживала основание хлипкой березовой лестницы. Её светлые волосы тогда полностью промокли и облепили лицо, но она упрямо не отпускала перекладки. А внизу Талия быстро перетаскивала к старому сундуку мешки с крупой и мукой, которые мы с таким трудом выменяли на рынке. Мы по-настоящему паниковали, что вода погубит еду, но при этом умудрялись без конца спорить и подгонять друг друга.

Я перевела взгляд на угол комнаты, на узкую, застеленную рваным одеялом кровать. Там всегда спали обнявшись Митея и Талия, пытаясь согреться в холодные ночи, когда ветер со Стыка дул из всех щелей нашей лачуги. Сейчас постель была пуста. На ней осела серая пыль.

Ноги подломились сами. Я медленно сползла по стене на грязный пол, бессильно утыкаясь лицом в ладони. Руки крупно, неудержимо тряслись.

Всё было кончено. Никакого дома больше не существовало. Никакой семьи. Никакой свободы. Я сбежала из золотой клетки Рейздана только для того, чтобы узнать, что поводок по-прежнему затянута на моей шее. Меня переиграли на каждом шагу, превратив наш побег в часть чужого, извращенного плана.

Из глаз хлынули горячие слезы, оставляя чистые дорожки на моем бледном лице. Мы выросли бок о бок. Они были моими сёстрами, единственной семьёй, которая у меня осталась в этом жестоком мире.

Рыдания душили меня, вырываясь из груди хриплыми, надрывными звуками. Обида, злость и беспомощность смешались в одну удушающую лавину. Я ведь делала всё. Абсолютно всё, чтобы спасти их! Я терпела унижения на аукционе, стояла полуобнаженной перед трибунами Высших Иверийцев, преодолевала дикий страх в темных нишах дворца и бежала сквозь ночные заросли ничьих земель. Каждый мой вдох за эти дни был посвящен одной цели — вернуться в Гниль, разбить железные клетки на нижнем рынке и вытащить девчонок. И вот я здесь. Я добралась. Прошла через этот ад, доползла до нашей лачуги, а их их просто нет.

В голове творился настоящий, неуправляемый хаос. Мысли путались, сменяя друг друга с частотой бешеного пульса, и перед глазами уродливой лавиной наконец начала складываться истинная, страшная картина всего, что произошло. Вся мозаика его действий за последние дни встала на свои места с пугающей, извращенной четкостью.

Рейздан вел эту партию с самой первой секунды. Он купил меня на аукционе как обычную человеческую рабыню, но когда понял, что во мне скрыто нечто большее, когда раскусил мое ментальное сопротивление — он начал играть до последнего. Он намеренно выводил меня на эмоции, проверял мои барьеры и устраивал допросы, чтобы докопаться до истины. И в самый пик своего расследования, на том проклятом приеме, он хладнокровно, специально сорвал с меня платье и показал всем Лордам Этера мою трехцветную метку на спине. Ему нужно было, чтобы Альтарес и Ксайдер своими глазами увидели, что полукровки существуют. Зачем? Чтобы запустить свой смертоносный гамбит. Рейздан знал, что Лорд Ночи заинтересуется такой силой и захочет разгадать аномалию, а значит — гарантированно примет меня на свой Свод, когда я приду в Стигию.

Именно после того приема отношение Рейздана ко мне резко изменилось по щелчку пальцев. Все эти ухаживания, покупка ожерелья, прогулки по паркам Целестии, разговоры у водных каналов и даже ночная игра в шахматы на террасе — всё это было частью его плана. Он искусно создавал иллюзию того, что потерял бдительность. Кукловод усыплял мое внимание, заставляя поверить, что замок остался без охраны, и подталкивая меня к решительному шагу.

В памяти вспыхнула та самая шахматная доска. Черные и белые фигуры. Его спокойный голос. Тогда мне казалось, что Рейздан просто учит меня игре. Объясняет правила. Но только сейчас до меня начал доходить истинный смысл его слов.

«Пешка думает, что идет сама, но её просто двигает чужая рука».

Тогда я бросилась спасать одну единственную фигуру, пытаюсь защитить её от удара. А Рейздан даже не посмотрел в ту сторону. Одним ходом он забрал половину моей доски.

«Вот поэтому ты проиграла, Ами. Ты спасала пешку, пока я забирал у тебя всё».

Боги...

Он ведь говорил не про шахматы.

Все это время я была той самой пешкой. Пока я цеплялась за одну цель — вернуться в Гниль, найти Талию и Митею, вытащить их из клеток и сбежать из его дворца, — Рейздан выстраивал всю партию целиком. Я спасала пешку. А он забирал у меня всю доску.

Даже мой триумф в его кабинете Я ведь искренне гордилась собой, когда скармливала ему фальшивое пророчество про Излом, пока его карие глаза внимательно сканировали мое лицо. Рейздан не поверил в мою ложь — он ждал её. Он со своей армией ушел на пустое место только для того, чтобы дать мне возможность беспрепятственно сбежать из замка.

В ушах оглушительным набатом взорвались его последние слова, сказанные там же, в кабинете, перед тем как я покинула его. Рейздан разрешил мне остаться, лениво улыбнулся и вкрадчиво произнес: «Иди отдыхай, Ами. И постарайся не влипнуть в неприятности до нашей следующей встречи». Тогда, ослепленная радостью от своего «обмана», я просто покорно кивнула ему и ушла. Но сейчас до меня дошел истинный, леденящий смысл этой фразы. Он со мной прощался. Он прекрасно знал, куда ведут все его нити, и засылал меня прямиком в логово Лорда Ночи. Его слова были предупреждением, скрытым намеком, чтобы я не наделала глупостей и не влипла в неприятности с Ксайдером до нашей следующей встречи.

«Что он с ними сделает? — паника новой волной обжигала внутренности, заставляя ногти до крови впиваться в ладони. — Какую извращенную игру этот монстр теперь сыграет с моими девчонками?». Он провернул со мной настолько безумную, пугающую партию, что я даже представить не могла, что теперь ждет моих сестер. Он раскатает их судьбы так же безжалостно, превратит их жизни в такое же месиво из манипуляций, а они, наивные, совершенно не знают правил его жестокого мира и беззащитны перед его силой.

И ради их спасения Кукловод выставил мне ультиматум. Я должна отправиться в Стигию. Должна войти в доверие к Ксайдеру и сблизиться с ним.

Из моего горла вырвался горький, безумный смешок, смешанный со слезами. Это ведь абсурд! Абсолютное, невозможное сумасшествие! Как я, обычная девчонка из трущоб, смогу повернуть такое? Ксайдер — не просто один из Лордов. Он первобытный хищник, Хозяин Вечного Затмения. Он величайший манипулятор, который сам видит людей насквозь. Я отчетливо вспомнила его недавний визит в мою спальню, его тяжелую, пугающую фигуру на балконе и чернильно-фиолетовый взор, от которого плавилась мысли. Он читал мои эмоции, как открытую книгу. Он упивался моим страхом, чувствовал его на вкус и хладнокровно протискивал ногу между моих ног, ломая любое сопротивление на чистой силе. Ксайдер прямо сказал мне, что всегда находится на шаг впереди. Как можно обмануть того, кто видит каждую твою скрытую мысль и каждую фальшивую ноту в голосе? Стоит мне сделать один неверный ход на его территории, попытаться сыграть роль и втереться в доверие — и он сотрет меня в пепел. Уничтожит с особым удовольствием, как и обещал перед тем, как раствориться в темноте.

Я затихла, утыкаясь лбом в колени. Дыхание оставалось рваным, а слезы уже высохли на щеках, стягивая бледную кожу. В ушах звенело от удушающей пустоты этой лачуги. Страх медленно, капля за каплей, уступал место какому-то новому, незнакомому доселе чувству.

Отчаяние выжигало меня изнутри, оставляя после себя лишь холодное, мертвое пепелище. Если я останусь здесь — девчонки погибнут. Если я откажусь играть — Рейздан лично сотрет мою семью из истории Этера. У меня больше не было выбора. Моя прошлая жизнь, мое тихое, тайное выживание в Гнили закончилось в ту секунду, когда Ищейки выбили нашу дверь. Той девочки, которая боялась Иверийцев и пряталась по углам, больше не существовало.

Я подняла голову. Взгляд замер на щербатой глиняной кружке Талии, стоявшей на столе. Внутри, в самой глубине души, из этого пепла и разрушенных иллюзий начало медленно, со скрежетом подниматься совершенно иное пламя. Оно не было горячим — оно было леденящим, твердым, как обсидиан. Железная решимость затапливала вены, вытесняя остатки слабости и детских слез. Я больше не буду покорной пешкой, которую швыряют по доске ради чужих амбиций.

Я резко вытерла остатки слез ладонью, загоняя слабость глубоко внутрь себя. Зубы сжались до боли.

Всю жизнь я считала чудовищами Высших Иверийцев и Лордов Этера. Я до сих пор не знаю всех правил этой жестокой игры, в которую меня втянули. Но чтобы спасти Талию и Митею, мне придется стать одной из них. Мне придется лгать, манипулировать, играть чужими жизнями. И если ради этого мне надо заставить Лорда Стигии сблизиться со мной — я это сделаю.

«Пешка думает, что идет сама, но её двигает чужая рука».

Возможно, Кукловод снова передвинул фигуру. Но следующий ход всё равно предстояло сделать мне.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Продолжение в книге «Пешка Затмения»

Пешки тоже верят, что управляют партией...

Дорогой читатель!

Благодарю за то, что выбрали мою книгу и прошли этот путь до конца.

Каждое мнение и впечатление о прочитанном помогает истории жить дальше — находить новых читателей и оставаться в памяти тех, кто уже открыл для себя этот мир.

Если история вызвала у вас эмоции — поделитесь ими.

Даже несколько слов о прочитанном могут значить больше, чем кажется, и помогут другим найти именно ту книгу, которая откликнется им так же.

Спасибо за внимание к моим героям и за время, проведённое вместе с ними.

Эта история только начинается.

До встречи в следующих книгах цикла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.